

「御定書百箇條」

「徳川成憲百箇條」

А.В. Филиппов

«СТОСТАТЕЙНЫЕ
УСТАНОВЛЕНИЯ
ТОКУГАВА»
И «КОДЕКС
ИЗ СТА СТАТЕЙ»

Санкт-Петербургский государственный университет

А.В.Филиппов

«Стостатейные установления Токугава» 1616 г.

и

«Кодекс из ста статей» 1742 г.

Право, общество и идеология Японии
первой половины эпохи Эдо

Издательство С.-Петербургского университета

1998

УДК 950.1:003

ББК 63.2

Ф 53

Помещенные на обложке портреты *первого сёгуна династии Токугава Иэясу* и *восьмого сёгуна Токугава Ёсимунэ* взяты из издания «Тэйкоку дзиммэй дзитэн» (Токио, 1907. С.298, 305). Использованные при оформлении гербы-мон являлись символами династии соответственно в первую и вторую половину эпохи Эдо.

Ответственный редактор: чл.-корр. РАН А.А.Искендеров

Рецензенты: д-р ист. наук М.В.Воробьев (ЛО Ин-та востоковедения),
канд. ист. наук Б.М.Новиков (С.-Петербург. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета

ФИЛИППОВ А. В.

Ф 53 «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г.: Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. — 186 с.
ISBN 5-288-01735-2

Монография вводит в научный оборот отечественного востоковедения два малоисследованных исторических источника, ранее нередко воспринимавшихся как один документ: «Стостатейные установления Токугава» (начало XVII в.) и «Кодекс из ста статей» (середина XVIII в.). Книга содержит полный авторский перевод на русский язык первого из памятников и выборочный — второго. Материалы явились основой для исследования социально-политической организации японского общества в первую половину эпохи Эдо. Разрабатываются два направления: чисто историческое и историко-правовое. Сравнительный анализ японских и китайских понятий, категорий и их систем выявляет не только глубокую связь общественных институтов и идеологии Японии с китайской культурой, но и существенные различия во внешне однородных социально-политических представлениях. Прилагается иероглифический индекс-указатель.

Для востоковедов, а также специалистов в области истории права.

Темплан 1997 г., № 30

ББК 63.2

ISBN 5-288-01735-2

© А. В. Филиппов, 1998

© Издательство С.-Петербургского
университета, 1998

Введение

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена Японии первой половины правления династии сёгунов¹ Токугава (1603-1867), или периода Эдо — по наименованию столицы Эдо (ныне Токио). Если следовать критериям всемирно-исторического процесса — это начало нового времени.

Постановка темы предопределила необходимость ее разработки как бы на стыке нескольких отраслей науки, прежде всего истории и права, отчасти философии, политологии и некоторых других. В историческом аспекте все сводится к изучению характера и тенденций развития японской государственности в первой половине периода Токугава, в историко-правовом — к исследованию, переводу и комментарию двух значительных исторических источников. Речь идет о политико-правовых «Стотатейных установлениях Токугава» («Токугава сэйкэн хяккадзё»)², которые принято датировать 1616 г., и чисто юридическом «Кодексе из ста статей» («О-садамэгаки хяккадзё»)³ 1742 г.

Помимо изучения специфики социально-политических структур и анализа эволюционной направленности изменений в обществе, представляется необходимым обратить внимание читателя на значимость отдельных реалий времен Токугава для эпохи

¹ Сёгун (букв. — «военачальник») — глава так называемого военного правительства бакуфу (букв. — «полевая ставка», «палаточное правительство»). В евроязычной литературе к данной форме правления достаточно устойчиво применяется термин «сёгунат», однако автору представляется более целесообразным придерживаться оригинального японского термина — «бакуфу». Бакуфу как система политического управления существовало с XII в. до середины XIX в. Император тэнно в этот период истории никакой реальной властью не обладал.

Черта над буквой обозначает долготу гласного в японском языке.

² Далее — Установления.

³ Далее — Кодекс.

«модернизации»-*хиндайка*, начавшейся после *Мэйдзи-исин*⁴, и для современности.

Ключ к пониманию особенностей национальной психологии и мировоззрения современных японцев следует искать в тех нормах жизни и условиях существования, что бытовали в предшествующие столетия. При такой постановке вопроса для нас наиболее важными оказываются Установления, как источник более широкого плана, отобразивший различные аспекты традиционных морально-этических и поведенческих комплексов, сферы правосознания (по сравнению с Кодексом почти сугубо юридического содержания, ввиду своей специфики практически не затрагивающим проблем идеологического либо политического свойства). Вместе с тем привлечение к исследованию Кодекса и выборочный его перевод, приводимый в настоящей работе наряду с полным переводом Установлений, необходимы по ряду причин. Во-первых, оба памятника, вплоть до *Мэйдзи-исин* сохранявшие свою юридическую силу, действительно представляли собой основополагающие документы. Во-вторых, важно выявить коренные различия этих документов, традиционно именуемых «статейными». И, в-третьих, анализ того и другого источника позволяет судить о социальной направленности изменений в рассматриваемый период. При свойственной любым правовым или связанным с правом материалам предвзятости и запаздыванию в отражении реалий и тенденций развития они все же более или менее адекватно определяли различные стороны жизни общества, по крайней мере в пору, близкую ко времени их составления (соответственно начало XVII и середина XVIII вв.).

Следует подчеркнуть, что перевод Установлений с оригинального текста публиковался у нас в стране лишь однажды — в 1888 г. (включен в примечания к «Очерку истории Японии» В. Я. Костылева [3]). Донные в отечественной и западной ориенталистике этот источник известен под описательным названием «Завещания *Иэясу*»⁵. Мы же возвращаем документу подлинное официальное название — «Статейные установления *Токугава*». Переводы Кодекса

⁴ События 1867-1868 гг., в результате которых в Японии было ликвидировано *бакуфу* и верховная власть в стране возвращена императору, в отечественной историографии обычно именуется как незавершенная буржуазная революция *Мэйдзи* (по названию девиза годов правления, или эры; *Мэйдзи* — букв. «просвещенное правление», 1867-1912 гг.). В японской историографии наиболее употребителен термин «*Мэйдзи-исин*» — «реставрация *Мэйдзи*» (подразумевается реставрация императорской власти в стране).

⁵ *Токугава Иэясу* (1542-1616) — основатель последней, третьей, династии сёгунов, которому приписывается авторство исследуемых здесь Установлений.

на русский язык (если не считать отдельных фрагментов в работах наших дореволюционных востоковедов) не публиковались, равно как не исследовался и текст Кодекса в целом. В последние полвека специальные исследования Установлений и Кодекса не выходили и за рубежом.

Перевод Установлений 1616 г. сделан нами по одному из переизданий серии «Законы Токугава» [13], впервые увидевшей свет в 1894 г. Перевод Кодекса выполнен по сборнику «Старые кодексы Японии» 1892 г. [12], текст которого практически идентичен тому, что помещен в вышеназванной серии «Законов Токугава» [11]. Кроме оригинальных публикаций к работе привлекались издания переводов обоих памятников на западноевропейские и русский языки, сделанные В.Я.Костылевым, Дж.Х.Габбинсом, В.Е.Грисби, В.Диксоном, П.Кемперманном, Дж.Ф.Лаудером, О.Рудорфом, А.А.Сэдлером, Дж.К.Холлом [3; 4; 14-23]⁶.

Потребовалось обращение и к широкому кругу исследований отечественных и зарубежных ученых. Прежде всего это были произведения, характеризующие сами источники, а также публикации по проблематике, так или иначе связанной с ними, — труды Г.Бурке, Дж.Х.Вигмора, Ж.Дотремера, Дж.Х.Габбинса, Х.Вайперта, С.-А.Прэта, О.Рудорфа и др. [23; 276; 280-281; 284-285; 301; 320-324]. Важную роль в работе сыграло привлечение научных публикаций А.В.Зениной, Г.И.Подпаловой, И.Г.Позднякова, И.М.Сырицына, Г.В.Хруслова [102-103; 107; 183-186; 212-213; 235], посвященных анализу концепций зарубежных ученых⁷.

Обилие использованной исторической литературы по периоду *Токугава* во многом обусловлено сложностями периодизации истории Японии в новое время. К началу XVII столетия завершилась борьба за восстановление политической консолидации, воссоздание централизованного феодального государства. Как о «структурном, организационном повороте от средневековья к новому времени» говорил о поре деятельности *Тоётоми Хидэёси*⁸ — второго из трех объединителей страны — видный японский историк Нагахара Кэйдзи [257, с.188]. Многие его соотечественники считали становление

⁶ Подробнее о переводах исследуемых памятников см. гл. I.

⁷ См. также работы Н.Ф.Лещенко [151-152], С.С.Паскова [174], Б.В.Поспелова [189].

⁸ Здесь и далее японские имена и фамилии приводятся в соответствии с нормами японского языка: сначала фамилия, затем имя. О *Тоётоми Хидэёси* см. монографию А.А.Искендерова [115]. *Ода Нобунага* (1534-1582) начал дело объединения страны, *Тоётоми Хидэёси* (1536-1598) продолжил, а *Токугава Иэясу* (1543-1616) (правил как *сёгун* в 1603-1605 гг., фактически же он являлся правителем страны на протяжении куда более значительного периода — 1598-1616 гг.) завершил начатое предшественниками.

режима *Токугава* реакционным явлением, имевшим место после якобы кризиса феодальной формации в XV-XVI вв. Американское востоковедение активно выдвигало иную идею о вызревании именно при *Токугава* семян будущей «модернизации».

В советской исторической науке также возникло немало разногласий по характеристике и датировке периода разложения феодальных и генезиса капиталистических отношений в Японии. Анализ достаточно длительной концептуальной эволюции взглядов отечественных историков-японоведов содержит публикация А.А.Толстогузова [218]. При сходстве мнений большинства исследователей о том, что позднефеодальная стадия развития Японии приходится на период *Токугава*, начало этого этапа определялось XVII и даже XVI столетиями. По словам И.Г. Позднякова, неправомерный взгляд на XV-XVI вв. как время кризиса феодальной формации был вызван преувеличением уровня развития страны и смешением товарно-денежных отношений с капиталистическими [184, с.390]. На неприемлемость стремлений «во что бы то ни стало найти элементы капитализма даже там, где их еще и не могло быть» указывал и А.А.Искендеров [116, с.104]. Таким образом, справедливо возобладавшим представляется суждение о японском феодализме XVII в. как о не исчерпавшем еще своих возможностей и находившемся на подъеме, об эре *Гэнроку* (1688-1704) как подлинно высшей точке в его развитии, очевидно ознаменовавшейся проявлением в экономике новых тенденций. Ныне и большинство зарубежных ученых склонно рассматривать эру *Гэнроку* как переломный момент в развитии японского феодализма. С этого времени правительство *Токугава* с целью поддержания основных устоев существовавшего порядка приступило к проведению серии крупных реформ — преобразований годов *Кёхō* (1716-1733), *Кансэй* (1789-1793) и *Тэмпо* (1841-1843)⁹, явно свидетельствовавших о кризисе формации.

⁹ И.Г.Поздняков так говорит о содержании этих реформ: «Каждая из реформ была обусловлена кризисным состоянием общества, но глубина кризиса в разные периоды была различной. Реформы годов *Кёхō*, проведенные при сёгуне *Ёсимунэ*, состояли в “режиме экономии”, реформе денежной системы, увеличении ренты с крестьян, поощрении освоения нови, поднятии воинского духа самураев ... Реформы годов *Кансэй* (1789-1793), проведенные регентом *Мацудайра Саданобу*, носили более ограниченный характер и свелись к борьбе с ростовщичеством, укреплению военной организации самураев, созданию запасов риса и т.д. ... Реформы годов *Тэмпо* (1841-1843) явились последней попыткой укрепления старого режима» [185, с.159]. Нередко именно с серии указанных реформ японские историки начинают рассмотрение второй половины (заката) периода *Токугава* (см.: [263, с.143-187]). Эти преобразования и составляли основное содержание перемен в жизни страны после годов *Гэнроку*. Развитие экономики неизбежно вело к необходимости осуществления все новых и новых преобразований [258, т.2, с.69-163].

Исследование также потребовало обращения к литературе, освещающей не только общие, но и конкретные проблемы японского феодализма, отдельные его структуры и т.п. В изучении вопросов политического, философско-идеологического, религиозного плана существенную роль сыграли труды таких советских авторов, как Ю.Б.Козловский, Я.Б.Радуль-Затуловский, Г.Е.Светлов [130; 192-194; 201-203], так или иначе касающиеся данного периода исследования их зарубежных коллег — Маруяма Масао, Накамура Хадзимэ, Фудзивара Нобору, Р.Белла, Р.Дж.Смит [269; 273; 293; 296-297; 310]. Присутствие определенной юридической специфики обусловило привлечение монографий по японскому праву и его истории Инако Цунэо, Исио Ёсихиса, Нода Ёсиюки [113; 249; 299], а равно и статей в периодических изданиях, коллективных трудах, монографиях более общего характера Р.Давида, Исии Рёсукэ, Дж.И.Крампа, Г.Рана [92; 279; 288; 302] и др. Для раскрытия проблематики старого японского и китайского права были привлечены труды советских востоковедов — М.В.Воробьева [69-76], Е.И.Кычанова [139-144] и В.М.Рыбакова [199-200]. В целях выяснения места и значения исследуемых памятников в системе старого японского письменного права (до периода *Мэйдзи*) предпринимается попытка проследить общий ход его эволюции.

В той степени, в какой это оказалось возможным, автор использовал метод сравнительно-исторического анализа в пределах дальневосточного региона и со странами Европы, закономерности эволюционных процессов в которых до сих пор нередко воспринимаются в качестве единственно возможного эталона. Весьма важно сопоставление Японии с Китаем как с государством, чья культура оказала существенное влияние на разные стороны жизни окружающих народов. Но при наличии, казалось бы, ряда общих черт ход развития двух этих стран принципиально отличается, что особенно проявилось после *Мэйдзи-исин*. Хотя в отечественной историографии не раз поднимались вопросы о специфике восприятия Японией традиционной идеологии Китая, до сих пор существует крайне мало работ по истории института сословий в Японии, их связи с соответствующими китайскими категориями (статьи М.В.Воробьева, А.В.Загорского, А.А.Толстогузова [72; 101; 219]). В предлагаемой вниманию читателя книге разбирается ряд таких понятий с прямым «выходом» на китайские эквиваленты, поскольку иероглифически японские термины часто являются, казалось бы, несомнен-

ными их аналогами¹⁰. Вместе с тем, видимо, вполне своевременна и постановка вопроса о недопустимости проводить между ними какие бы то ни было безусловные параллели, так как конкретное содержание реалии нередко могло существенно отличаться либо определенным образом конкретизироваться, сужаться. При переводе потребовалось обращение к корневому, исходному значению китайских иероглифов, что в то же время повлекло за собой и дополнительные сложности, связанные с необходимостью исключительного внимания к толкованию и уточнению общепринятых переводов различных японских понятий.

Введение в широкий научный оборот отечественного востоковедения исторических источников, не использовавшихся в должном объеме, становится все более важным для дальнейших концептуальных обобщений¹¹ на базе конкретно-исторического анализа, четкого предметного рассмотрения фактического материала. Каждый

¹⁰ Тому есть немало примеров и не только в социальной терминологии. В частности, Р. Дж. Смит выделяет термин «*кокутай*», переводя его как «коренной характер нашей Империи», и отмечает, что само сочетание, будучи заимствованным из древнекитайских сочинений, войдя в обиход в Японии вряд ли многим ранее начала XIX в., обратилось в нечто подобное специфически японскому и уникальному [310, с.83].

¹¹ Методологические вопросы, связанные с комплексным изучением и обобщением опыта развития восточных обществ, все более привлекают внимание отечественных исследователей (см. [52-55; 67; 99; 109; 125; 137; 179; 204; 231; 232; 239-240]). Следует отметить и существование ряда принципиальных расхождений в позициях исследователей. Так, в отличие от казавшихся уже общепринятыми взглядов на периодизацию японского феодализма А. В. Зениной [102-107], Г. И. Подпаловой [183], И. Г. Позднякова [184-187], А. А. Толстогузова [218], учебники Московского университета по истории Японии и истории стран Азии и Африки в средние века предполагают иное стадийное деление японской истории [120; 136] (V-VII вв. — становление феодальных отношений, X-XIV вв. — эпоха сложившегося феодализма, XV-XVII вв. — позднее средневековье). Несколько ранее один из авторов упомянутых учебников — И. М. Сырицын, вопреки тому, что большинство советских историков определили X-XII вв. как время перехода Японии к развитому феодализму, предложил датировать начало этого этапа концом XIV в., полагая единственным правильным принимать за основу периодизации феодализма формы эксплуатации крестьян [213, с.186]. Данная позиция вызвала справедливую критику со стороны А. А. Толстогузова, который отметил, что, во-первых, «для преобладающего в мировой истории процесса смены барщины продуктовой, а затем и денежной рентой характерны многочисленные исключения», а во-вторых, «если говорить об эксплуатации всего сословия крестьян сословием феодалов в целом, то переход к продуктовой ренте завершился уже к X в.» [218, с.19-20]. Да и в целом «при определении внутростадиальных рубежей в феодальном обществе важную роль играют конкретные формы феодальной собственности, вотчинно-поместной организации, пути их складывания, характер эксплуатации крестьянства, преобладающие типы ренты, методы внеэкономического принуждения» [218, с.20].

новый памятник — значительный шаг на этом долгом пути. К числу таких материалов принадлежат и взятые за основу данного исследования документы.

Ядром книги является перевод названных исторических памятников. По этой причине они представлены сразу после Введения. Далее следует состоящий из трех глав текст собственно монографии, который освещает ряд проблем, связанных, по мнению автора, с рассмотрением источников и способствующих лучшему восприятию содержащегося в них материала. Первая глава посвящена роли и значению «стоскатейных» памятников в системе традиционного японского права, вторая — социальным структурам японского общества XVII - середины XVIII в., третья — политической идеологии и политической организации того же периода. В книгу включен иероглифический словарь-индекс.

Возможно, приведенный фактический материал окажется полезным для читателя, в том числе и в связи с проблемами, никак не затронутыми данной работой.

Автор благодарит за принятое участие и помощь в работе своих учителей Л.В.Зенину, Г.Я.Смолина, весь коллектив кафедр истории стран Дальнего Востока и японской филологии Санкт-Петербургского университета, сотрудников СПбФ ИВ РАН М.В.Воробьева, В.Н.Горегляда, В.Ю.Климова, Ю.Д.Михайлову, сотрудника Института международной экономики и международных отношений РАН А.В.Загорского, всех своих близких.

Токугава сэйкэн хяккадзё**(«Стостатейные установления Токугава [Иэясу]») 1616 г.¹**

[1.] Отринь то, что влечет тебя, [и] ревностно служи тому, чему, хоть сам и гнушаешься, а служить должен.

[2.] Будь щедр к бонзам, и почитай синтоистские добродетели — это основа процветания государства, что избавляет от бед и несет благополучие.

[3.] [Если] отсутствует наследник — следует подробно и критично обсудить и решить [это] со старшими вассалами *рōсин*, как то: *Ии*, *Хонда*, *Сакакибара* [и] *Сакаи*.

[4.] [Управляющих] землями *кокуси*, хозяев владений *рёсю* и

¹ Оригинал текста в издании, использованном автором для данного перевода [13], предваряется краткой справкой-комментарием, который мы приводим ниже в настоящей сноске. «Давно ведутся разговоры о ста статьях *Токугава [Иэясу]*. Однако в списках, принадлежавших различным домам, имеются различия. А [для] выяснения их [соответствия] оригиналу [необходимо обратиться к] варианту, находящемуся в библиотеке *Асакуса*, который, как говорят, хранился во внутреннем архиве *бакуфу*. Считается, что именно этот экземпляр превосходит все дошедшие [до нас] копии, и [потому мы] приводим его, не принимая в расчет иные варианты. Помимо того, указанные Сто статей передавались [из поколения в поколение], будучи созданы во времена *Тосёко* [*Тосёко* — посмертное имя *Токугава Иэясу* (букв. — «господин *Тосё*», «Сияющее [божество] Востока»). Связано с названием посвященного ему синтоистского святилища в *Никкō* — *Тосёгү*], но очевидно, что в данном собрании [документов] эти статьи совершенно [соответствуют тому виду, в каком они] появились на свет в правление первого [сёгуна]. Что же касается порядка [их] применения при втором и третьем [сёгунах], то разве желаемая форма правления [не] строилась, согласно [заветам] предков, и при детях его и внуках [не] воплощалась на практике, как то было изложено в воле покойного, свидетельствуя [таким образом о] восприятии этих взглядов, [что] звались Ста статьями? Да, *Токугава [Иэясу]* искусно управлял княжествами; и, будучи направленными на заботу обо всем народе, на протяжении оставшихся двухсот лет правления [династии] эти статьи-правила не подлежали обсуждению [и обеснованию]; поскольку они лежали в основе [деятельности] *бакуфу*, ими определялась общая направленность управления. [Добавим] к этому, что данный текст, при сопоставлении его с другими вариантами, [наситывает] на один раздел больше, а именно — составляет 101 статью, вновь, как бы то ни было, подтверждая их достоверность» [13, с.52].

[иных] славных и великих мужей *ситаифу*² — больших и малых из подчинившихся мне после падения замка в устье *Сэссю-кава*³ — 88 человек, как уже записано в документах, считать за покоренных гостей из «прочих» [вассалов] *тодзама*. [Им] через год надлежит по очереди докладывать о службе⁴ [сёгуну и] осуществлять по очереди поездки-инспекции — следует контролировать [каково] благо-денствие народа.

[5.] К воинам *фудай*⁵ в целом относится 8023 всадника, как уже записано в документах. 18 из них — наши старые дома [вассалы] еще со времен *Сансю*⁶:

Окубо,	Андо,	Ота,
Канамори,	Хотта,	Ямамото,
Итакура,	Нагаи,	Нагасаки,
Дои,	Огасавара,	Кёгоку,
Осима,	Куцуки,	Окадзаки,
Абэ,	Цутия,	Наканэ,—

избирая достойнейших из тех, кто принадлежит к ним, должно назначать их на должности, облачаемые властью (*сиккэн-сёку*)⁷.

² «*Ситаифу*» (кит. *шидафу*) — термин, применявшийся в Китае для обозначения «служилого сословия и сановников», «ученых мужей», чиновничества. В ряде случаев допустим и такой, довольно условный, перевод, как «славные и великие мужи». Часто фигурирующий в тексте термин «*си*» (кит. *ши*), при распространенном японском значении «воины», в соответствии с исконным китайским смыслом, скорее, воспринимается как «ученые», «чиновники», «мужи». Фактически термин приложим ко всему японскому военно-чиновному, служилому сословию в широком смысле слова, а порой и к классу феодалов в целом (подробнее об этом см. гл. 2). Далее по тексту перевода ориентировка преимущественно дается на такие варианты трактовки *си*, как «служилые», «мужи».

³ *Сэссю-кава* — здесь имеется в виду замок *Тоётоми Хидэёси* в *Осака* («на реке, что в области *Сэцу*»), падение которого в 1615 г. ознаменовало окончательное уничтожение основателем новой династии сёгунов — *Токугава Иэясу* — иных претендентов на власть в стране.

⁴ Термин китайского происхождения «*дзюссёку*» (кит. *шучжи*) обозначает «доклад по служебным делам» (о местных князьях при визите к императору).

⁵ *Фудай* — наиболее привилегированный слой вассалов сёгуна. Так именовались те, кто стал вассалом *Токугава Иэясу* еще до решающей битвы при *Сэкигахара* в 1600 г., однако Установления в качестве решающей даты рассматривают осаду замка *Осака* в 1615 г., о которой ведется речь в ст. 4 памятного (подробнее о различиях слоев *фудай* и *тодзама* см. гл. 2, раздел «*Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость*»).

⁶ *Сансю* (букв. — «Трехречье», «Три области») — иное название родового владения *Токугава Иэясу*; провинция *Микава*, ныне находящаяся на востоке префектуры *Айти*.

⁷ Термин «*сиккэн-сёку*» чаще всего употребляется для обозначения поста регента-*сиккэн*, принадлежавшего фактическим правителям страны из дома *Ходзё* во времена номинального правления сёгунов *Камакура*.

[6.] Стены замка и караул — что Тигр в прыжке по левую руку и Падающий Беркут по правую. Следует знать о том, что с востока на запад внутри стен замка в 28 местах находится 28 караульных постов⁸.

Нужно, чтобы 33 Передовых отряда *сакитэ-гуми* были 33 Небесными Чертогами [созвездиями], 12 отрядов Большой стражи *обан-гуми* — 12 Блистательными Божествами [небесными ветвями — зодиакальными знаками животных 60-летнего календарного цикла], 10 отрядов Почетного караула *сэинбан-гуми*⁹ — 10 Земными корнями [стихий 60-летнего цикла]¹⁰, а 7 Ружейных отрядов — 7 Светилами¹¹.

Это установлено согласно моей воле и помимо обычаев прошлого.

Что же касается тех, кто этими [отрядами] командует, то подбирать и назначать их на посты следует тщательно и сообразно их данным, что до достоинств в распределении постов между ближайшими вассалами-*син*, то в этом нужно всецело следовать [установлениям] *Камакура-доно*¹², [кои] записаны отдельно.

[7.] Взаимные споры о превосходстве между мужами-*си*¹³ — высшими [иль] низшими — недопустимы. Определение их мест [в присутствии] надлежит осуществлять сообразно значимости занимаемых должностей. Если одинаковы должности [и] одинаковы места, споров о высшем

⁸ По-видимому, число 28 связано с пришедшими в Японию из Китая астрономическими представлениями, согласно которым звездное небо делилось на четыре стороны света (Восток — Север — Запад — Юг), каждая из которых состояла из семи созвездий (подробнее см. [236, с.4-5]).

⁹ В тексте статьи стоит *индзё-гуми*, однако это подразделение более известно как *сэин-бан*, либо *сэин-гуми* (подробнее см. гл. 2).

¹⁰ Теория пяти первоэлементов-стихий *гогё* (кит. *усин*): дерево — огонь — земля — металл — вода — явно упоминается лишь в одной из статей Установлений [13, ст.88]. В то же время встречающаяся в данной, 6-й статье, ссылка на «10 земных корней» также связана с представлениями о чередовании влияния пяти земных стихий (по два года каждая), что в сочетании с «12 небесными ветвями» (12-летним зодиакальным циклом) образует китайский по своему происхождению 60-летний лунно-солнечный календарный цикл, в течение которого единожды пересекаются все зодиакальные знаки и стихии [13, ст.6].

¹¹ По древним, заимствованным из Китая, представлениям пять планет (Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн) были отнесены к числу «светил», общее число которых вместе с Солнцем и Луной составляло семь. Каждая планета именовалась «звездой» той или иной из пяти стихий *гогё* (кит. *усин*): «звезда огня» Марс, «звезда воды» Меркурий, «звезда дерева» Юпитер, «звезда металла» Венера, «звезда земли» Сатурн. С названиями «семи светил» в современном японском языке связаны и дни недели — с «дня Солнца» (воскресенья) по «день земли» (субботу).

¹² *Камакура-доно* (букв. — «господин из Камакура») — почтительное упоминание *Минамото-но Ёритомо* (1147-1199), основателя первого *бакуфу*. *Камакура* — столица *Минамото-бакуфу*, город на юго-востоке нынешней префектуры *Канагава*. В памятнике часто употребляется и его почетный титул (см. прим. 15).

¹³ См. прим. 2.

[иль] низшем быть не может. Первенство определяют, смотря по размерам чиновного пожалования-канроку, а также по первенству занимаемых должностей, либо же смотря по почтенности лет. Всего основой следует делать скромность: [будучи сам] стар — я чту стариков.

[8.] Кодекс для военных домов Букэ сёхатто¹⁴, что основан на установлениях дома Правого тайсё¹⁵, записан отдельно. Но вместе с тем желательно, чтобы достоинства и упущения [его] сообразовались с веяниями времени.

[9.] Недопустимо, [когда] шесть искусств [этикет, музыка, владение луком, верховая езда, каллиграфия и счет] впереди, а пять постоянств годзё: [человеколюбие, чувство долга, соблюдение ритуала, знание, искренность]¹⁶ — после [них].

[10.] Строго следуя в устроении Судебной палаты кэцудансё древнему церемониалу [и] сообразуясь со статьями, исходящими от меня, необходимо, чтобы всякому человеку стало ясно, что законно, а что нет, [ибо] недопустимы [как] трепет пред благородным и родовитым, [так и] презрение к дикарю и убожеству (простолюдину). На тех, кому эти посты [в Судебной палате] доверены, держится Путь управления сэйдо Поднебесной, на посты те следует назначать

¹⁴ О кодексе для военных домов Букэ сёхатто 1615 г. см. также гл. 1, раздел «Письменное право феодальной Японии».

¹⁵ Правый тайсё, либо удайсё (букв. — «военачальник Правой [стражи Императорского двора]»), — почетный титул Минамото-но Ёритомо. Нередко он упоминается в документе и как Камакура-доно (см. прим. 12).

¹⁶ Пять постоянств годзё (кит. учан): человеколюбие — чувство долга — соблюдение ритуала — знание — искренность (кит. жэнь — и — ли — чжи — синь; яп. нин — ги — рэй — ти — син). Данный вариант перевода достаточно условен, возможны и другие: гуманность (справедливость) — долг — этикет (благопристойность) — мудрость (разумность) — правдивость (вера). Дальнейшее применение этих категорий ориентировано на первый из переводов, данных здесь, либо на оригинальное японское наименование этих терминов (о пяти постоянствах годзё см. также гл. 3, раздел «Основы и принципы организации управления (политическая система и структура бюрократического аппарата)»).

Помимо основного значения, сочетание «пять постоянств» годзё порой употребляется вместо «пяти [взаимно] отношений между людьми» горин (подробнее об этом в связи с использованием синонимичного термина «Отношения [между] людьми» дайрин см. прим. 39 к ст. 40 Установлений, равно как и выше-названный раздел гл. 3).

Двойкий смысл есть и в понятии «шесть искусств» рикугэй. Если первоначально в Китае во времена династии Чжоу (XI в. — 247 г. до н.э.) им обозначались именно искусства, владение которыми считалось обязательным для лиц чиновного положения, то впоследствии он нередко стал использоваться вместо термина рикэй, обозначающего Шестикнижие конфуцианского канона («Ицзин», «Шуцзин», «Шицзин», «Чуньцзо», «Лицзи» и утраченный либо вовсе не существовавший «Юэцзин»). Таким образом, смысл данной статьи может быть и определенным образом расширен.

по тщательном отборе, исходя из личных качеств и по обсуждении со старшими вассалами *рōсин*. [Все] это отнюдь не просто.

[11.] Управляющий *бугѣ* [или] староста *тōнин*, в нарушение закона берущий взятки, тем самым совершает государственное преступление [и] заслуживает смертной казни без права помилования как за преступление, равное измене.

[12.] Древний мудрец говорит: «Состоящий на содержании у люда — правит им, правящий людом — кормится от него, это всеобщий долг-справедливость *ги*, на котором покоится Поднебесная»¹⁷. Среди четырех сословий *симин* служилые [мужичи] *си* управляют земледельцами *нō*, земледельцы — содержат служилых, [и] эти два [сословия] стоят выше ремесленников *кō* и торговцев *сѣ*. По глубоком раздумии о происхождении беспорядков минувших эпох я [уяснил, что] непонимание этих двух [истин] было причиною утраты престола Сынами Неба, злосчастия *сѣгунов* в ратном [деле], гибели домов служилых [мужей]. Небрежение человеколюбием в этих отношениях недопустимо и на день.

[13.] Даже если и есть [тут] ошибки, [коли] проявилась оплошность по прошествии пятидесяти лет — [так и] оставить [в тексте без] изменения.

[14.] Хотя семьи земледельцев в отдаленных провинциях и равны [между собой], в этих деревнях и местностях есть старшины *оса*, что ведут свой род с древности; при том, что это и обыкновенный простолюдин *хякусѣ*, — он иным не ровня. Отбирая лиц древнего рода, следует препоручать [им] должности по охране [интересов народа] — это великое установление Поднебесной: недопустимо, чтобы низшие пренебрегали теми, кто выше [их]. Суть этого следует довести до управляющих землями *кокуси*, хозяев владений *рѣсю* и управляющих землями *сѣгуна дайкан* без различия на *тодзама* [или] *фудай*.

[15.] Вопросы, касающиеся тайной вырубки на границах провинций, деревень, у горных рек, на границах владений, межах сухих и заливных полей и усадебных земель, в полях либо зерносушильнях, защищенных лесом, и подобных местах, представляются в Судебную палату *кэцудансѣ*. Это также не следует упускать из виду.

[16.] [Предусматриваемые] законом 5 [видов] казни, являющиеся карой за [содеянное] зло: выставление головы казненного, распятие на кресте, сожжение, обезглавливание¹⁸ — с давних пор в иных краях

¹⁷ Фраза, судя по всему, является цитатой из «*Мэн-цзы*» (ср. [2, т.1, с.238]).

¹⁸ Пятый вид казни в использованном для данного перевода издании не назван [13]. Согласно переводу В.Я.Костылева, это «5-й род (упоминаемый в ст.34), казнь самого виновного вместе с родными» [3, с.336] (см. также далее ст.34 Установлений в настоящем переводе). Дж.Х.Габбинс пятым видом казни называет удушение [29, ст.16].

и при нашем Дворе по своему характеру не были одинаковы. Применять [их] следует сообразно Записям¹⁹ дома Удайсё²⁰. [На] смертный приговор нет помилования, [если это] не лицо Императорского достоинства.

[17.] Согласно высочайшему соизволению о [назначении в] сёгуны, из общего дохода *сёдака* 66 провинций в 28 млн 190 тыс. *коку*²¹ [риса] 20 млн *коку* подлежат должному распределению между мужами преданной службы, [а] получаемые [сёгуном] 8 млн 190 тыс. *коку* предназначены на всестороннее обеспечение Высочайшего Запретного двора²² и его охранения. Это в точности древние установления для сёгунов со времен *Камакура-доно*.

[18.] С выходом Императорского дозволения [о назначении на пост] сёгуну надлежит выделить трех достойных. Нынешнее мое [положение] создано: *Ии* — пожалованием [ему] Золотого *гохэй*²³ делаю [его] старшим-первым, *Хонда* — даруя Серебряный *гохэй*, делаю средним-вторым, *Мураками* — наградив Бумажным *гохэй*, делаю младшим-третьим. Данный церемониал — следование внесенному в Записи²⁴.

[19.] Кичиться военной мощью — [значит] выказывать небрежение Императорскому трону, [а] нарушение ритуала [в отношениях] Неба и Земли, государя и подданного (*хунсин*) — недопустимо. Долг каждого служащего в государстве — в доставлении спокойствия народу, [а] не в прославлении предков и возвеличении потомков. Следует знать о том, что совершенная добродетель *сэйтоку Тан*

¹⁹ Далее в тексте фигурирует просто «Записи», что, вероятно, относится к установлениям прежних *бакуфу*, а не только основателя *Камакура-бакуфу* (например, см. статьи 18, 59 Установлений).

²⁰ См. прим. 15.

²¹ *Коку* — мера емкости, равная 180,391 л. Как правило, использовалась для учета количества риса или определения дохода в эпоху господства натурального хозяйства в Японии. В текстах термин «*коку*» нередко применяется именно в значении «*коку риса*». Вес 1 *коку* риса — около 150 кг.

²² *Кин* — «Императорский» как запретный для посторонних лиц (термин китайского происхождения).

²³ *Гохэй*. В тексте документа фигурирует *хэй* — столбик с бумажными подвесками, символизирующими подношения божеству *синто* (хотя наиболее распространенная форма *гохэй* — просто полоски бумаги). В данном контексте представляется наиболее уместной такая трактовка этого сочетания, как «[жезл в форме] *гохэй*».

²⁴ Судя по всему, речь идет вообще об установлениях прежних *бакуфу* (ср. прим. 19).

[-вана] и У[-вана]²⁵ — делать это стремление основой [всего].

[20.] Управляющие землями *кокуси* и хозяева владений *рёсю*, пускай даже [их] владения [и] велики, преступи [они] принцип [доставления] народу спокойствия — лишаются чинов и постов и должны понести наказание ссылкой на поселение в глушь. В этом [и] заключается человеколюбие У[-вана]²⁶.

[21.] Установленный порядок надлежащей поранговой иерархии постов при дворе *Сэйи-тайсёгун*²⁷ и за его пределами, хоть в целом и следует примеру *Камакура-доно*, приводится [здесь] с изменениями и дополнениями, [отвечающими] обычаям страны и веяниям времени, [что] детально фиксируется — [это] норма, коей мужи *си* с неослабной устремленностью должны отдавать все [свое] служебное рвение. [Как] писано в старину, следует снять со «щита черепахи и зеркала» [данного образца]²⁸ копию [и] охране врат вывесить [ее], [чтобы] известить об этом:

- II *тайрō-сики* — «Старейшина»-канцлер; министр-регент, верховный советник,
- III *ō-русуи* — старший дворецкий, управляющий замком Эдо в отсутствие сёгуна,
- IV *тай-рōдзю* — «Большие старейшины», Большой совет старейшин,
- V *собаёнин* — «приближенный», камергер, постельничий,
- VI *сё-рōдзю* — «малые старейшины», Малый совет старейшин,
- VI *Кё-сёсидай* — резидент-представитель [сёгуна] в Кио[то],
- VI *Осака-дзёдай* — наместник-представитель [сёгуна] в замке Осака,

²⁵ *Тан-ван* ([Чэн-] *Тан*) — титул основателя китайской династии *Шан*, известной и под наименованием *Шан-Инь* (XVI - XI в. до н.э.). *У-ван* (правил в 1121-1116 гг. до н.э.) — основатель китайской династии *Чжоу* (XI в. - 247 г. до н.э.).

Если допустить возможность изменения ключа иероглифа в имени *Тан* (что вполне могло происходить при переписке текста), то иероглиф превращается в *ян* (яп. *ё*) — светлое, мужское, положительное начало *ян* в древнекитайской дуалистической натурфилософии. Тогда сочетание, переведенное нами как «*Тан[-ван]* и У [*-ван]*», будучи иначе записанным, могло бы трактоваться и как «истинный, благородный воин», придавая предложению иной смысл: «Следует знать о том, что совершенная добродетель благородного воина — делать это стремление основой всего».

²⁶ Поскольку имя прославленного китайского правителя *У-ван* записывается иероглифом «воин», последняя фраза статьи может быть воспринята и совершенно иначе: «В том [и] заключается человеколюбие [истинного] воина».

²⁷ *Сэйи-тайсёгун* (букв. — «Великий сёгун, покоряющий варваров») — официальное наименование должности главы правительства *бакуфу*; более распространено являющееся сокращением *сёгун* (имеется и иное значение слова *сёгун* — см. прим. 35 к ст. 30 Установлений).

²⁸ *Кихан* (термин китайского происхождения, букв. — «щит черепахи и зеркала») — образное выражение для обозначения руководства, наставления, предостережения, урока, образца, примера. В ст. 75 Установлений автором оставлен буквальный вариант перевода (см. прим. 107).

- [vii] *Сумпу-дзэдай* – наместник-представитель [сёгуна] в замке Сумпу [ныне — преф. Сидзуока],
- [ix] *Кунё-дзэдай* – наместник-представитель [сёгуна] в замке Кунё,
- [x] *сōся* – докладчики,
- [xi] *кōкэ* – «высокие дома», церемониймейстеры сёгуна,
- [xii] *дзися-бугэ* – министр-бугэ по буддийским и синтоистским храмам,
- [xiii] *оку-русуи* – дворецкий женской [части дворца сёгуна],
- [xiv] *Нисимару-русуи* – дворецкий Нисимару, центральной части замка Эдо, дворца наследника сёгуна,
- [xv] *ō-мэцукэ* – «прикрепленное око», Старший наблюдатель, Верховный мэцукэ,
- [xvi] *косэ-гуми* – Пажеский корпус, отряд Придворной стражи, Внутренняя Гвардия,
- [xvii] *сэин-гуми* – почетный караул замка сёгуна,
- [xviii] *нэдзубан-гуми* – «недреманная стража», Ночная стража,
- [xix] *ō-оку дзумэбан* – Стража [Внутренних покоев] женской [половины дворца сёгуна],
- [xx] *тйō-оку дзумэсйō* – Стража [Внешних покоев] женской [половины дворца сёгуна],
- [xxi] *ō-оку госэ-гуми* – Пажеский корпус [во Внутренних апартаментах придворных] дам,
- [xxii] *тйō-оку косэ* – Свита [внешних покоев придворных] дам,
- [xxiii] *ōбан-гуми* – отряды Большой Стражи, Великая Гвардия,
- [xxiv] *Фусими-сэсидай* – наместник-представитель [сёгуна] в Фусими,
- [xxv] *матти-бугэ* – бугэ-градона начальники [в Эдо, Киото и Осака],
- [xxvi] *кандзэ-бугэ* – министр-бугэ по делам казны [и управления землями дома сёгуна],
- [xxvii] *Фуёма-якунин* – служащие Лotosовой палаты,
- [xxviii] *Гамма-дзумэбан* – Стража Палаты диких гусей [гонцов и посланников],
- [xxix] *Тома-дзумэбан* – Стража Павлониевой палаты,
- [xxx] *Цуцудзима-якугакари* – служащие Азалневой палаты,
- [xxxi] *дайсэ-нōко* – большие и малые цензоры,
- [xxxii] *има-дзумэбан* – Стража Жилых покоев [сёгуна],
- [xxxiii] *кироку-докоро гакари* – служба Записей,
- [xxxiv] *мотидзуцу-гасира* – командир «ружьеносцев»,
- [xxxv] *юми-гасира* – командир лучников,
- [xxxvi] *кисю-гасира* – командир знаменосцев,
- [xxxvii] *сакитэ-гуми* – отряды «первой руки», авангард,
- [xxxviii] *баку-бугэ* – бугэ [-держатель] Полога, занавеси,
- [xxxix] *нагаэ-гасира* – командир коньсе[носцев],
- [xl] *сёмоцу-бугэ* – бугэ [-хранитель] книг и документов,
- [xli] *дōбō-гасира, митибата-гасира* – «старший [хранитель] обочин», глава дорожного ведомства,
- [xlii] *дзюся* – [ученые-]конфуцианцы,
- [xliii] *гэка-хондō* – [врачи] «основного пути внешнего целения» [хирургии],
- [xliv] *тэнсю-гасира* – «старший [хранитель] покровительства Небес», старший астролог,
- [xlv] *гимми-яку* – «следственные служащие», следователи,

- [XLV] *кандзэ-хэйяку* – рядовые служащие-казначей,
- [XLVI] *омотэ-мэцукэ* – «внешний мэцукэ», мэцукэ государственных учреждений замка сёгуна,
- [XLVII] *гайсоку-мэцукэ* – «посторонний [внештатный] мэцукэ», мэцукэ при особе сёгуна,
- [XLVIII] *цукаи-бан* – «стража [использования] на посылках», Вестовая Гвардия,
- [L] *кати-мэцукэ* – «младший мэцукэ», «пеший мэцукэ», рядовой мэцукэ,
- [LI] *курокубаса* – «[хранители] черной могиги», ответственные по вопросам земледелия,
- [LII] *тёдзися* – «[хранители] гвоздичного дерева», ответственные за поддержание общественного порядка,
- [LIII] *умая-бугё* – «бугё конюший», управляющий конюшнями бугё,
- [LIV] *маканан-гасира* – старший [ответственный] по обеспечению продовольствием,
- [LV] *Ига-гуми* – отряд [из земли] Ига,
- [LVI] *кони-гуми* – «малый отряд [из десяти] человек», сопровождение сёгуна при выходах.

[Если имеются] упущения, выходящие за рамки вышеизложенного, недостающее желательно восполнить.

[22.] Недопустимо, оказавшись под влиянием [родных и близких]²⁹ жены и наложниц, пренебрегать заслугами достойных мужей – это изречение, [великое в] Поднебесной; [принадлежащий к] роду сёгуну должен быть [на сей счет] в высшей мере осмотрителен.

[23.] Гражданские и воинские [искусства]³⁰ исходят из человеколюбия: при тысячах установлений и десятках тысяч принципов их суть едина – [это] закон управления страной и успокоения Поднебесной, [и] нужно понимать, что в этом заключено.

[24.] Все военные трактаты говорят: «Не с чем сравнить благо-расположение к воину, и есть путь вызвать расположение [взаимное] – не расположением по расчету, [а] расположением из человеколюбия; [покуда] чтит человеколюбие-справедливость высший – не будет непочтительным к долгу низший».

[25.] Поднебесная – не Поднебесная поднебесной, равно как и не Поднебесная одного человека, – сводится [все] лишь к человеколюбию [и] требует глубокого изучения.

[26.] Кто человеколюбив – в том заключены четыре установления

²⁹ Имея в виду различные значения иероглифа «эн/ёру», возможно толкование текста и с упоминанием «родных и близких» (подобный перевод допустим при использовании чтения «эн») либо без такого упоминания (при чтении как «ёру» со значением «зависеть»).

³⁰ Несмотря на то, что искусство, скорее, представляется родственным **humanities**, находясь, таким образом, в связи и с конфуцианским понятием «човеколюбия», «гуманности» *жэнь*, термин «воинские искусства» существует и на Западе (обычно при восприятии «искусства» как явления прямо антагонистичного войне – антигуманной по своей сути).

[и] девять установлений³¹; и на день недопустим отход от этого устремления.

[27.] Если кто нарушит мои установления, будь [он] даже законным преемником *тякуси* и родным сыном *дзисси*³², [ему] не может быть дозволено наследование главе рода [сёгунов]; [на этот пост] по обсуждении с министром-старейшиною *тайрё* и старшими вассалами *рёсин* следует назначать из числа *камон*³³, избрав лицо надлежащих данных.

[28.] Характер наследования в домах славных и великих мужей *ситайфу*, будь они управляющими землями *кокуси* и хозяевами владений *рёсю* или нет, — не тот же, что и в доме сёгуна. Следует позволять [передачу прав] наследования родному сыну, будь он и от

³¹ *Сикэй кёкэй* (кит. *сыцзин цзюцзин*). Под четырьмя установлениями *сикэй* имеются в виду восходящие еще к древнекитайскому канону *Ицзин* «четыре свойства Неба»: изначальность — постоянство — благожелательность — чистота (кит. *юань* — *сян* — *ли* — *чжэнь*; яп. *эн* — *кё* — *ри* — *тэй*), — соответственно отражающиеся в таких четырех достоинствах-добродетелях (кит. *свидэ*; яп. *ситоку*) совершенной личности, как человеколюбие — соблюдение ритуала — чувство долга — знание (кит. *жэнь* — *ли* — *и* — *чжа*; яп. *нин* — *рэй* — *ги* — *ти*). Относительно возможных вариантов перевода последних категорий см. *прим. 16*. Девять установлений *кёкэй* — это представленные в древнекитайском каноне Чжунъюн «девять правил управления Поднебесной»:

- 1) овладение собой (самосовершенствование);
- 2) почитание мудрости;
- 3) привязанность к близким;
- 4) уважение высших сановников;
- 5) учтивость с чиновничеством;
- 6) любовь к простонародью как к детям;
- 7) поощрение ста ремесел;
- 8) мягкость с дальними гостями (чужестранцами);
- 9) обретение благорасположенности князей.

Вместе с тем нельзя не отметить, что *сикэй* обозначает еще и древнекитайские «четыре канона» (не Четверокнижие): «*Ицзин*», «*Шуцзин*», «*Шицзин*», и «*Чуньцю*». *Кёкэй* также имеет еще одно значение — конфуцианское Девятикнижие: «*Ицзин*», «*Шицзин*», «*Шуцзин*», «*Лицзи*», «*Чуньцю*», «*Сяоцзин*», «*Лунь юй*», «*Мэн-цзы*» и «*Чжоу ли*».

Таким образом, текст статьи может звучать в переводе и так: «Кто человеколюбив, в том заключены Четыре канона [и] Девятикнижие».

³² «Родной» в смысле «неприемный»: *дзисси* («настоящий сын») — антоним *ёси*, либо *гиси* («приемный сын»). Явление связано с широким распространением на Дальнем Востоке системы приемных сыновей, наследовавших главе семьи в случае отсутствия родных сыновей.

³³ *Камон* (букв. — «врата дома») — так назывались три самых близких *Токугава* по родству дома; при отсутствии наследника сёгуну в главном доме представители *камон* могли рассчитывать быть выбранными на этот пост. Подробнее о *камон* см. гл. 2, раздел «Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость».

другой матери³⁴. Если этот родной сын скончается, не достигнув пятнадцати лет, должно передать наследование его младшему брату. Не имеющему младших братьев при [его] просьбе передать имя приемному сыну давать соизволения не следует [если просителю менее пятнадцати лет]. С шестнадцати лет следует позволять [передачу прав] наследования приемному сыну. Это древнее правило существует со времен *Ои-но сукэ* из нашего дома.

[29.] По двум законам награждают и карают: следуя пронизательности одного человека, нельзя награждать [и] нельзя карать; [когда] многие мужи [призывают] наградить — награждают, многие мужи [призывают] покарать — нужно карать.

[30.] Великий закон об общественном долге в несении военной службы для *кокуси* и *рёсю*: [с имеющих доход в] 1000 *коку* — 5 всадников; 10 тыс. *коку* — 50 всадников; 100 тыс. *коку* — 500 всадников; 200 тыс. *коку* — 1000 всадников, что составляют одну армию. Кто должен командовать тремя армиями — назначается старшим военачальником (*сёгун*³⁵), командующий пятьюстами всадниками — назначается средним военачальником, командующий двумястами пятьюдесятью всадниками — назначается младшим военачальником; на эти места следует назначать согласно заслугам.

[31.] Вообще во всех делах следует равняться на законы прошлого, и следует прекратить заниматься составлением новых правил.

[32.] Когда имеются просители о подятии нови, [дело] должно расследовать. Коли к тому нет препятствий, следует позволять. В общем виде установления (о разрабатываемых полях) исходят от *Удайсё-доно*. [На] суть этого также следует указать чиновникам-*якунин*.

[33.] [В случае] ссоры или спора устанавливается наказание для обеих сторон, однако в зависимости от обстоятельств могут быть сделаны [и] исключения. [Если] по прекращении стычки примирение не достигнуто, по регистрации просьбы от наследников убитого о кровной мести *катакиутти*³⁶ следует [дать] дозволение согласно просьбе, при том, что для очередного соперника [подобное обращение] следует пресекать.

³⁴ Можно предположить, что речь идет о сыне не от старшей жены, а от наложницы и т.п.

³⁵ Как уже говорилось в *прим. 1 Введения* буквально *сёгун* обозначает «военачальник». В данной статье имеется в виду именно это первоначальное значение слова, а не «глава правительства *бакуфу*».

³⁶ *Катакиутти* — кровная месть. Существование такого пережитка чуть ли не времен родового строя в Японии вплоть до *Мэйдзи-исин* привлекало внимание исследователей сразу же после «открытия страны» [см., напр.: 280-281].

[34.] Убийство родителя или наставника, убийство господина-*сюдзин* – ввиду того, что это выходящие за рамки [всех] законов злодеяния, также должны подлежать и выходящей за рамки [всех] законов казни; вне сомнения, подлежат смерти [все] вплоть до десяти степеней [родства]³⁷.

[35.] [Поскольку говорят, что] во времена порядка [и мира] не забывают о «смутном времени», [в] беседах с мужами из *фудай*³⁸ военными искусствами пренебрегать не след, [а] следует блюсти свой статус.

[36.] Меч – душа воина, утрата [меча] для него непозволительна.

[37.] Что до выражения: «Барабан Увещевания скользок ого мха»³⁹, – то, будучи славословием спокойствию при ином дворе [китайском], в определенных вещах таковым не было. Всего вернее – следует делять любовь к оружию.

[38.] Защита сродни обучению правилу: злоумышленник – непредвидим⁴⁰. Однако, вникая в то, чем была сокрушена эта защита в чужих краях и при нашем Дворе, [уясняешь, что] все не иначе как происходило из увлечения *сакэ*⁴¹ и пристрастия к услаждению плоти, предавшемуся [коим] без удержу, свершив самоубийство-*дзисацу*, следует уступить [свой] пост.

[39.] Желая преуспеть во всяком деле – положась на мои статьи, посоветуйся со старшими вассалами; следует поступать исходя из того, что властелин и вассал (*кунсин*) – единая плоть, и на миг неуместно попустительство своеволию.

[40.] Государь и чиновник (*кунсин*), отец и сын, супруг и супруга, старший брат и младший, друзья – нерушимостью пяти [этих

³⁷ *Дзюруй* – «десять видов». По-видимому, все родные и близкие. Хотя у В.Я.Костылева высказаны конкретные предположения: «...вероятно: отец, мать, дед, бабушка, сыновья, дочери, братья, сестры, жена, ее родители» [3, с.340].

³⁸ В.Я.Костылев, переводя данную статью Установлений, уточняет статус *фудай*: «служащие в третьем поколении и свыше в одном и том же доме» [3, с.340]. В настоящем тексте о *фудай* как вассалах в третьем поколении говорится в ст. 96 Установлений.

³⁹ Имеется в виду барабан перед императорским дворцом в древнем Китае для приносящих жалобы. В правление совершенномуудрого *Яо* жалоб не было – барабан молчал.

⁴⁰ Учитывая китайские значения иероглифа «ки/укагау», представляется допустимым перевод «нельзя давать и полшага ступить», но, видимо, вариант «будь готов к любым неожиданностям» все же вернее.

⁴¹ *Сакэ* – японская рисовая водка.

взаимосвязей] держатся Отношения *дайрин*⁴² [между] людьми. Так, [если] взять мужей *си*, [что поступают] как положено ходом вещей — [их] будет 8-9 из 10; в то же [время] невозможно, чтобы не было пороку, без различия благородных и подлых, высших и низших, тех, кто нарушал бы отношения супругов; будь то прелюбодеяние или тайная привязанность, по раскрытии преступления обе стороны наказуемы, в прошлом [ли], ныне [ль — это] извечный проторенный путь. Что касается служилых мужей *дзиси*, приближенных дам и друзей, их виновность и наказание одинаковы. Что до тех, кто из простолюдинов и низкорожденных, то [в] избавлении [их] от наказания следует полагаться на волю супруга. Народ — единство во плоти *инь* и *ян*⁴³, нет [на нем] вины, что требовала бы [осуждения за] зло. Налагая кару, следует тщательно [все] взвесить.

[41.] Кто угодничает пред власть имущим и прибегает к клеветническим наветам — постичь сердцем как лъстивого подданного *син*, кто никогда не [принимает] подобострастного вида, прям и справедлив на словах и на деле — разумеется, [тот воистину] верноподданный *тюдсин*.

⁴² Речь идет о «пяти основных нормах [человеческих взаимо]отношений» (кит. *улунь*; яп. *горин*): «почтительность сына к отцу (родство отца и сына), долг подданного перед государем, различие супругов (подчинение мужу), порядок старшего и младшего (последовательность в отношениях), доверие друзей (искренность, верность товарищей) = *фуси-но ситасими*, *кунсин-но ги*, *фуфу-но бэцу*, *тэё-но дзё*, *хёй-но син*». Существование формулы в таком законченном пятичленном виде обычно связывают с суждениями древнего китайского философа-конфуцианца *Мэн-цзы* (подлинное имя — *Мэн Кэ*), жившего в 372-289 гг. до н.э., которому приписывается и авторство одноименного трактата. Относительно преваширования в Японии соотношения «государь — подданный», а не «отец — сын» см. гл. 3, раздел «*Основы и принципы организации управления (политическая система и структура бюрократического аппарата)*». О вариантах перевода сочетания «государь — подданный» (*кунсин*), семантике иероглифа «вассал» (*син*) подробнее см. гл. 2, разделы «*Сословная структура при Токугава*» и «*Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость*».

Известна и еще одна трактовка термина «пять [взаимо]отношений», входящая к канону «*Шуцзин*» (глава «О Шуне»), по преданию, составленному самим Конфуцием (551-479 гг. до н.э.): «Отец — справедлив (отцу свойственно чувство долга), мать — милосердна, старший брат — дружелюбен (доброжелателен), младший брат — скромнен (благоговееен, строг в этикете), сын — почтителен (предан, усерден) = *тити-ва ги*, *хаха-ва цукусими*, *ани-ва томо*, *отото-ва цукусими*, *ко-ва ко*».

⁴³ *Ин-ё* (кит. *инь-ян*) — два начала китайской дуалистической натурфилософии. *Инь* олицетворяет отрицательное, пассивное, холодное, женское начало, *ян* — положительное, активное, теплое, мужское начало. Они порождаемы «*Великим пределом*» (кит. *тайцзи*; яп. *тайкёку*) и присутствуют в каждом из пяти первоэлементов природы, обуславливая их движение и как следствие его — развитие и изменение материального мира.

[42.] Пусть даже и неверны поступки детей и внуков верноподданных *тёсин* моих предков — кроме как за измену их дома конфискации не подлежат.

[43.] Если и есть среди приближенных вассалов *син* те, что соответствуют нашим помыслам, непозволительно лишать влияния старших вассалов *рёсин*.

[44.] Непрямой вассал — *байсин*⁴⁴, пусть даже и с высоким доходом *року*, по отношению к прямому вассалу — *дзиссин*⁴⁵ сёгунa [согласно] нормам ритуала-*гисики* не может быть равным *камон*.

[45.] [Если] низкорожденные в отношении [служилых] мужей *сёси* преступят границы [своего] ранга либо среди [служилых] мужей непрямой вассал также будет нерадив по отношению к прямому вассалу — в казни на месте (*утисутэ*)⁴⁶ препятствий нет.

[46.] Буде кто посягнет на грех человекоубийства [и] сам скроется, правило [таково]: согласно прошению семьи убиенного (производится лишь в случае единственного⁴⁷ убийства), дозволить *гэсюнин*⁴⁸ либо [взимание] штрафа за преступление. Мужи *си* — не ровня земледельцам, ремесленникам [и] торговцам (*нō — кō — сё*).

[47.] Конфуцианство, *синто*⁴⁹ и буддизм при том, что разнятся по своему характеру, не иначе как ведут к благу [и] карают зло; в следовании этим учениям и идеям согласно своим взглядам вреда

⁴⁴ *Байсин* — (букв. — «вторичный вассал») вассал вассала; см. также гл. 2, раздел «*Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость*».

⁴⁵ *Дзиссин* — (букв. — «прямой вассал») непосредственный вассал (чаще *дзикисан*), собирательное наименование прямых вассалов *Токугава* с доходом менее 10 тыс. *коку*, т.е. *хатамото* и *гокэнин* (подробнее об этих категориях см. гл. 2, раздел «*Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость*»).

⁴⁶ *Утисутэ* (более известно как *кирисутэ* либо *кирисутэ гомэн*) — право «благородного воина» на казнь простолюдина, поступившего в нарушение статуса (*кирисутэ* — букв. «убить и бросить»).

⁴⁷ По-видимому, имеется в виду, что подобное прошение визируется лишь один раз (*иттон*), предоставляя родне убитого право покарать убийцу. По смерти же убийцы (первого виновника и зачинщика) его родственникам такого разрешения уже не выдается — с целью избежать распространения не прекращающейся кровной мести.

⁴⁸ *Гэсюнин* — в данном случае имеется в виду существовавшая при *Токугава* казнь обезглавливанием для тех, кто во время ссоры или спора убил человека (сам виновный также именовался *гэсюнин* — в значении «убийца»). В случае исчезновения преступника его поиск и казнь могли быть доверены судебными властями, согласно прошению, семье убитого (законодательное признание института кровной мести). Собственно термин «кровная месть» — *катакицуги* — в тексте статьи не приводится.

⁴⁹ *Синто* («Путь богов») — традиционное японское религиозное учение. Любопытно, что Дж.Х.Габбинс считал упоминание здесь *синто* связанным с опиской в тексте статьи, где в действительности должно было быть *сэнто* (китайский термин, обозначающий учение *дао*, более известное в Японии как *докё*).

нет; однако в спорах — что следует строго запрещать — я по минувшему прошлому вижу несчастье Поднебесной.

[48.] Я, ничтожный, хотя и являюсь потомком *Сэйва* [-императора]⁵⁰, получил жизнь в смутном веке, долгое время испытывал трудности из-за злоумышленников, поднимал оружие за правое дело 73 раза, в жарких схватках приходилось ступать на порог смерти 18 раз; уповая на увещевания [и] поучения [буддийской секты] Врат Чистой Земли — *Дзёдомон*⁵¹, избег риска «бараном упереться в изгородь»⁵² и ныне удостоен званий Главы обоих ведомств *рёинбэтто*⁵³ и Верховного Покровителя [земель] *соцуихоси*⁵⁴; согласно описанному [и] следуя нашей традиции, в землях *фудай* треножником—опорою престола⁵⁵ воздвиг Сандаловую рошу⁵⁶ из 18 [буддийских] храмов. Тем самым детям и внукам из поколения в поколение следует полагаться на учение Врат Чистой Земли.

[49.] Перенос [буддийского храма] *Эйдзан*⁵⁷ в нынешний замок [сёгуна в Эдо] — не подражание Государеву замку учреждением на

⁵⁰ Император *Сэйва* (850-880, правил в 858-876 гг.) считается предком рода *Минамото*, впервые создавшего в Японии систему *бакуфу*. Последующие *бакуфу* возводили свою генеалогию уже к дому *Минамото* и лишь таким образом к императору *Сэйва*.

⁵¹ *Дзёдомон* — японское наименование буддийской секты Врат Чистой Земли. *Дзёдо* — одно из направлений буддизма, включающего ряд сект в различных странах; буквально — «Чистая Земля», буддийский рай, находящийся далеко на Западе. Властителем «Чистой Земли» является будда *Амида* (санскр. Амитабха). В.Я.Костылев говорит о секте *Тэндай-Дзёдо* [3, с.342], хотя в действительности это две разные секты (в ст. 48 использованной нами версии текста говорится о *Дзёдо*, а в ст. 49 — о *Тэндай*).

⁵² Русский эквивалент — «зайти в тупик», букв. «бараном упереться в изгородь». «*Тэйё магаки-ни сэмару*» — перефразировка китайской пословицы «*Тэйё магаки-ни фуру* (кит. *ди ян чу фан*)» [38, т.9, с.66].

⁵³ *Рёинбэтто* — должность, появившаяся во времена *Минамото-бакуфу*; состоявший на этом посту возглавлял два центральных ведомств: гражданское *ман-докоро* и военное *самурай-докоро*.

⁵⁴ *Соцуихоси*; более употребительно *соцуибуси* — иное наименование *сюго* («покровителей», «защитников [земель]»). Должность учреждена *Минамото-но Ёритомо*. Основные представители власти сёгуна в провинциях.

⁵⁵ В Китае треножники — регалии императорской власти — были символом триединой опоры престола.

⁵⁶ Здесь присутствует своего рода игра слов: *дан* — помимо сандала и эбена означает и буддийский храм; *рин* — с учетом древнекитайских значений — «лес», «подобно лесу», «множество». Таким образом, перевод *данрин* может звучать и так: «немалые своим числом благородные 18 буддийских храмов».

⁵⁷ Имеется в виду *Хизёдзан* — буддийский храм близ Киото. Основанный в конце VIII в. монастырь *Энрякюдзи* на горе *Хизэй*, оплот буддийской секты *Тэндай* («опора небес»), играл видную роль в жизни феодальной Японии почти до конца XVI в. Святылище-центр, согласно тексту статьи, переносится в *Эдо* (ко двору сёгуна) — в храм *Тэййдзан*, что в *Уэно*.

Востоке ста чинов *хяккан*⁵⁸. [в] следовании аичному в [своей] гордыне роду *Тайра*⁵⁹; замок, в коем находится *Сэйи-сёгун*⁶⁰, ведает охранением Государева замка. Покорнейше испрашиваю [в] Сыны божию⁶¹ [буддийской секты] *Тэндай*⁶² лицо царственного рода *синиёкэ*, дабы мольбами упокоя-оберега сгнуло зло [и] было посрамлено насилие [благодаря пребыванию представителя «божественной династии» в замке сёгуна]⁶³.

[50.] Управление, хоть и ориентировано на старые традиции нашего дома [и] недопустимо применение старых обычаев прочих домов, однако установлению, исходящему от лица, некогда состоявшего сёгуном, следует быть непреложным.

[51.] [Можно] не применять либо применять законы прочих домов, [однако] недопустимо отказываться от устремлений «внутреннего министра» *найфу*⁶⁴ *Комацу-доно*⁶⁵.

[52.] Провинциями *куни*, помимо годовой подати *нэнгу* и повинностей *сёяку*, представляется получаемое домом сёгуна от народа

⁵⁸ *Хяккан* (кит. *байгуань*) — в значении «все чины», «все чиновничество», «все ведомства».

⁵⁹ В.Я.Костылев называет конкретно *Тайра-но Киёмори* (1118-1181) [3, с.342].

⁶⁰ *Сэйи-сёгун* — сокращение от *сэйи-тайсёгун* (см. прим. 27 к ст. 21 Установлений).

⁶¹ Наиболее явное значение *кёси*, *ёдзи* — «принц крови»; однако в ряде случаев это значение считают еще и эквивалентом слова *мико* («сын богов») — почтительного наименования священнослужителей храмов *синто*. В любом случае включение синтоистского термина в контекст, связанный с буддизмом, вызывает интерес и является свидетельством, пусть даже и не самым ярким, взаимодействия этих религиозных направлений в Японии.

При переводе данного сочетания в тексте статьи использован вариант «Сын божий» (равно приемлем и термин «божественный служитель»).

⁶² См. прим. 57.

⁶³ Согласно комментариям В.Я.Костылева к ст. 49 [3, с.342], Дж.Ф.Лаудера к ст.29 [21, с.800], В.Диксона к ст.31 [4, с.242-243] цель такого «священного представительства» в ставке сёгуна — иметь заложником лицо государева рода, которое при необходимости может быть провозглашено императором (см. также гл. 3, раздел «Император и сёгун: место в политической системе»; гл. 1, прим. 46).

⁶⁴ *Найфу*, либо *найдайджин* — «внутренний министр», «средний министр», министр двора, министр-хранитель печати. Государственный совет, учрежденный в 645 г. во время реформ *Тайка*, состоял из трех министров (левого, правого и среднего). Сферой ведения «среднего министра» было управление ритуалом и жизнью столицы.

⁶⁵ *Комацу-доно* — посмертное имя *Тайра-но Сигэмори* (1138-1179), старшего сына *Тайра-но Киёмори*. Нередко добродетелям первого приписывается смягчающее влияние на жестокого отца. Ранняя же смерть *Комацу-доно* связывается также и с крушением благополучия всего дома (господство которого сменилось приходом к власти фамилии *Минамото*, учредившей систему *бакуфу*).

«пожертвование благоволению богов» *мёгакин*⁶⁶, [что] распределяется [между] служилыми мужами; [это вознаграждение,] предоставляемое помимо содержания *тигё*⁶⁷, нужно воспринимать как средство оплаты за [несение] должностных [обязанностей]. Это также сила и оплат⁶⁸ *Камакура-доно*.

[53.] Велики [иль] малы [*даймё*⁶⁹ или *сёмё*⁷⁰ являются] управляющие землями *кокуси* и хозяева владений *рёсю* — [им] надлежит совершать поступки, соответствующие их пожалованию [и] ранговой иерархии. Буде превышена мера — управляющий [то] землями с высоким доходом иль даже [кто из] *камон* в высоком чине — следует [дать им] наставление; в таком статусе тем паче нужно блюсти служебный долг *сёкубун* перед *сёгуном*.

[54.] Гон собаками, ловля, соколиная охота и т.п. не являются легким развлечением, в иных краях [и] при [нашем] Дворе [это] с глубочайшей древности является забавою [состоящих в] военном звании. Окажись [достойною] добыча — преподносят [ее] Запретному⁷¹ Двору. Всячески надлежит осваивать [искусство владения] луком и конем, кои знать дано одним только мужам.

[55.] Когда [к] Пути управления *сэйдо* небрежение, возникает хаос [в] руководстве, когда строгость, народ изнемогает, соблюдением середины между [ними] без небрежения [и] без строгости можно назвать знание закона [управления] *сё* [гуна]⁷².

[56.] Меч повергает варваров, блистая в [бамбуковой] корзине, [вот] благая сила *току*⁷³ меча; извлечение из ножен уже не

⁶⁶ *Мёгакин*, по определению В.Я.Костылева, — это «добровольные приношения, сумма которых обыкновенно каждый раз для каждой провинции назначалась правительством, хотя и считалась выражением благодарности сёгуну за порядок» [3, с.342]. Аналогичный термин применялся во времена *Токугавабакуфу* и для обозначения промыслового налога.

⁶⁷ *Тигё* — лен, феодал. Владение либо ежегодная выдача рисового пайка вассалам в качестве жалованья за службу.

⁶⁸ Если следовать более позднему значению термина *кэнрё*, то предложение будет звучать следующим образом: «Это также исходит от *Камакура-доно*».

⁶⁹ *Даймё* — (букв. — «большое имя») крупный феодал. См. также гл. 2, раздел «Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость».

⁷⁰ *Сёмё* — (букв. — «малое имя») мелкий феодал, дворянин. См. там же.

⁷¹ См. прим. 22 к ст. 17 Установлений.

⁷² *Сёхё* — «закон *сё* [гуна]». Термин также имеет значение «стоять во главе», а если обратиться к древнекитайским значениям, то переводится и как «управлять», «править». Таким образом, данное сочетание вполне может подразумевать и «закон управления».

⁷³ В данной статье *току* употреблено в значении «высшее предназначение (чего-либо или кого-либо)». Вообще китайская категория *дэ* (яп. *току*) является весьма распространенным понятием; если в современном Китае она наиболее известна в значении «благая сила», «светлые свойства», то в японоведении — скорее как «добродетель», «мораль» и т.п.

достойно звания добродетели *току* меча. Воин унижает армию врага, [еще] скрываясь во чреве, [в этом] благая сила *току* воина; выход из расположения [(укрытия?) на врага] — уже недостойн воина. Тот, кто является сёгуном, тем паче должен [почитать] светлым этот принцип [уяснить его для себя].

[57.] Искусством [владения] луком, ружьем, копьем, алебардой и прочим в том же роде — всеми талантами [слагается] достоинство всадника. [И] вообще, законы, что создают мужей, — также немалое искусство. [А уж] тем паче тому, кто во главе войска, — пускай это [и] недостижимо, надлежит тянуться [в устремлениях к] следованию благородным качествам *И Инь* [и] *Люй Шана*]⁷⁴.

[58.] Воин, что не разбирает Пути воина *будō*, муж, [что] не [почитает] светлыми Принципов мужей, — только невежествен он [иль] груб, [а уж] хорошим *сё* [гуном]-вождем [его] не назовешь. Нужно знать, что хоть бы он и преуспел в знаниях да расчетах по стратегии и тактике, того не достанет, [чтобы] быть *сэйи-тайсёгун*.

[59.] 1, 15, 28-й дни месяца — дни установленных церемоний *сик*. Что до присутствия на церемониях э в начале и конце года, пяти праздниках *госэцу*⁷⁵, *Кадзё*⁷⁶, *И-но ко*⁷⁷ и прочих, — [то *сёгун*]

⁷⁴ *И Инь* (XVI в. до н.э.) — мудрый первый канцлер китайской династии *Шан* (см. прим. 25 к ст. 19 Установлений). *Люй Шан* (XI в. до н.э.), известный также и как *Тайгун Ван*, выдающийся военный деятель Китая времен установления династии Чжоу (см. там же), который оказал значительную помощь основоположникам этой династии, вошедшим в историю как *Вэнь-ван* и *У-ван* (см. прим. 101 к ст. 75 Установлений).

⁷⁵ *Госэцу*, либо *госэку*: день человека *дзиндзицу* 7/1, праздник девочек *дзёми* 3/III, праздник мальчиков *танго* 5/V, праздник влюбленных *танабата* 7/VII, праздник хризантем *тёё* 9/IX. Справлялись по лунному календарю, а впоследствии, по принятии европейского летосчисления после *Мэйдзи-исин*, стали праздноваться по солнечному календарю (7 января, 3 марта, 5 мая, 7 июля и 9 сентября).

⁷⁶ *Кадзё* — иероглифы в тексте могут быть истолкованы как «доброе письмо», «благая весть», «доброе знамение». В действительности имеет место описка, обусловленная фонетической идентичностью сочетания.

Впервые праздник отмечался в первом году *Кадзё* (848 г.), в связи с чем и был так назван. В.Я.Костылев пишет, что к празднику *Кадзё* «15-го числа 6-го месяца... заготавливались рисовые лепешки» [3, с.343]. Более точная дата — 16 число 6-го месяца — указана у Е.Папино, равно как приведена и куда более подробная информация о самом празднике: с целью избежания болезней синтоистским богам *ками* преподносили 16 рисовых лепешек *моти*, которые затем следовало съесть [50, с.246] (о празднике *Кадзё* см. также [38, т.2, с.1133]).

⁷⁷ В данном случае ошибочно использован иероглиф «тё/и, *иносиси*» вместо «*кай, гай/и*», обозначающий также кабана. *И (И-но ко)* — XII (последний) циклический знак 12-летнего зодиакального календарного цикла. По словам В.Я.Костылева, с дня *И*, «т.е. Кабана в 11-м месяце года... в знатных домах начиналось употребление вставлявшегося в пол комнаты и покрывавшегося металлическою решеткою ящика с горячим углем, заменявшего печь» [3, с.343] (о празднике *И-но ко* см. также [38, т.1, с.542]).

по очищении от скверны лично докладывает императору о службе, далее соответственно следует обратиться к поздравлениям послушных подданных – чиновничества *гунсин*. Данный церемониал – следование внесенному в Записи. Ежели [сёгуну за] неможется – в замещение надежит [быть] министру-старейшине *тайрё* либо старшему вассалу *рёсин*; недопустимо нарушать законы этикета *рёй*.

[60.] Ритуал *рёй* поклонения [богам] в храме предков сообразуется с Записями, умаление [его] недопустимо.

[61.] С министром-старейшиною *тайрё*, вассалами трона [старшими вассалами сёгуна *рёсин*], когда с годами сдают [они], следовать ритуалу *У-вана*⁷⁸ в отношении чжоуских⁷⁹ гунов⁸⁰.

[62.] [Что до] замка в Э[до], где находится [баку]фу, [то] природа и судьба соответствуют [его] юрисдикции; будучи окружен [владениями], раздаваемыми за службу, за горами да морями [он] – удобен, местность – плодородна. Посему – да будет [Эдо] главным замком детей и внуков; владения за службу – это:

<i>Одавара,</i>	<i>Мазбаси,</i>	<i>Симодатэ,</i>
<i>Кавазоэ,</i>	<i>Сэкиядо,</i>	<i>Касама,</i>
<i>Ивацуки,</i>	<i>Сакура,</i>	<i>Карасуяма,</i>
<i>Такасаки,</i>	<i>Фурукава,</i>	<i>Юки,</i>
<i>Оси(Синобу),</i>	<i>Уцуномия,</i>	<i>Омигава и пр.</i>

[Что до тех, кому быть] владельцами этих замков, следует оделять вассалов из столпов-*фудай*, недопустимо оделять «прочих» вассалов *тодзама*.

[63.] [В] трех замках с землями: *Нидзё* [в Киото], *Осака* [и] *Сумпу* [в *Суруга*] – надлежит мужам из *фудай* быть [поочередно] на страже [и] смотреть за благополучием Западного моря *Сайкай*⁸¹. Коли дойдет до больших беспорядков, доверяют [дело] трем военачальникам (сёгунам): старшему, среднему и младшему⁸², коим следует Небесным воинством *тэмэй*⁸³ обеспечить охрану трех замков [как границ страны]⁸⁴.

⁷⁸ *У-ван* (см. прим. 25 к ст. 19 Установлений).

⁷⁹ О китайской династии Чжоу см. там же.

⁸⁰ *Гун* – министр в крупном царстве древнего Китая, первый ранг знатности.

⁸¹ *Сайкай* (*Нисиуми*) – (букв. – «Западное море (морья)»), моря у о-ва *Кюсю*. Дорога, пересекавшая о-в *Кюсю*, – один из основных трактов Японии в средние века – называлась *Сайкайдё* (букв. – «дорога Западных морей»).

⁸² О них же идет речь в ст. 18 Установлений. Как и в ст. 30 Установлений, речь идет просто о «военачальнике», а не о «главе правительства *бакуфу*».

⁸³ *Тэмэй* – ныне общепринятым считается перевод «Императорские войска», но исконное, еще древнекитайское, значение прямо соответствует иероглифическому написанию – «Небесное воинство».

⁸⁴ Иероглиф «дзю», как правило, обозначает охрану границы.

[64.] Используя людей, выдвигай [по] способностям — [это] закон; [вводя] в присутствие мужей из *фудай*, возвышай [и] мужей из *тодзама*. Коли сетуют ближние [*фудай* и] скорбят «прочие» [*-тодзама*], верноподанные *тюдзин* переведутся. Каждому человеку не бывать совершенномудрым и талантливым — [то] неизбежный принцип. [Что до] сути его, [то она] тем паче требует размышлений.

[65.] Обычная служба — что мои установления. Не нарушай [их] и будь даже далек от талантов и способностей, сумеешь тем самым [обойтись] без больших упущений.

[66.] Без различия *тодзама* [то иль] *фудай* — через несколько лет надежит менять [их] владения. Именно по той самой причине, что за долгое время свыкаются со своими землями и тогда по ослаблению устремлений владельца *рёсю* [он] самоуправствует из своекорыстия и в конце концов доходит до того, что изводит народ. Понуждение к смене земель требуется (может и не осуществляться) в зависимости от их поступков.

[67.] Врачевателям «основного пути внешнего целения»⁸⁵, тем, что многоумелы в искусстве волшбы, коли преуспеют в своем искусстве, нужно давать вознаграждение, подобающее [их] положению; крупные пожалования *року* недопустимы: [если] пожалование щедро — так его дети [да] внуки станут нерадивы в своем деле. Главное, что пусть даже [это] и сострадающее искусство *дзиндзюцу*, — не сравнится [ему] с преданной искренностью мужей.

[68.] Хоть [наш] Двор — и та земля, что славится [от времен] *Дзимму* [-императора]⁸⁶, [но] по культуре [и] наукам уступает иным краям. Устроив надлежащим [образом] школы, тем самым нужно и должно прославить расцвет страны и [правящего] дома (*кокка*).

[69.] Ежемесячно по разу досматриваются представленные из Судебной палаты *кэцудансё* дела; если при этом будут неясности, опросив лиц, [что состоят] на соответствующих местах, следует пересмотреть, что достойно, [а что] — нет, [в решении] *бугё*.

[70.] [Если] сам почитателен к государю, вассалы *син* также последуют тому; почитательность достигнет славных и великих мужей *ситайфу* и низкородившихся *гэсэн*, нерушимостью тою постепенно и явится Путь Небес — *амэ-но мити*.

[71.] [Кто] хоть и познал уже широту принципов Неба, [но] свои деяния не выправил — грех того, по сравнению с не знающим [этих принципов], тяжелее; гибнут дома, страны в хаосе — уж непременно случится. напастям. Осознав упущение, не исправить [его] — [вот что] нужно считать упущением.

⁸⁵ То есть хирургам.

⁸⁶ Первый японский император *Дзимму* (букв. — «Божественный воитель»), согласно традиционной хронологии, правил в 660-585 гг. до н.э.

[72.] [Жрецы] буддийские, синтоистские, странники-отшельники *ямабуси* хоть [и] досужий народ, но издревле среди четырех морей⁸⁷ не могли [обходиться] без них. Из-за принятия ли должностей, поранговой ли иерархии [или чего еще] случился взаимный спор, что дошел до [прямой] жалобы, — так это тоже традиционное [из] несчастий Поднебесной. Ввиду чего и устанавливаются положения, [что] указывают Судебной палате *кэцудансё* надлежащее суждение при решении. Однако при высочайшем прощении недопустимо полагаться на свою волю.

[73.] На мой взгляд, при [нашем] Дворе и в иных краях предки все были людьми, [что получали] Небесный мандат. Однако если их далекие потомки столь долго не удерживали своего престола, [то] только потому, что не применяли заветов своих предков. Упущения эти нижеследующие:

[74.] Фамилия *Минамото*, [что от] *Сэйва* [-императора]⁸⁸, дойдя до *Тамэёси*⁸⁹, губит наставления дома, [созданные] *Сададзуми*⁹⁰. Род *Минамото*, [что от] *Сага* [-императора]⁹¹, дойдя до *Ёсинори*, утрачивает замечательное наследие *Корэмто*. Род *Минамото*, [что от] *Уда* [-императора]⁹², дойдя до *Хидэдзуми*, забывает наставления двора, [созданные] *Мориёси*. Линии *Киёвара*, *Накатоми*, *Татибана*, *Сугавара*, *Арибара*, *Кимияка*, *Тоёвара* — всем их внукам недолго [было] до упадка: далекие потомки забыва [ли] поучения зачинателей-предков.

[75.] Тремя династиями [была] утрачена Поднебесная: [династия] *Ся*⁹³, дойдя до [правления] *Цзе*⁹⁴, забыла заповеди *Юй-вана*⁹⁵; [династия] *Инь*⁹⁶, дойдя до [правления] *Чжоу*⁹⁷, нарушила мудрые

⁸⁷ Первоначально представление о своей стране как о Поднебесной, лежащей между четырех морей, возникло у древних китайцев, а впоследствии образное выражение «земля среди четырех морей» было заимствовано и другими народами Дальнего Востока (уже в приложении к своим собственным странам).

⁸⁸ К императору *Сэйва* (850-880, правил в 858-876 гг.) возводилась генеалогия всех династий сёгуннов (см. также *прим.* 50 к статье 48 Установлений).

⁸⁹ *Минамото Тамэёси* (1096-1156).

⁹⁰ *Минамото Сададзуми* (884-916).

⁹¹ Император *Сага* правил Японией в 810-823 гг.

⁹² Император *Уда* правил Японией в 887-897 гг.

⁹³ *Ся* — по традиционной хронологии 2205-1786 гг. до н.э. — мифическая китайская династия.

⁹⁴ *Цзе* — посмертное имя [Ди] *Люй-гуи*, последнего монарха династии *Ся*.

⁹⁵ *Юй* — легендарный основатель династии *Ся*, усмиритель вод потопа.

⁹⁶ О китайской династии *Шан-Инь* см. *прим.* 25 к ст. 19 Установлений.

⁹⁷ *Чжоу* (1060-1050 гг. до н.э.) — посмертное имя [Ди] *Синя*, последнего правителя династии *Шан*. Вместе с *Цзе* из династии *Ся* известен как жестокий тиран и деспот, противопоставляемый идеальным *Яо* и *Шуню*.

уложения *Тан-вана*⁹⁸; [династия] *Чжоу*⁹⁹, дойдя до [правления] *Ли* из *Ю*¹⁰⁰, пренебрегла делом управления [государей] *Вэнь* и *У*¹⁰¹. [С] династиями прошлого от *Цинь* и *Хань*¹⁰² разве не со всеми так [было]? [Если] и мои дети да внуки также преступят мои установления — так тоже не будут отличны [от прочих]; такова вот вся суть, следует сделать [ее] «щитом черепахи и зеркалом» [предостережением и образцом]¹⁰³ для поколений сёгунов.

[76.] Если государь не понимает огорчений народа, народ не понимает кручины государя, тогда, даже и не будь плохого правления, насильственные деяния проявятся сами. Государя страны влечет человеколюбие — Поднебесной [его] нет равных¹⁰⁴. Да быть сему принципом.

[77.] Есть управляющие землями *кокуси* из *тодзама*-«прочих», что с большими пожалованиями *року*, — обычаи домов [и] наставления [их] предков не касаются нашего дома. Однако [для] тех, кто нарушает основные устои Пути мужей *си-но мити* [и] вредит люду, хоть и без измены, надлежит конфискация во предотвращение гибели страны. Это является службою дома сёгуна.

[78.] *Нагасаки*, что в стране *Хи*¹⁰⁵, — это гавань, куда прибывают суда из прочих краев. Надлежит [быть там] чину из столпов-вассалов, [что] избираем из *фудай*-мужей. Повелев большим домам *даймё* из окрестных земель *куни* держать охранение, следует потрясти «десять тысяч стран» божественным воинством *симбу*¹⁰⁶ [нашего]

⁹⁸ О *Тан-ване* см. там же.

⁹⁹ Китайская династия *Чжоу* (XI в. — 247 г. до н.э.).

¹⁰⁰ *Ли* из *Ю* — скорее всего, имеется в виду китайский правитель *Ли-ван* (857-841 гг. до н.э.).

¹⁰¹ *Вэнь-ван* и *У-ван*, отец и сын, положившие начало династии *Чжоу*. Вообще упоминаемые здесь *Юй-ван*, *Тан-ван*, *Вэнь-ван* и *У-ван* — наиболее известные своими достоинствами правители древнего Китая (помимо мифических *Яо* и *Шуня*).

¹⁰² Династия *Цинь* правила в Китае в 221-207 гг. до н.э., династия *Хань* — в общей сложности с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э. (Западная и Восточная *Хань*).

¹⁰³ *Кикан* (о вариантах перевода сочетания см. прим. 28 к ст. 21 Установлений).

¹⁰⁴ Возможен и другой вариант перевода: «Поднебесная без врагов», «В Поднебесной нет врагов» (причем это, скорее, даже явный, а не скрытый смысл: «Тэнка[-ва] тэки насю»).

¹⁰⁵ Страна *Хи* (*Хисю*) — обобщающее сокращенное наименование провинций *Хидзэн* и *Хиго* на о-ве *Кюсю*.

¹⁰⁶ Необходимо иметь в виду и иную, принципиально отличную редакцию перевода, поскольку *симбу* может означать не только «божественное воинство», но и имя родоначальника японской императорской династии *Дзимму*. В таком случае данная часть статьи может быть переведена следующим образом: «Повелев большим домам [даймё] из окрестных земель *куни* держать охранение, надобно принимать “десять тысяч стран” при [нашем] Дворе, [существующем от] *Дзимму* [-императора]».

Двора. Помимо [Нага] *сакиё*¹⁰⁷ прибытие судов в [другие] гавани следует строго воспретить.

[79.] Обхождение с посланниками, прибывшими из иных стран, сообразно древним правилам. Этикет *рэй* обращения с посланником не допуская грубости, нужно выказать [им] совершенные добродетели *Дзимму* [-императора]¹⁰⁸ из нашей династии.

[80.] [В] день [Высочайшего] пожалования сёгуна [в] преемники главы дома [и] изъявления поздравлений князьями *сёкё*¹⁰⁹, [состоящими] на должностях, согласно ранее составленному документу [разве не] надлежит [заверение] печаткой с кровью *кэцуин*¹¹⁰, [дабы] не идти против книг по этикету (*рэйбо*)¹¹¹ о властелине и подданных (*кунсин*). Самолично же [сёгуном] дается обет не противиться моему посмертному писанию. Обоюдная очная клятва не может быть напрочь позабыта.

[81.] Напасти десяти тысяч стран [любой из провинций *куни*] равно сводятся к недобродетельности *футоку*¹¹² монаршего трона; непокой Поднебесной всегда сводится к бесталанности сёгуна. Добродетель заложена [лишь] в самом сердце – это то естество, [в коем] нет различия у благородных и подлых. Для тех, кто наверху, и на миг недопустима [ее] утрата.

[82.] Я с молодых лет не выказывал уважения золоту-серебру, жемчугам-нефриту, единственно добром привечаем. [И вот] ныне само собою достиг сего поста [сёгуна], непрестанно преисполненный злата слов: «Учение создает преуспевание *року*, и в нем [преуспевание] заключено». Да продлятся мои устремления.

[83.] «Уровень и отвес»¹¹³ способов обращения с военными домами [и оценки их] поступков в качестве церемониала [нашего] Двора надлежит создавать [на основе] высочайшего [указа] Правления

¹⁰⁷ *Сакиё* – «связанное с Нагасаки».

¹⁰⁸ Имея в виду игру слов, о которой шла речь в *прим. 106*, приводим и иную возможную редакцию перевода: «...нужно показать [им] совершенные добродетели Божественного Воителя *Дзимму* нашей династии».

¹⁰⁹ *Сёкё* (кит. *чжухоу*) – с периода Чжоу в Китае так назывались местные вассальные князья. В Японии времен *Эдо-бакуфу* термином «*сёкё*» назывались *даймё*.

¹¹⁰ *Кэцуин* – «кровавый отпечаток», «кровавый оттиск». Западным аналогом такого явления можно считать подпись кровью. В Японии по сей день вместо подписи используется личная печать, оттиск которой имеет красный цвет киновари.

¹¹¹ *Рэйбо* – видимо, имеются в виду основные классические китайские книги об этикете (*Чжоу ли*, *И ли*, *Лицзи*).

¹¹² *Футоку* – если следовать китаеведной традиции, то смысл термина следует передать как «отсутствие благодати *дэ*» (слабое отражение *дао* во внутреннем мире человека). См. также *прим. 73* к ст. 56 Установлений.

¹¹³ В переносном смысле *дзюндзё* – «правила», «нормы».

[государя-] инока¹¹⁴ *Гокомацу*¹¹⁵ [для] трех домов: *Хосокава*, *Иссихи* [и] *Огасавара* — и тем паче недопустимо [правила сии] нарушать.

[84.] Законы поведения при встречах — вплоть до Высочайшего посланника *тёкуси*, посланника [государя-] инока *инси*, посланника [императора-] отшельника *сэнто́си*, посланника из жилища императора *найинси*, посланника из нового жилища [императора] *синбинси*, посланника наследника *фукуси*, посланника императрицы *кōгōси*, посланника из Восточных покоев *тōгүси*¹¹⁶, [лиц] царственного рода *синнōкэ*, [лиц] линии регентов *сэккэ*¹¹⁷, [знати из] *сэйга*¹¹⁸, восьми советников *санги*¹¹⁹, девяти сановников *кōкэй*¹²⁰ — уподобляемы древним записям, отсутствие ритуала *рэй* [здесь] недопустимо.

[85.] Племя безответных, [что] вне четырех сословий *симин*: *эта*¹²¹, «просящих пропитания», слепцов-мужчин и лишенных зрения женщин — с древности живо сочувствием [других]; следует знать, [что] сие есть начало человеколюбивого управления.

[86.] Тех, кто является по ночам: гулящих певичек, танцовщиц-*сирабёси*¹²², прелестных отроков, — всенепременно манят замки и города земель-*хуни*. Хотя во многом тем самым портятся поступки людей, [но] запрети жестко — и каждодневно [станут] происходить крупные утраты-несправедливости (*фуги-но тайсицу*). В случае

¹¹⁴Имеется в виду отголосок существовавшей в XI-XIII вв. системы так называемого монастырского правления *инсэй*. Во времена *инсэй* формальное отречение императора от власти в пользу наследника и уход в монастырь предполагали для экс-императора возможность и уход в монастырь политической страны. Избавление от пут зарегламентированного административного аппарата, где ключевые посты принадлежали аристократическому роду *Фудзивара*, значительно облегчало борьбу императоров с засильем этого знатного дома. Отречение в пользу наследника и уход в монастырь были известны и в позднейшие эпохи.

¹¹⁵Император *Гокомацу* (1377-1433) правил Японией в 1392-1412 гг.

¹¹⁶Дворец наследника называли *тōгү* — «Восточные покои».

¹¹⁷*Сэккэ*, либо *госэккэ*, — пять домов-держателей поста регента *хампаку* (Северная ветвь дома *Фудзивара*): *Конэ*, *Такацукаса*, *Кудзэ*, *Нидзэ*, *Итидзэ* (пять высших по знатности фамилий *кузэ*). С 1884 г. они причислены к высшей аристократии, принцам (*кадзоку*, *кōсяку*). С 1947 г. окончательно лишены всех привилегий.

¹¹⁸*Сэйга* — следующий после *сэккэ* уровень знатности *кузэ*.

¹¹⁹В тексте стоит *хатидза* (букв. — «восемь мест») — термин, обозначавший императорских советников *санги*.

¹²⁰*Кōкэй* (кит. *цзюцин*) — собирательное символическое обозначение высших придворных чинов.

¹²¹*Эта* — каста париев.

¹²²*Сирабёси* — изначально наименование танца эпохи *Хэйан* (794-1185), впоследствии данное название было распространено и на самих танцовщиц.

азартных игр, пьяного неистовства, распутства следует осуществлять Великий Закон.

[87.] Прирожденные качества и задатки людей неодинаковы. Когда назначают на должность, следует выдвигать на пост, испробовав эти качества, вникнув в эти устремления, соразмерив эти способности. Пила не свершит работы шила, молот не согдится вместо кинжала; бывает время и люди, подобно тому, пригодны острым [умом или] тупостью. Без уяснения этого принципа — [не избежать] разобщенности властелина и подданных (*кунсин*). Это статья — что следует постичь сердцем.

[88.] Песни *ё* [*кёку*]¹²³ основаны на исполнении музыки на [сямисэне]¹²⁴. Начиная с совершенных мудрецов глубочайшей древности, изменения пяти первоэлементов-стихий *гогё* не могли не звучать; совершенномудрые применили это, создали музыкальные инструменты, [ведя] народ к гармонии; музыка благодаря *Мориюки* в среднюю древность *тёко*¹²⁵ тешила военные дома *бумон*. [Она] — упокой подавленности-грусти и здравица продлению Великой Тиши. Следует [нести] гармонию всякому человеку.

[89.] Виды танцевальной музыки *бугаку* — не единообразны; есть музыка Сына Неба, есть музыка князей *сёкё*, вплоть до музыки славных и великих мужей *ситаифу* и [служилых] низших рангов, все виды — не одинаковы. Скрепя [свое] сердце рамками излишка [и] недостатка¹²⁶, следует соразмеряться, [какую музыку применять].

[90.] Всяк, [кто] имеет дурные качества, обязательно имеет хорошие качества; имеющий хорошие качества — обязательно имеет дурные качества. Применяя доброе, не следует использовать дурное, также и отвергая дурное, не следует отбрасывать доброе. Познав, что нет у совершенной династии никчемного, не следует [ничего] отбрасывать без разбору.

[91.] Когда из трех министров и девяти сановников (*санкё кёкэй*)¹²⁷ кто-либо навлечет [на себя за свой] грех высочайшее порицание [и] смещение с поста, следует и надлежит приговорить [его] к дальней ссылке *онру*¹²⁸, назначив управляющим землями *кокуси* с

¹²³ *ёкёку* — тексты пьес японского классического театра *Нё*.

¹²⁴ *Сямисэн* — японский традиционный трехструнный щипковый инструмент.

¹²⁵ *Тёко* — средняя древность. Применительно к Китаю, откуда заимствован термин, — средневековье. Им обычно обозначалось время от династии *Хань* до династии *Сун*.

¹²⁶ То есть чтобы не превышать положенного по статусу, равно как не наносить урона и применением недостойного (низшего). «Излишек-недостаток» (*кафукё*) в значении «плохо все, что идет не в меру», «перебор так же плохо, как и недобор».

¹²⁷ *Санкё кёкэй* — высшие чины империи (китайский аналог — «три гуна и девять чинов»). В Японии со времен *рицурё кокка* — министры и высшие сановники императорского двора.

¹²⁸ Три вида ссылки были установлены в Японии еще системой *рицурё*: дальняя *онру*, средняя *тёру* и ближняя *кинру*.

большим доходом *року*. Отсутствие ритуала *рэй* недопустимо, и закон [для] выправления греха [здесь] не одинаков с [тем, что применяем к] четырем сословиям *симин*.

[92.] Вообще, зная, что наказания и казни во множестве — [свидетельство] отсутствия добродетели (*футоку*)¹²⁹ у Сына Неба наверху, стыда и позора сёгуна внизу¹³⁰, [об этом] следует глубоко поразмыслить.

[93.] Будь то даже управляющий провинцией *кокуси* из иного дома [или] из *тодзама*-«прочих», но если он [всеми] устремлениями покорен правящему дому *тōкэ*¹³¹, по зрелом рассмотрении его поступков [и] широком обсуждении, замещение [должностей] *фудай*-«близких» не возбраняется.

[94.] Обычаи и церемонии (*фүги*) правящего дома *тōкэ* основаны *Удайсё-доно* [и никак] не соотносимы с иными домами. Лиц из *фудай*-мужей до малых чиновников с малым доходом *року* — от старших вассалов *росин* передавая главам отрядов *куми* — [в должном] порядке следует известить [всех об этой] идее; следует довести [ее до всех].

[95.] В миру великим и достойным мужем *дайдзёфу* нарекают того, кто способен [в том, что выражается] одним знаком¹³² — «сдержанности». Сдержанность обозначает обуздание своих страстей; радость-гнев-печаль-тоска-горе-страх-испуг¹³³ — семь видов [чувств] все зависят от этого; не предаваться [им] — означает [быть] сдержанным. Я, хоть еще и [не] великий достойный муж, издавна держусь знака «сдержанности». Мои дети-внуки да устремятся в подражании мне как человеку; помимо пяти законов [идеальных взаимоотношений в семье] *готэн*¹³⁴ и девяти правил [управления Поднебесной] *кюкэй*¹³⁵ следует блюсти сдержанность.

¹²⁹ «Благой силь» (о значении термина «*току*» см. *прим.* 73 к ст. 56 Установлений).

¹³⁰ В.Я.Костылев предлагает вариант перевода, однозначно согласиться с которым не представляется возможным ввиду того, что он несколько уводит от оригинала: «Если число преступников из среды высших классов населения велико, то значит недобродетелен Император, а если оно велико в среде низших классов, то стыд Сёгуну» [3, с.348].

¹³¹ *Тōкэ* — (букв. — «ответственный [за судьбы страны] дом») дом *Токугава*, в устах *Иэясу* — «наш дом».

¹³² Букв. *итидзи* — «один иероглиф (знак, буква)».

¹³³ Более известны иные варианты «семи видов чувств», лишь частично совпадающие с данным. В тексте стоит: *ёрокоби-икари-аварэ-омои-канасими-осорэ-одороки*.

¹³⁴ *Готэн* — «пять правил-законов [семьи]»: справедливость отца, ласка матери, дружеское отношение старшего брата, уважение со стороны младшего брата, почитательность сына (см. *прим.* 42 к ст. 40 Установлений).

¹³⁵ *Кюкэй* — см. *прим.* 31 к ст. 26 Установлений.

[96.] Врач по прошествии трех поколений именуем [придворным] врачевателем, муж [-воитель] в третьем колене нарекаем старым вассалом *кунсин*, государев вассал *кунсин*¹³⁶ [вассал правителя-сёгуна] в третьем колене нарекаем *фудай* [«чредой поколений», наследственным]; за одно утро¹³⁷ [ведь так] не назовут. «Небо покрывает [землю], земля поддерживает [небо]»¹³⁸ — [это запись] о властелине и подданных (*кунсин*). Что до *фудай*-мужей — недопустимо рассуждать о легковесном управлении [ими].

[97.] [В] удаче и беде, ущербе и благополучии следует полагаться на Небесные принципы *ри*¹³⁹ и природу; непременно избежать [чего-либо] знанием-расчетом [или] достичь мольбами о желаемом невозможно.

[98.] [Если] Поднебесная проникнута человеколюбием, нет разлада между внутренним и внешним, почтенным и презираемым; так и сияние Солнца и Луны не сдерживается чистотою [или] сором. Совершенномудрые ради того установили законы-нормы, что недопустимо упускать [из виду]: незыблемых три устоя *санко*¹⁴⁰ порядка-традиции в близости [или] отчуждении [и] незыблемых восемь статей *хатидзэ*¹⁴¹ [о совершенствовании себя и управлении людьми]. Нет [такого], чтобы один человек правил¹⁴² Поднебесной и мужи все стали [его] вассалами *син*; четыре моря обратились

¹³⁶ Любопытно употребление здесь сочетания «государев вассал» *кунсин* применительно к вассалам сёгуна. Безусловно, вся схема в итоге проецировалась на Сына Неба, но реальным правителем и сюзереном являлся лишь сёгун. Аналогичное использование термина встречается и в других статьях Установлений (см. ст. 39, 80, 87).

¹³⁷ Имеется в виду «за короткое время».

¹³⁸ В данном случае приведена точная цитата из ст. 3 Конституции Сётоку 604 г.: «*Амэ-ва охохи цути-ва носу*» [6, с. 22, 33].

¹³⁹ *Ри* (кит. ли) — подробно рассматривается в гл. 3.

¹⁴⁰ *Санко* (кит. саньган) — в конфуцианстве три основных отношения из «пяти постоянств» *годзэ*: *кунсин*, *фуси*, *фүфу-но мити* ([абсолютная власть в] путях монарха и подданного, отца и сына, мужа и жены). Однако относительно значения *санко* в данном случае см. *прим. 141*.

¹⁴¹ *Хатидзэ* — очевидно, что в тексте данной статьи *санко-хатидзэ* применено как сокращение от *санкорэ-хатидзэмоку* (из китайского классического канона «*Дасюэ*»). «Три устоя и восемь статей» совершенствования себя и управления людьми предполагали постижение таких трех принципов, как уяснение светлой добродетели *дэ* (см. *прим. 73* к статье 56 Установлений), перевоспитание народа, утверждение в совершенном добре и овладение восемью ступенями в искусстве управления: познание сути вещей, достижение знаний, истинность устремлений, выправление сердца (души), самосовершенствование, приведение в порядок собственной семьи, надлежащее управление государством, успокоение Поднебесной.

¹⁴² В тексте стоит иероглиф *сэ* (о его значении см. также *прим. 72* к ст. 55 Установлений).

в подданных *син*. Существуют различия [между] иными домами [и] правящим домом, *тодзама*-«прочими» [и] *хатамото*-«прифлаговыми». Иные дома все [еже]часно зависят от кормила власти, мужи из *фудай* по родословной своей принадлежат к правящему дому, их предки [все] до единого были мужами преданной службы. Внесенное в Записи светлым надлежит видеть, их родственная любовь превыше, [чем у] иных домов, иные дома не исполняются этим как основою основ. О! Вот Небесный принцип, вот Закон [управления] *сэ* [гуна]¹⁴³, вот Путь мужей *си-но мити*, вот искусство человеколюбия *дзидзюцу*. Устремлениями [моими] пренебрегшие — не мои дети и внуки.

[99.] Власть покорять [земли среди] четырех морей высочайше дозволена дому сёгуна, что именуем Верховным Покровителем [земель] *сёцухоси*¹⁴⁴, приказанное сёгуном — Великий закон Поднебесной. Однако в ее провинциях *куни* и ее уездах *гун* существуют обычаи земель; обычаи и церемонии (*фёги*) *Канто*¹⁴⁵ малопригодны для *Бансай*¹⁴⁶, и Юг [то иль] Север — повсюду таково. Полагаясь на стародавние традиции, [так и] оставить [без] изменения.

[100.] Закон рушит [идеальный] принцип *ри*¹⁴⁷, принцип не рушит закон, посему — совершенномудрые, [возведя в] абсолют многие принципы и установив Великий Закон, [пред]определили Путь Управления. Когда отсутствует оповещение [о надлежащем-дозволенном], заблуждаются; бывают дела — можно нарушить принцип законом, [но] уж никак невозможно, нарушая закон, осуществлять принцип.

[101.] Мною созданные статьи — основные устои управления странюю и успокоения Поднебесной — есть служебный долг сёгуна. Дойди [я] до деталей заветов моим детям [и] внукам — горы кистей [и] моря туши не достало [бы] исчерпать [все досконально]; лишь [посему], поверяя свои устремления [-помыслы бумаге], вместил [я их] в едином свитке; [но] даже и столетием позже меня ознакомление с этими статьями [даст] вникнуть в устремления [мои]. [Из] детей-внуков буде кто преступит [их] — [значит то лицу] не надлежащих [для] сёгуна данных, не [из] моих детей-

¹⁴³См. там же.

¹⁴⁴См. *прим.* 54 к ст. 48 Установлений.

¹⁴⁵*Канто* (геогр.) — букв. «к востоку от заставы».

¹⁴⁶*Бансай* (геогр.) — букв. «к западу от [О]сака», более известно иное наименование этой местности — *Кансай* («к западу от заставы»).

¹⁴⁷*Ри* (кит. *ли*) — подробно рассматривается в гл. 3. Далее по тексту статьи помета «[идеальный]» переводчиком не дается.

внуков. Выше [изложенные] статьи, помимо моих детей-внуков да старших вассалов *рѡсин*, непозволительно вскрывать и смотреть [никому]; удостоить допуска иные взоры – [значит дать посторонним возможность] оценить движения [моей] души; никак [не] допустимо навлечь на меня – [почтенного] старца – бабьи насмешки, [что] настоятельно и наказываю, [что] настоятельно и наказываю.

О-садамэгаки хяккадзё
(«Кодекс из ста статей») 1742 г.¹

Содержание «Кодекса из ста статей»

1. О предварительном приговоре «доступным взору» [визированием] оборота документа.
2. О прикладывании печатей к обороту документа [при] заверении карт и планов.
3. О принятии [к] разрешению различий [во взглядах и] «расхождений»-тяжб управляющих владениями [сёгуна] *горё-дзитё* и [иных] «глав земель» *дзитё* наряду с расхождениями [по] порядку [на] следования.
4. О никчемных петициях при их вторичной подаче.
5. О частом обращении с петициями в Судебную палату.
6. О наказаниях по жалобам на чрезмерные злоупотребления чиновников.
7. О проведении разбирательства по каждому судебному делу отдельно в резиденции [одного из трех *бугё*].
8. О [расширенном составе] присутствия важных должностных лиц в Судебной палате *хёдзёсё* [при] ведении [дел] о «расхождениях»-тяжбах [по] владению и правлению *рёти*.
9. О том, что в случаях, когда вассалы *кэрай* важных должностных лиц навлекут [на себя] наказание, их господин уведомляет [виновных] об отстранении *сасихикаэ* [от службы и домашнем аресте].
10. О тяжбах, связанных с использованием воды, непитьевой водой, поднятием новых участков земли, строительством речных дамб и пр.
11. О повторном осмотре земель в случае земельных споров.
12. О регистрации документов и планов по осмотру спорных территорий.
13. О записях, свидетельствующих [о праве на] пользование [землею], что подлежат [принятию] в расчет и признанию.
14. О разборе дел, где истцами выступает буддийское или синтоистское духовенство.
15. О просьбах рассудить ссору, которые не рассматриваются, и об ограничении времени преследования по суду.
16. О вымогании ложных признаний.

¹ Перевод данного документа приводится в сокращении: общий список всех статей Кодекса и выборочно некоторые, наиболее важные для настоящего исследования, статьи (1-3, 7-9, 13, 25, 29-31, 35, 37, 52, 58, 94, 98).

17. О расследовании в случае грабежа и поджогов.
18. О наказаниях за старые преступления.
19. О наказаниях за прошения, несогласные с судебными решениями.
20. О наказаниях за тайный обход застав горами и за тайный проход через заставы.
21. Об обвинении крестьян в тайном хранении огнестрельного оружия.
22. О наказании крестьян за охоту на дичь в заповедниках.
23. О неприменимости домашнего ареста в сельской местности.
24. О доле крестьян по издержкам на жилье в Эдо в случаях [судебного разбирательства] ссоры.
25. О наказании за предоставление приюта постороннему лицу без внесения в реестр переписи [населения].
26. О наказании берущих взятки.
27. О том, как следует поступать с имениями осужденных.
28. О наказании крестьян, обращающихся с прямыми жалобами к управляющим *дзитō* и готовящих групповой побег.
29. О лицах, известивших о неплатежеспособности *синдай-кагири*.
30. О наказании лиц за совершение купли-продажи навеки рисовых и сухих полей вкупе с сокрытием земельных участков.
31. О принятии и разрешении [дел] по закладу участков и аренде *косаку*.
32. Об установлении сроков уплаты недоимок за заложенный участок земли рисом или деньгами.
33. О разборе дел, связанных с денежными долгами.
34. О днях для разбора дел по денежным долгам.
35. О суде по банкротству *синдай-бунсан* с денежными долгами.
36. О принятии решений по долговым обязательствам, о займах под заклад дома, товарных складов [для морских перевозок] и парикмахерских.
37. О наказании за двойной заклад *футаэ-сити*, двойной залог *футаэ-какиирэ*, двойную продажу.
38. О наказании за куплю-продажу товара, груженного на судно, а также заклад и присвоение груза судна.
39. О выдаче займов под проценты и выдаче займов под расписку.
40. О наказании за использование фальшивых документов при получении займа.
41. О принятии решения в случае передачи хозяйства другим лицам.
42. О наказании поручителей за слуг.
43. О наказании беглых слуг.
44. О наказании по делам, связанным с побегам.
45. О наказании по делам, связанным с подкидышами.

46. Об отправлении приемных дочерей в веселые дома.
47. О наказании незарегистрированных «дев веселья».
48. О наказании за прелюбодеяние.
49. О прелюбодеянии с обрученными девушками.
50. О случаях, когда мужчина и женщина кончают жизнь самоубийством.
51. О наказании буддийских монахов при нарушении ими обета безбрачия.
52. О наказании [за приверженность учению] *сантёха фудзю-фусэ*.
53. О наказании за нововведения в синтоистских и буддийских обрядах и еретические взгляды.
54. О мерах наказания для буддийских святилищ, допустивших тайное захоронение в случае насильственной смерти.
55. О наказаниях за три склонности — азартные игры, мошенничество и мотовство.
56. О наказании воров.
57. О наказании за принятие краденого в заклад и скупку.
58. Об осведомителях насчет шаек зло [умышленников] *акутё*.
59. О наказании за недонесение в случае гибели путников [смерть на краю дороги], ранениях, болезнях и пр.
60. О том, как надлежит поступать с найденными предметами.
61. О похищении людей.
62. О наказании за подделку документов и печатей.
63. О наказании за подбрасывание писем с наветами и наговорами.
64. О наказании за шантаж и вымогательство.
65. О наказаниях за ложные обвинения.
66. О наказаниях за продажу ядовитых лекарств и разных снадобий, выдаваемых за лекарства.
67. О наказании за изготовление фальшивых монет.
68. О наказании за подделку весовых гирь, мер объема и киновари [печатей].
69. О виновных в возникновении крупных пожаров.
70. О наказании за поджог.
71. О наказании за убийство и нанесение ран.
72. Об освобождении от ответственности при [непредумышленном] убийстве, спровоцированном [действиями] пострадавшего.
73. О смерти раненого вследствие других болезней.
74. О наказаниях соучастников случайного убийства [вследствие ран].
75. О наказании за бросание камней во время свадебного торжества.
76. О наказании буяна.

77. О наказании невменяемых пьяниц [буйных во хмелю].
78. Об убийствах, совершенных душевнобольными.
79. О наказании не достигших пятнадцатилетнего возраста.
80. О [случаях помощи] преступникам при их побеге и об укрывательстве.
81. О том, как поступать в случае розысков с использованием описания внешности преступников.
82. О розыске беглых преступников.
83. О случаях, когда следует прибегнуть к пытке.
84. О наказании за новое преступление преступника, следующего к месту отбывания ссылки на дальние острова.
85. О наказании сбежавших из тюрьмы и вернувшихся в места, где их проживание запрещено.
86. О наказании сторожей.
87. О засаливании трупов важных преступников.
88. О направлении в доследственные помещения при Суде.
89. О том, как следует поступать с бездомными [преступниками по отбытии ими наказания].
90. О наказании за насильственное похищение в случае расторгнутой помолвки.
91. О наказании гонцов за вскрытие писем и утрату доверенных им денег.
92. О разборе тяжб по закладу вещей.
93. О виновности за отpravку в дальнейший путь заболевшего путника [из воинов].
94. О наказании крестьян *хякусё* и горожан *тёнин* за опоясывание [двумя] мечами.
95. О виновности за возведение построек на вновь поднятых землях.
96. О виновности в утаивании полей осужденного.
97. О прошениях по принятию монашеского сана от сыновей осужденных.
98. О виновности должностных лиц деревни *мура-якунин* в отсутствии приложенных оттисков печатей [кого-либо из жителей] в учетном реестре деревни по годовому налогу *нэнгу* и повинностям *сёяку*.
99. О виновности в ненадлежащем отношении к совершившим мелкие преступления по выходе их из тюрьмы.
100. О наказании особо легком или особо тяжелом, когда преступление, номинально считающееся тяжелым, осужденного вреда никому не причинило.

101. Об отсутствии необходимости в разборе прочих преступлений, вскрывшихся в ходе расследования основного.
102. О незамедлительном признании сообщников и соучастников во время следствия.
103. О видах наказаний.

1. О предварительном приговоре «доступным взору» [визированием] оборота документа (мэясу-урагаки сёхан)².

Стародавняя традиция

[Иски] от буддийских и синтоистских [храмов] наряду с владениями буддийских и синтоистских [храмов], от частных владений *сирё*, [что] вне восьми областей *Кан[тō]*, равно и от владений буддийских и синтоистских [храмов] среди восьми областей *Кан[тō]* относимы к [сфере ведения *баку*] *фу*, оборот документа [визирется] стражем месяца *цукибан*³ [из] *бугё* [по делам] религии (*дзися-бугё*).

Стародавняя традиция

Уточнение 2-го года Энкё (1745)

[Иски, исходящие] из *Эдо*, городов во владениях синтоистских и буддийских [храмов], «привратных» [городов] синтоистских и буддийских [святилиц] *дзися-мондзэн*⁴ наряду с арендуемыми участками в пределах земель [храмов] относимы к [сфере ведения *баку*] *фу*, оборот документа [визирется] стражем месяца [из] *бугё*-градоначальников (*мати-бугё*).

Стародавняя традиция

[Иски, исходящие] из владений [сёгуна] *горё*⁵ [и] частных владений [*даймё*], [что в пределах] восьми областей *Кан[тō]*, равно и владений [сёгуна] вне восьми областей *Кан[тō]* относимы к

² В тексте использовано *мэясу-урагаки сёхан*, хотя более известен иной термин — *мэясу-урихан*.

³ О системе помесечной службы *цукибансэй* см. гл. 2, раздел «Воинское сословие: внутренняя структура и общественная значимость»; гл. 3, раздел «Основы и принципы организации управления (политическая система и структура бюрократического аппарата)».

⁴ Имеются в виду «прихрамовые города» *мондзэн-мати*.

⁵ *Горё*, либо *тэнрё*, — начиная со времен *Муромати-бакуфу*, так назывались владения императорской фамилии. Ко времени *Эдо-бакуфу* так именовались владения, находившиеся под непосредственным контролем *бакуфу*.

[сфере ведения *баку*] *фу*, оборот документа [визируется] стражем месяца [из] *бугэ* [по делам] казны (*го-кандзэ-бугэ*).

Уточнение 6-го года Кё хё (1721)

[Касательно] выше [указанного] для обеих сторон: старосте-*нануси*, главе семьи *изнуси*, пятидворке *гонин-гуми*, – встретившись, следует взаимно извиниться. Коли же не разрешат [тяжбу] – в семь дней обе стороны предстают [пред судебными властями]. Следует применять [визирование] оборота документа.

*Уточнение 2-го года Кё хё (1717)*⁶

Оговорка. Коли [стороны] относимы к [сфере ведения] различных властей, [дело] следует представить в Судебную палату *хёдзёсё*. Коли стороны [подчинены] одной юрисдикции – тому *бугэ* [и] следует дозволить рассмотрение и разрешение. Коли относимы к юрисдикции удаленных провинций *куни* – [при визировании должно указать], какого месяца и в какой день предстать в Судебной палате, [где] следует [провести] очную ставку. [Визирование] оборота документа о предварительном приговоре «стражами месяца» [из] *самбугэ* [осуществляется] прикладыванием печатей всего присутствия [трех *бугэ*].

*Уточнение 9-го года Кё хё (1724)*⁷

[Земли] *Ямасиро-Ямато-Оми-Тамба* – [сфера ведения] *мати-бугэ* Киото. **Оговорка:** [лишь] если обе стороны вместе [из] выше [названных] провинций, [дело подлежит] принятию и разрешению *мати-бугэ* Киото.

Того же [года]

[Земли] *Идзуми-Кавати-Сэцу-Харима* – [сфера ведения] *мати-бугэ* *Осака*. **Оговорка:** [лишь в случае], определенном выше, [дело подлежит] принятию и разрешению *мати-бугэ* *Осака*.

Стародавняя традиция

Оговорка. При том, что обе стороны и среди выше [указанных] восьми провинций *куни* различны [по] административной [принадлежности]: [т.е. из сферы ведения либо] *мати-бугэ* *Осака* и Киото, либо относимы к остальным провинциям – «стражу месяца» [из] *дзися-бугэ* следует вершить предварительный приговор [по данному делу]. Коли относимы [стороны] к администрации выше [указанных] провинций, если исходит иск из местности соответствующей,

⁶ Указание на эту дату содержится лишь в «Нихон кодай хотэн» [12, с.843]. «Токугава кинрэйкё» приводит лишь саму формулировку статьи как продолжения предыдущей – 6-го года *Кё хё* (1721) [11, с.57].

⁷ «Нихон кодай хотэн» указывает на 7-й год *Кё хё* (1722) [12, с.844].

извещают о [необходимости] предстать перед *бугѣ* из властей [той самой территории]. [Да] оставить [такое дело без] принятия к рассмотрению [*самбугѣ*].

2. О прикладывании печатей к обороту документа [при] заверении карт и планов.

Стародавняя традиция

Утверждение карт и планов [с] границами провинций *куни* [и] границами уездов *гун* [осуществляется] прикладыванием печати [одного из] Больших старейшин *го-рѳдзю*, ряда печатей *самбугѣ* [из «стражей месяца»].

Оговорка: помимо выше [указанных случаев]. Отличие утверждения на обороте [прочих] карт и планов [в том, что достаточно] ряда печатей *самбугѣ* [из «стражей месяца»].

3. О принятии [к] разрешению различий [во взглядах и] «расхождений»-тяжб управляющих владениями [сѳгуна] *горѳ-дзитѳ* и [иных] «глав земель» *дзитѳ* наряду с расхождениями [по] порядку [на]следования.

Уточнение 6-го года Кѣ хѳ (1721)

«Расхождения»-тяжбы, касающиеся совокупно частных владений *сирѣ* и участков крестьян *хякусѣ*, [что подлежат юрисдикции] «управляющих дальними странами» *энкоку-бугѣ* [иль] вместо [них] «представителей [власти]» *го-дайкан*, [принимаются нами, Судебной палатой, лишь] при наличии вынесенного решения *бугѣ*, *го-дайкан* [или] *дзитѳ* той местности; принятие к рассмотрению [нами] требует доведения [судебного] разбирательства [на месте до конца]. Коли появился иск крестьян *хякусѣ* во [время, когда еще] решения нет, [да] оставить [такое дело без] принятия к рассмотрению [нами].

Того же [года]

По «расхождению»-тяжбе [в землях] одного *дзитѳ* решение выносится [этим] *дзитѳ*; по принятии и разрешении [дела] *дзитѳ* [сторонам] пристало изложение и выслушивание взаимных извинений. [Да] оставить [такое дело без] принятия к рассмотрению [нами]. Конечно, [если еще] у *дзитѳ* нет решения, [то по] появлении иска крестьян *хякусѣ* [их] извещают о [необходимости обращения с] надлежащей обоюдной просьбой о чаемом [к] *дзитѳ*. Это также [да] оставить [без] принятия к рассмотрению [нами]. Еще также, коли [сторонами все] изложено и выслушано у *дзитѳ* при

отсутствии взаимных извинений, главе администрации следует добиться, чтобы [даны] были показания. **Оговорка.** Коли слушание [сторон] поручено нерадивому *дзитō*, по осведомлении [о том] следует [вынести] решение о принятии к рассмотрению Судебной палатой.

7. О проведении разбирательства по каждому судебному делу отдельно в резиденции [одного из трех *бугē*].

Уточнение 6-го года Кё'хō (1721)

В [надлежащие] по ритуалу дни [проведения] разбирательства по судебным делам [стороны] предстают перед собранием [*бугē*]. [Коли] тем же днем не [установлен] порядок взаимного извинения, [все переносится] в резиденцию ответственного *бугē*, [и тот,] на череду дней не откладывая, ведет разбирательство [до конца]. По критическом обсуждении всем присутствием [*самбугē*] о рассмотрении и разрешении следует [вынести] постановление.

Оговорка. *Го-дайкан* [или его] подручным [да] оставить [единоличное ведение дел].

8. О [расширенном составе] присутствия важных должностных лиц в Судебной палате *хёдзёсё* [при] ведении [дел] о «расхождениях»-тяжбах [по] владению и правлению *рёти*:

го-родзю — Большие старейшины,
сёсидай — резидент-представитель [сёгуна в Киото],
Осака-го-дзёдай — наместник-представитель [сёгуна] в замке *Осака*,
вакадосиёри — молодые старейшины,
о-собасю — «приближенные»-телохранители [сёгуна],
все присутствие Судебной палаты [*самбугē*].

Уточнение 4-го года Тэмбун (1739)

Как упомянуто выше, о принятии [для] разбора иска-тяжбы [по] владению и правлению не годится осведомлять [все присутствие]; о сути [же] рассмотренного и разрешенного надлежит осведомить. Так постановляем.

Оговорка. [При] «расхождениях»-тяжбах по закладам участков, займам денег следуют нормам, что есть в установленных законах. Не годится осведомлять о [столь никчемном все присутствие].

9. (Дополнительная) О том, что в случаях, когда вассалы *кэрай* важных должностных лиц навлекут [на себя] наказание, их господин уведомляет [виновных] об отстранении *сасихикаэ* [от службы и домашнем аресте].

Уточнение 4-го года Энкэ (1747)

го-рōдзю – Большие старейшины,
сёсидай – резидент-представитель [сёгуна в Киото],
Осака-го-дзёдай – наместник-представитель [сёгуна] в замке *Осака*,
вакадосиёри – молодые старейшины,
о-соба – «приближенные»-телохранители [сёгуна],
дзися-бугё – министр-бугё по буддийским и синтоистским храмам,
ō-мэцукэ – Старший наблюдающий, Верховный *мэцукэ*,
мати-бугё – бугё-градоначальники,
го-кандзё-бугё – министр-бугё [по делам] казны [и управления
землями дома сёгуна],
го-мэцукэ – Наблюдающие-*мэцукэ*,
Осака-го-дзёбан – Постоянная Стража *Осака*,
Сумпу-го-дзёдай – наместник-представитель [сёгуна] в замке *Сумпу*,
энкоку-бугё – бугё, управляющие дальними странами.

Вассалы *кэрай* выше [упомянутых лиц], [будь то] «легконогий пеший воин» *кати-асигару* [иль старший слуга в дом] «вхожий» *тōдзэн* и прочие, учини [они] «нерадивость» *футодоки*, что влечет официальное наказание, то при этом их господин не прибегает к отстранению [виновных от службы и домашнему аресту]. Коли выше- [названные] *самураи* или «мелкота»-*асигару* навлекут [на себя] наказание за свершение злодеяния шайкой, [то господину] следует уведомить [виновных] об отстранении [от службы и домашнем аресте].

Что до должностных лиц из *энкоку-бугё*, то, коли у них вассалы *кэрай* свершат злодеяние, следование выше [указанному] надлежит постичь сердцем.

Оговорка. То же и с официальными должностными лицами [низших рангов]. Коли вассалы *кэрай* навлекут [на себя] наказание за свершение злодеяния шайкой, то по обстоятельствам данной ситуации [виновных] следует уведомить об отстранении [от службы и домашнем аресте].

13. О записях, свидетельствующих [о праве на] пользование [землею], что подлежат [принятию] в расчет и признанию.

Уточнение 5-го года Тзидун (1740)

Киноварной печати [бакуфу] не годится выказывать [недоверия]. [В отношении] дарственных, старых [долговых] расписок, старых реестров по обводнению либо записей, исходящих от «глав земель» *дзитō* и прочего, то при отсутствии сомнительного в данных бумагах следует признать [их как] свидетельства на владение-пользование [землею]. Записи частных [лиц], [истории] происхождения буддийских и синтоистских [святилищ] *дзися-энги* и тому подобное в массе не подлежат [принятию в качестве документов на] владение и пользование [землею].

25. О наказании за предоставление приюта постороннему лицу без внесения в реестр переписи [населения].

Уточнение 2-го года Кампō (1742)

Предоставление приюта постороннему лицу без внесения [его] в реестр переписи [наказуемо]:

- данная особа вкупе с лицом, предоставившим приют, обоюдно [подлежат] изгнанию с места [жительства],
- старосте-*нануси* — тяжелый штраф,
- главе пятидворки *куми-гасира* — штраф.

29. О лицах, известивших о неплатежеспособности *синдай-кагири*⁸.

То же [Стародавняя традиция]

Рисовые и сухие поля, усадьба *ясики*, складские помещения, обстановка дома *кадзай* — к отобранию.

Уточнение 2-го и 3-го годов Кампō (1742 и 1743)⁹

Оговорка. Та часть складских помещений, что находится в иных местах, также отбираема. Однако, [коли] кредитору *кинсю* по разбирательстве в присутствии причитается [компенсация] недостачи по денежной сумме, дополнительно следует [вынести] постановление о том, что соответственно просрочке платежа должно выплатить подлежащую возмещению оставшуюся часть из оговоренной суммы

⁸ В оригинале вместо *синдай-кагири* («предел наличности») приведено иероглифическое сочетание *синтай-кагири* (возможно, ввиду их фонетической близости).

⁹ «Токугава кинрэйкō» указывает в данном случае на 2-й и 4-й годы Кампō (1742 и 1744) [11, с.71].

денег постепенно [за счет вновь] приобретенной наличности. У арендатора при просрочке и неплатежеспособности рисовые и сухие поля, усадьба передаются кредитору до погашения просроченного платежа за счет ежегодного дохода с аренды и достодолжного возвращения [их затем] прежнему хозяину земельного участка.

Уточнение 6-го года Кё хё (1721)

При аренде помещения: обстановка дома — к отобранию.

Оговорка. Коли наказуется [случай, касающийся] аренды земельного участка при самоличной постройке дома, следует [вынести] постановление об отобрании обстановки и отстроенного дома вкупе.

30. О наказании лиц за совершение купли-продажи навеки¹⁰ рисовых и сухих полей вкупе с сокрытием земельных участков.

Стародавняя традиция-уточнение начального года Энкё (1744)

Лица, совершившие продажу навеки рисовых и сухих полей [наказуемы]:

- данной особе — штраф,
- приложившего печать [к купчей] старосту-нануси — лишить должностного поста,
- свидетелям — порицание *сикари*.

Уточнение 3-го года Тэйдун (1738), начального года Энкё (1744)

Лица, [совершившие] указанную покупку, [наказуемы]: купленные навеки рисовые и сухие поля — к отобранию.

Стародавняя традиция

Без высокой санкции [судебным властям случаев продажи] поднятых новых¹¹ рисовых и сухих полей, а кроме того, принадлежащих *рёнин*¹² и самураям рисовых и сухих полей — при продаже навеки не затрагивать.

Уточнение 4-го года Дэёкё (1687), начального года Энкё (1744)

Лица, принявшие в заклад [земли] для возделывания и пользования при исполнении¹³ [кредитором положенных] закладчику *ситиоки-нуси* годового налога *энгу* и повинностей *сёяку*, [наказуемы]:

¹⁰ В отличие от «купи-продажи на время», т.е. сдачи в аренду.

¹¹ По причине налогового иммунитета для вновь возделанных полей, который должен был служить стимулом для дальнейшей разработки целины.

¹² *Рёнин* (букв. — «человек-волна») — так назывались бывшие воины, утратившие сюзерена, а вместе с тем средства к существованию и свой прежний социальный статус.

¹³ В статье говорится о наказании за скрытую куплю-продажу земли, что законом запрещалось. Исполнение налоговых обязательств перед правительством лицом, не являвшимся хозяином земли юридически, в связи с этим строго преследовалось.

- хозяину-закладчику *ситиоки-нуси* – штраф,
- лицу, принявшему в заклад, [при] отобрании земельного участка – штраф,
- приложившего печать [к договору о сделке] старосту-*нануси* – лишить должностного поста,
- свидетелям – порицание.

Уточнение 2-го года Канно (1742)

Лица, [виновные в] сокрытии земельных участков, [подлежат] ссылке средней [дальности].

31. О принятии и разрешении [дел] по закладу участков и аренде косаку.

Уточнение 2-го года Тэмбун (1737)

При закладе участка по прошествии десятилетия с истечения срока лет [заклада при невыплате долга] – переход участка [к кредитору].

Оговорка. При отсутствии в [закладном] документе фразы о переходе участка [в руки кредитора при неуплате долга], коли появляется иск [закладчика] в пределах десятилетия с истечения срока лет [заклада], следует позволять погашение [задолженности].

Стародавняя традиция

[При обращении в суд по делам] заклада участков в пределах срока лет следует позволять выкуп по истечении срока лет.

Уточнение 2-го года Тэмбун (1737)

При [закладном] документе без ограничения срока лет, где [предусмотрен] надлежащий выкуп по мере [появления] в наличии денежных средств, коли минуло десятилетие с года заклада, – [признается] переход участка [к кредитору].

Того же [года]

[Случаи] заклада участков на срок лет свыше десятилетия не принимаются к рассмотрению.

Уточнение начального года Канно (1741)

Коли не выплачена [задолженность] по истечении срока лет, согласно [закладному] документу должен произойти переход участка [к кредитору]. Коли иск [закладчика] поступает по прошествии двух месяцев с назначенного месяца истечения срока лет, участок переходит [к кредитору].

Оговорка. «Коли не выплачу [задолженность] к истечению срока лет, вовеки распоряжайся [моей землею]»; также: «До детей и внуков

нет касательства [мне до этой земли]»¹⁴; и еще: «Благодаря сему [закладному] документу — да верши [свою] власть»; либо: «Да будет [она твоим] именным полем *мё дэн*» и другие подобного типа выражения о переходе участка [к кредитору]. [Коли присутствуют они в закладном] документе, следует постановлять соответственно [их духу].

Стародавняя традиция

[Касательно] документов по перезакладу с оттиском печати прежнего хозяина участка. Согласно установленным законам следует дозволить погашение [задолженности] прежним хозяином участка.

Уточнение начального года Кампо (1741)

Оговорка. В случае перезаклада, коли заем превышает сумму [по первому закладу], следует [вынести] постановление о погашении этой части [суммы] лицом, совершившим перезаклад.

Того же [года]

[При] просрочке арендной [платы], по прошествии срока дней заклада участка, коли затем просрочена оплата, следует [вынести] постановление о неплатежеспособности [арендатора].

Дополнение [и] уточнение 2-го года Энхё (1745)

Оговорка. Следует [вынести] постановление о погашении [долга] по надлежащей арендной плате, вкупе рисом и деньгами, согласно условиям [договоренности] кредитора *кинсю* и арендатора *косакунин*.

*Уточнения начального года Кампо (1741)*¹⁵

и начального года Энхё (1744)

[О закладных] документах, [определяющих] при закладе участка предоставление кредитором [в казну] только годового налога *нэнгу*, а исполнение повинностей *сёяку* — хозяином участка *дзинуси*. Коли сие в рамках срока лет [заклада], согласно установленным законам¹⁶, [закладные] документы исправляются:

- хозяину-закладчику *ситиоки-нуси* — порицание,
- получателю заклада *сититори-нуси* — штраф,
- приложившему печать старосте-*нануси* — штраф.

Оговорка. По истечении срока лет [заклада] земельный участок подлежит выкупу. По миновании двух месяцев с истечения срока

¹⁴ То есть потомки его навеки отказываются от претензий на землю.

¹⁵ Данное указание на дату отсутствует в «Токугава кинрэйко» [11, с.74], а поддерживается лишь в «Нихон кодай хотэн» [12, с.878].

¹⁶ Подразумевается необходимость несения всех повинностей одним лицом (см. также *прим.* 13 к ст. 30 Кодекса).

лет — по установленным законам [выносятся] постановление о переходе участка [в собственность кредитора]. В обоих случаях виновность следует определять согласно основному тексту [статьи Кодекса].

Стародавняя традиция

«Именную аренду» *мёдэн-косаку* свыше двадцати лет следует определять как «вечную аренду» *эй-косаку*.

Уточнение 4-го года Каинё (1744)

[Если] в пределах срока лет первоначальный денежный [заем] под залог земли [выплачен без суда] частным порядком, по появлении иска [кредитора] при наличии остатка [процентов] к истечению срока лет [следует] возврат суммы денег, выплаченных частным порядком, владельцу участка *дзинуси*; участок переходит [в собственность кредитора].

35. О суде по банкротству *синдай-бунсан*¹⁷ с денежными долгами.

Уточнение начального года Каинё (1741)

В случае банкротства лица, задолжавшего деньги, по появлении прошения, исходящего от нескольких неудовлетворенных лиц из числа заимодавцев *касиката*, потерпевшему банкротство излагается [таковое и тем] заслушивается. Что до неудовлетворенных, надлежит востребовать выплату банкротом доли [по своим обязательствам] лишь лицам удовлетворяемым. Однако надлежит присудить должника *кариката* к выплате по мере обретения [им] наличности, равно и лицам, получившим доли, и лицам, не получившим.

37. О наказании за двойной заклад *футаэ-сити*, двойной заклад *футаэ-какицрэ*, двойную продажу.

Уточнение 2-го года Каинё (1742)

Лица, свершившие двойной заклад рисовых и сухих полей, усадьбы *ясики*, [наказуемы]:

- закладчику *ситширэ-нуси* — средней [дальности] ссылка,
- старосте-*нануси* — легкая ссылка,
- [свидетелям], приложившим печати, — изгнание с места [жительства] *токоро-бараи*.

¹⁷ Как и в ст. 29 Кодекса, вместо *синдай-бунсан* («крах состояния») приведено иероглифическое сочетание *синтай-бунсан* (возможно, ввиду их фонетической близости).

Уточнение 2-го года Каинō (1742), начального года Энкē (1744)

Оговорка. И при двойном залоге [поступать], как [уже] определено. Рисовые и сухие поля, усадьба, строения и т.п. передаются первому кредитору *кинсю*. Последующему кредитору следует передать по отобрании обстановку дома *кадзай*. Однако, коли в сообщничестве староста-*нануси* и [свидетели], приложившие печати, приняли «ритуальное вознаграждение» *рэйкин*, [приговорить их] к средней [дальности] ссылке. [Если] последующий кредитор при существовании заклада на участок, залога и т.п. принял документ, [из коего это явствовало], сослать [кредитора] на [все] четыре стороны за 10 *ри*¹⁸ от *Эдо*.

Уточнение 4-го года Каинō (1744)

Лица, получившие денежное возмещение за продаваемые предметы без вручения данного товара, совершившие вторичную продажу на сторону, а также сдавшие в заклад товар, [будучи] посредниками по надлежащей его доставке, наряду со свершившими присвоение денег по распродаже [вверенного им товара, наказуемы]:

- при денежной сумме *кинсу* свыше 10 *рē* [либо] при объеме различных товаров денежным возмещением свыше 10 *рē* – смертная казнь,
- при денежной сумме ниже 10 *рē* [либо] при объеме различных товаров денежным возмещением ниже 10 *рē* – клеймение *ирэдзуми-татаки*.

Оговорка. Прежде всего [виновный] приговаривается к заключению *нибрō*. При компенсации [ущерба] деньгами либо товарами: [по сумме] свыше 10 *рē* – к изгнанию из *Эдо*, ниже 10 *рē* – к изгнанию с места [жительства].

По выше [указанным случаям в отношении] лиц, приобретших проданное, при неведении [о происхождении] товара следует [вынести] приговор об отобрании данных товаров.

¹⁸ *ри* – старая японская мера длины (1 *ри* = 3,9273 км).

52. О наказании [за приверженность учению] сантёха фудзю-фусэ¹⁹.

Стародавняя традиция

Лица, призывающие [к следованию] закону сантёха фудзю-фусэ, [даже] при переходе в [какое-либо из] надлежащих учений [приговариваемы к изгнанию] на дальние острова.

Уточнение начального года Энкё (1744)²⁰

Лица, оказавшие услугу по постою и тому подобному особе, что призывает к принятию передаваемого означенной [сектой], [караются], как определено выше.

Оговорка. В случае перехода в [иное] учение по постановлению [суда подлежат] отобраению рисовые и сухие поля, [а виновный наказуем] изгнанием с места [жительства].

Того же [года]

Старосты-нануси и главы пятидворок куми-гасира, что оставят [без внимания] в деревне лиц, призывающих к означенному, [даже] при отсутствии приятия и обращения к передаваемому закону [караемы] лишением должностного поста.

Оговорка. [В случае] приятия передаваемого Закона, [даже] при возглашении надлежащего перехода в [иное, отличное от фудзю-фусэ], учение [наказуемы]:

- староста-нануси – легкой ссылкой,
- куми-гасира – отобраением рисовых и сухих полей и изгнанием с места [жительства].

58. Об осведомителях насчет шаек зло[умышленников] акуто̄.

Уточнение 3-го года Тэмбун (1738)

В случае представления к взятию [под стражу] за дурные деяния либо когда возбуждено дело, при сообщении стороной, [принадлежащей к] шайке зло[умышленников], о дурных деяниях и лица, возбудившего выше [упомянутое] дело, [да] оставить по малозначимости [последний иск без] выяснения. Буде же в известии того человека свидетельства достоверны, обе стороны подлежат [привлечению к] расследованию сэнги.

¹⁹ Фудзю-фусэ ха – одно из ответвлений буддийской секты Нитирэн, проповедовавшее принцип «не принимать и не давать (не выполнять)», предполагавший на практике отказ и от выполнения любых социальных обязанностей перед правительством. Следование учению было запрещено в 1614 г. почти одновременно с запретом христианства (вновь разрешено лишь в 1876 г.). Сантёха – также одно из ответвлений Нитирэн.

²⁰ На эту дату указывает «Нихон кодай хётэн» [12, с.908], а «Токугава кинрэйкё» говорит о «стародавней традиции» [11, с.93].

Оговорка. Вообще при факте соучастия осведомителя, свершившего преступление одного рода с возбужденным делом (пускай и милуем [он] за ту вину, [искупленную доносом]), в сути того [суду все-таки] надлежит разобратъся.

94. (Дополнительная)²¹. О наказании крестьян хякусэ̄ и горожан тѣнин за опоясывание [двумя] мечами.

Стародавняя традиция

Самочинно да свершивший действие опоясывания [себя] мечами крестьянин хякусэ̄ [иль] горожанин тѣнин по отобрании вкупе меча *катана* и [малого] меча *вакидзаси* [караем] легкой ссылкой.

98. (Дополнительная)²². О виновности должностных лиц деревни мура-якунин за отсутствие приложенных оттисков печатей [кого-либо из жителей] в учетном реестре деревни по годовому налогу нэнгу и повинностям сѣяку.

Уточнение начального года Энкэ̄ (1744)

[Случаи] непредставления учетных реестров деревни по годовому налогу и повинностям всех [без исключения] крестьян хякусэ̄ наряду со [случаями] отсутствия [каких-либо из] прилагаемых оттисков печатей [наказуемы]:

- староста-нануси – лишение должностного поста и штраф,
- куми-гасира – штраф.

Оговорка. Староста-нануси и куми-гасира при [следовании] своекорыстию [караемы]:

- староста-нануси – отобрание обстановки дома *кадзай* и изгнание с места [жительства],
- куми-гасира – лишение должностного поста и штраф.

²¹ Указание на дополнительный характер статьи имеется лишь в «Токугава кинрэйкō» [11, с.125].

²² Указание на дополнительный характер статьи имеется лишь в «Токугава кинрэйкō» [11, с.126].

Глава 1

«Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей» в системе традиционного японского права

Общие замечания

«Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей» представляют исключительную ценность не только как источники по социально-политической истории Японии XVII-XVIII вв., но и как правовые памятники. Результаты сопоставления Установлений и Кодекса, временной разрыв между появлением которых составляет более столетия, свидетельствуют о наличии в этих документах важных материалов, освещающих эволюцию японского общества нового времени. При таком подходе к Установлениям и Кодексу очевидно существование между ними различий стадийно-формационного свойства: в эпоху создания первого документа феодализм был еще на подъеме, а второй появился тогда, когда уже назрели новые процессы и явления (возникла необходимость в их правовой фиксации).

В последнее время заметно возрос интерес к проблеме значимости традиции в современном мире вообще и на Востоке в частности (см., например, [239]¹). В наши дни воздействие друг на друга, взаимопроникновение, а в некоторой степени и слияние национальных и региональных культур стали явлениями достаточно привычными, но тем актуальнее изучение нетипичных, особенных черт, присущих отдельным странам. Право же вообще лишь одна из многочисленных сфер жизни общества, которая в подобном взаимодействии играет далеко не последнюю роль. Изучение правовой традиции необходимо, чтобы уяснить процесс развития собственно права (в том числе и правосознания, правовой практики, правотворчества и пр.), осмыслить эволюцию общества, понять национально-психологические особенности характера, и это лишь немногие из проблем, связанных с данной темой.

В этой главе мы попытаемся показать историческое место рассматриваемых документов в системе нормативных актов старого японского права и ход процессов научного освоения и публикации памятников. Но попытка осветить общую линию развития права только на примере законодательных памятников общегосударственного значения заведомо предполагает ограниченность анализа даже из-за самой специфики привлекаемого материала. При том, что

¹ Помимо коллективной монографии «Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного» [239] немалый интерес представляют и материалы ее обсуждения на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (ныне журнал «Восток») [240].

проблемы современного японского права находят довольно широкое отражение в литературе, за пределами Японии по-прежнему недостаточно исследованной остается история японских правовых традиций. В этом смысле не теряют своей актуальности работа Нода Ёсиюки как первый из трудов японских правоведов, адресованных европейцам [299]², и книга Инако Цунэо, написанная специально для советского читателя [113], дополняет их переведенная у нас монография французского правоведа Р. Давида [92].

Для Японии рубежом многопланового соприкосновения ее с мировой культурой явились события *Мэйдзи-исин*. С падением *бакуфу* как формы правления и выходом из круга внешнеполитической изоляции совпало официальное признание краха феодальной государственности и ориентация на путь капиталистического развития в качестве основной политической линии нового буржуазного правительства Японии, неизбежно ведущей и к известной утрате самобытности. Существенная переориентация происходила и в области юриспруденции. Ведущее значение приобрела задача создания буржуазного законодательства, опирающегося на соответствующие французские и германские образцы³. Ввиду этого понятие старого традиционного

² Десятилетие спустя после выхода в свет на французском языке работа Нода Ёсиюки «Введение в японское право» была переиздана в 1976 г. на английском, что явилось лишним подтверждением ее несомненной научной ценности. Впрочем, существуют мнения и о преувеличении автором ряда особенностей японского права, связанных со значительной ролью морально-этических норм и установок [113, с.25]. По-видимому, эту специфику игнорировать нельзя, но нужно иметь в виду большую ее значимость в правосознании, а не в праве, вполне естественно укладываемом в рамки современного буржуазного законодательства.

³ После *Мэйдзи-исин* на формирование права капиталистической Японии сперва оказали существенное влияние законодательства Франции (как страны, ранее других составившей буржуазные кодексы, которые по этой причине впоследствии не раз являлись прототипом для иных, в том числе и европейских государств) и Германии (консервативная доктрина государственного права которой была избрана как наиболее подходящая прежде всего при разработке японской конституции 1889 г.). Далее в первой четверти XX в. рецепирование права связывалось не только с Германией, но и с Великобританией (речь идет о нормативных актах, регулирующих институт доверительной собственности, служивших более всего для привлечения английского капитала в Японию). Собственно английское право, построенное на судебном прецеденте (общее право), было слабо воспринято в Японии, где до настоящего времени господствующее положение занимает романо-германская правовая система, основанная на статутном праве (самой букве закона, а не на вариантах судебных решений). После второй мировой войны определенное влияние в Японии получило право США (начиная с составления во времена американской оккупации проекта новой конституции, вступившей в силу в 1947 г.). Поэтому при преобладании романо-германской правовой системы послевоенное право Японии представляет собой довольно редкое сочетание континентального и общего права, что часто является причиной немалых трудностей при увязке тех или иных моментов с учетом специфики обеих систем.

права как полностью находящегося еще в системе права дальневосточного и свободного от влияния Запада применимо к Японии до середины XIX в. Под традицией здесь подразумевается соединение черт и чисто японского происхождения, и заимствованных в пределах региона (по существу, вплоть до периода *Мэйдзи* внешние воздействия на законодательство связаны исключительно с Китаем). Поскольку самые ранние из сохранившихся японских письменных памятников относятся к VII в., говорить о старом праве Японии представляется возможным лишь на основе средневекового, уже целиком письменного.

Письменное право феодальной Японии

До формирования феодального государства в VII в. японское право было совершенно самобытным и обычным, сливаясь в своих истоках с ранними религиозными и этическими представлениями жителей японских островов. В *истории права феодальной Японии выделяются три периода. Первый* (VII-IX вв.) — время завершения складывания феодальной (по социально-экономической природе) государственности и создания централизованной (по сути и форме) монархии, т.е. процессов, вызвавших необходимость обращения к законодательству Китая как страны с давно сложившимися феодальными, в том числе и юридическими, институтами. Для *второго* периода (X-XVI вв.) — эпохи зрелого феодализма — характерны ослабление реальной власти императора, становление *бакуфу*⁴ как системы правления, утрата страной политического единства, восстанавливавшегося лишь время от времени. При *Камакура-бакуфу* (1192-1333) и *Муромати-бакуфу* (1338-1573) на основе чисто местного права крупных феодалов были разработаны законодательные своды общегосударственного предназначения. Но ввиду недостаточности сил у центральной власти ведущая роль в действительности оставалась за местным правом отдельных княжеств (в более позднее время известных как *хан* и нередко именуемых в европоязычной литературе даймиатами — владениями князей *даймэ*), а не за кодексами правительства. *Третий* период — время стабилизации феодализма (XVII в.), а затем появления элементов новых форм общественных отношений, постепенно ведущих к вызреванию капиталистического уклада и разложению феодальных устоев, как не отвечающих более требованиям развивающейся экономики (XVIII — середина XIX в.). Указанные процессы происходили

⁴ См. Введение, прим. 1.

в стране при сохранении политического единства в рамках *Токугава-бакуфу* и преобладании в праве пространной регламентации⁵ различных аспектов и сфер жизни общества с позиций феодального государства. Начиная со второго периода рецепция китайского права становилась менее ощутимой по форме, в следовании самой букве заимствованных законов, но зато куда более глубокой в общих принципах правового регулирования и в сфере политико-идеологических основ управления в целом.

Переход от обычного бесписьменного к письменному праву с явной ориентацией на рецепцию китайских образцов начался лишь в середине VII в. с реформ *Тайка*⁶ (*Тайка-но кайсин*). Знакомство японцев с рядом положений уголовного права Китая имело место и ранее, а с этого времени наблюдалось «резкое усиление процесса рецепции» [70, с.110, 115].

Первое документальное свидетельство такого активного восприятия китайской культуры, включающего и аспекты права, — это «Конституция из 17 статей принца *Сётоку*» («*Сётоку-тайси-но кэмпо*», известная и как «*Дзюсити-дзэ-но кэмпо*»), увидевшая свет в 604 г.⁷ На самом деле она была манифестом, провозгласившим ориентацию на конфуцианство (а опосредованно и на ряд других идеологических доктрин, пришедших из Китая) при эклектическом сочетании его с положениями синтоистского культа [6, с.12]. «Манифест *Тайка*» («*Тайка-кайсин-но микотонори*») 646 г.,⁸ увидевший свет почти полвека спустя, определил, по примеру Китая, основные принципы новой системы управления⁹. Целью создания обоих документов являлась необходимость укрепления престижа трона и устоев централизованного государства. Прежде всего это была

⁵ Подобное регламентирование, четкая фиксация социальных структур оказывали глубокое воздействие на различные аспекты жизни японского общества и в более раннее время, в частности на традиционное средневековое искусство — несмотря на присущую последнему «народную энергию», была широко распространена вассалитетная система *измото* («основного дома» в любой из школ живописи и прочих видов искусства, с неперменным подчинением ему «младших ответвлений») [271, с.351].

⁶ Эра *Тайка* (букв. — «большие перемены») — 645-649 гг.

⁷ Перевод «17-статейной конституции принца *Сётоку*» см. [6, с.22-26]. Часто упоминается и как «Конституция *Сётоку*».

⁸ Перевод «Манифеста *Тайка*» см. [6, с.52-54].

⁹ Основными принципами этой новой системы управления, согласно «Манифесту *Тайка*» 646 г., были: смена наследственного родового владения землей государственной собственностью, установление государственной надельной системы и налогообложения, создание централизованного бюрократического аппарата, упразднение ряда категорий рабов.

политическая программа; юридическое значение данных материалов было, скорее, второстепенным.

Реформы *Тайка* завершились появлением двух дошедших до нас законодательных сводов – «Кодекса годов *Тайхō*» («*Тайхō рицурē*») 702 г.¹⁰ и «Кодекса годов *Ёрō*» («*Ёрō рицурē*») 718 г.¹¹, близких по своему содержанию¹² и составленных на основе законодательных сводов китайских династий *Суй* (581-618) и *Тан* (618-907). Рецепция «уголовного и гражданского права» (кит. *люйлин*; яп. *рицурē*) означала для Японии переход к «правовому государству» («*рицурē кокка*») VIII-IX вв., иными словами, к государству раннефеодальному, получившему полное правовое оформление. Такое обращение к опыту Китая в период становления японской феодальной государственности, по сути, аналогия широкой рецепции римского права в раннефеодальной Европе, но отличавшаяся, по-видимому, большей глубиной и размахом. Приходится говорить о почти буквальном заимствовании значительного числа положений китайского законодательства, шедшем параллельно с восприятием конфуцианской идеологии.

Казалось бы, есть достаточно оснований предположить существование в жизни японского общества до VII в. определенных соответствий ряду китайских реалий. Но, хотя в Японии и раньше имели место заимствования концепций либо отдельных категорий и понятий китайской культуры, в целом это, конечно, было не так. Если в Китае кодифицированное право базировалось на длительной традиции, то в Японии самой существенной его опорой являлась лишь поддержка со стороны правящих кругов. Заимствовавшиеся кодексы были тщательно проанализированы и переработаны, с тем чтобы обеспечить их максимальную пригодность собственным нуждам и условиям. При восприятии танских образцов продолжалось и развитие типично японских законов. Следует иметь в виду прежде всего крайне глубокую рецепцию формы, накладывавшую отпечаток, но не нарушавшую внутренней сути уже вполне определенно слагавшихся японских реалий. На практике эффективность кодексов оказалась недоста-

¹⁰ Перевод «Кодекса годов *Тайхō*» см. [7-9], подробнейшему исследованию его материалов посвящена последняя монография М.В.Воробьева [76].

¹¹ Своды «*Тайхō рицурē*» 702 г. и «*Ёрō рицурē*» 718 г. составлялись на основе более ранних кодексов: «*Оми рē*» 669 г. и «*Киёми[га]хара рē*» (известного и как «*Асука Киёмихара рицурē*») 682 г., которые не сохранились.

¹² Чрезвычайная близость содержания кодексов «*Тайхō рицурē*» и «*Ёрō рицурē*» явилась причиной того, что в литературе весьма широкое распространение получило хождение такого наименования, как «Кодекс годов *Тайхō* и *Ёрō*» («*Тайхō Ёрō рицурē*»).

точной¹³, что во многом было вызвано изменением объективных условий жизни общества: развитием частнофеодальной земельной собственности в экономической сфере, фактическим ослаблением власти императора — в политической и т.п.

В X в., с наступлением второго периода в эволюции законодательства, на смену «*Тайхō Ёрō рицурё*» пришли нормативные акты крупных феодальных домов, пользовавшихся широким спектром иммунитетных прав. Во владениях наиболее сильных князей *даймё* была заметна тенденция к кодификации существовавшей правовой практики¹⁴. В законах княжеств много общего, а нередкое копирование на местах правовой системы центральной власти делало это еще более заметным¹⁵. В свою очередь, и общегосударственные своды, изданные при двух первых *бакуфу* — *Камакура* и *Муромати*, основывались на нормах обычного права, принятых в землях тех или иных *даймё*, а теперь систематизированных и унифицированных правительством. Имеются в виду два основных юридических свода *бакуфу*: «Судебный кодекс» («*Го-сэйбай сикимоку*») 1232 г., известный еще и как «Уложение годов Дзёэй» («*Дзёэй сикимоку*»), и «Уложение годов Кэмму» («*Кэмму сикимоку*») 1335 г. После их появления законы княжеств стали еще более ориентироваться на установления центральной власти, формально считавшиеся основой управления лишь в землях сёгуна. С той поры в японском средневековом праве получил широкое распространение законодательный прецедент¹⁶ (не судебный)¹⁷ — прежние

¹³ Хотя формально свод «*Ёрō рицурё*» как существенно переработанный вариант «*Тайхō рицурё*» с некоторыми изменениями и дополнениями считался основным (как дань традиции) вплоть до *Мэйдзи-исин*, т.е. свыше тысячи лет [7, с.7].

¹⁴ К числу наиболее известных сводов княжеств этого периода относятся собрания законов «*Кабэгаки*» дома *Оути* из *Суо*, «*Кана мокуроку*» дома *Имагава* из *Суруга*, «*Дзинкайсё*» дома *Датэ* из *Муцу*, первая из двух частей «*Такэда Сингэн кахō*» дома *Такэда* из *Кан*.

¹⁵ Так, уложения княжеств содержали ряд установлений, определявших статус «подданных [главы] дома» (кит. *цзячэнь*; яп. *касин*), статьи по военным вопросам, порядок наказания участников стычек, а также параграфы, касавшиеся суверенности владений (преимущественно сводившиеся к «закрытости владения» — *сакоку*, предотвращению всяческих форм внешних сношений либо детальному их регламентированию).

¹⁶ В какой-то степени авторитет законодательного прецедента связан даже с «*Тайхō Ёрō рицурё*» (см. гл. 1, прим. 13).

¹⁷ Система общего права (common law), основывающаяся на судебном прецеденте, часто именуемом и «судейским правом» (judge-made law), где прецедент прежних судебных решений позволяет толковать, а порой и изменять закон, по существу, не получила распространения в Японии до настоящего времени [35, с.296]. См. также гл. 1, прим. 3.

уложения всегда считались основой последующих [13, ст. 51, 94]¹⁸. С XIII-XIV вв. начало сказываться более глубокое, нежели ранее, воздействие на право китайской идеологии (прежде всего конфуцианской), достигшее апогея в XVII в., в отличие от стремления следовать самой правовой форме, ощутимо запечатленного в кодексах VIII в. Уже в первую из статей «Го-сэйбай сикимоку» оказалась включенной цитата из «Лунь юй» Конфуция [279, с.101].

В XV-XVI вв., на переходе к третьему периоду, прослеживается поворот от сильного феодального иммунитета — практически автономного самоуправления княжеств — к «закону сверху» [249, с.5]. С провозглашением же *Токугава-бакуфу*, по ограничению власти *даймё*, местное право уже ни в коей мере не могло противоречить основным нормативным актам правительства, хотя формально и считалось, что они действовали лишь в землях дома сёгуна [13, ст.50-51, 94, 99]¹⁹. Законодательство *Токугава* — завершение эволюции традиционного японского правотворчества. Хотя китайские кодексы — в данном случае династии *Мин* (1368-1644) — привлекались и теперь, но не столь широко и буквально как ранее²⁰, восприятие ряда категорий и аспектов права «Срединного государства» имело уже в Японии определенную сложившуюся специфику. В частности, это влияние, по мнению японских ученых (см. [249, с.1, 5]), особенно заметно в законах *бакуфу* и княжеств, так называемой системы *бакухан*²¹ — типично японской по своей сути.

Но присутствие в законодательстве конфуцианских атрибутов даже очевиднее, нежели следы заимствования собственно правовых элементов. Прежде всего это проявилось в стремлении к предельно четкой регламентации всех сфер жизни, связанном с необходимостью следовать принципам ритуала-этикета *рэй* (кит. *ли*). Вообще если для ранней рецензии времен существования *рицурё кокка* (VIII-IX вв.) было характерно преобладание действительно правовых аспектов, то позднее — и особенно при *Токугава* — на первый план выдвинулось восприятие традиционных политических доктрин Китая. Хотя

¹⁸ Именно на базе уложений *Камакура-бакуфу* и *Муромати-бакуфу* была первоначально основана и система законодательства *Токугава*. Причем Установления — не первый документ, где это фиксировалось; уже при составлении «Кодекса для военных домов» («*Букэ сёхатто*») 1615 г., как отмечает Оно Киёси, руководствовались «Уложением годов *Дзёэй*» и «Уложением годов *Кэмму*» [10, с.3].

¹⁹ Кодама Кота называет это право *дзикирёхё* [263, с.85].

²⁰ Подробно о влиянии китайского законодательства на весь комплекс права эпохи *Токугава* см. [287].

²¹ Система *бакухан* («*бакуфу* — княжества») окончательно складывается при *Токугава Измицу* [263, с.85].

официальная идеология *Эдо-бакуфу* по возможности и облекалась в неоконфуцианскую форму, говорить лишь об этой теории было бы неверным ввиду не только широкого проникновения, начиная с XVII в., учений различных китайских школ конфуцианства, но и становления в самой стране новых направлений и течений. Если не ограничиваться рамками официальных концепций, то период *Эдо* с полным правом можно считать порой расцвета философской и общественно-политической мысли Японии²². Собственно, начиная с первого сёгуна династии *Токугава*, имела место лишь ориентация на неоконфуцианство, а жесткий запрет официального выдвижения противоречащих ему идей и догматов — «Указ о запрете иных учений» («*Игаку-но кири*») относится только к 1790 г. [193, с.16].

В эволюции законодательства *Токугава* выделяются, в свою очередь, три этапа: первый — подготовительный (два последних десятилетия XVI в., строго говоря, не относившиеся ко времени правления династии); второй — становление законодательства *Эдо-бакуфу* как развитой системы (XVII в., преимущественно первая его четверть); третий — по существу, трансформация права, свидетельствовавшая о движении к закату и об усилиях *бакуфу* по поддержанию устоев феодального государства *Токугава* (начало XVIII — середина XIX в.). С первым этапом связаны по большей части указы *Тоётоми Хидэёси* 1588-1598 гг.: «Об охоте за мечами» («*Катана-гари-но рэй*»), «О закреплении социальных различий» («*Мибун-но тэйрэй*») и др.²³ На втором этапе разрабатывалась система сословных регламентаций, которая может быть названа сословным законодательством Японии эпохи *Эдо*. Если на первом этапе лишь фиксировались так называемые статусы личности (яп. *мибун*; кит. *шэньфэн*), то на втором этапе основная цель состояла в поддержании социальной стабильности в стране, а средством ее достижения стало строгое определение обязанностей всех сословий. В это время была издана серия документов: «Правила для императорского двора и придворной

²² В это время в Японии оформились чжусианская школа *сюсигакуха*, ее оппонент — школа философии Ван Янмина *дёмэйгакуха* и конфуцианская школа древней науки *кокакуха*. Проникновение в Японию конфуцианских идей происходило начиная с IV в., но в более ранние периоды оно не оказывало столь существенного, а порой и всеобъемлющего влияния на развитие японской культуры и общественной мысли [130, с.75]. Помимо вышеупомянутых школ, в XVIII в. возникли и новые: школа национальной науки *кокугакуха* и школа европейских наук *рангакуха* (букв. — «школа голландоведения»). Существовали также школа княжества *Мито* (*Митогаку*), учение о душе *сингаку* и т.п.

²³ Переводы см. [5, с.167-168].

аристократии» («*Киндзю нараби-ни кузэ сёхатто*») 1615 г., ряд кодексов — в 1615 г. для военной аристократии — «*Букэ сёхатто*», в 1636 г. для военного сословия — «*Сёси хатто*», в 1665 г. для буддийского и синтоистского духовенства — «*Сёсюдзин хатто*», «*Сёся нэги каннуси хатто*»²⁴. Наконец, к ним примыкают и рассматриваемые Установления, хотя и появившиеся в 1616 г., но в действительности как бы увенчавшие собой всю эту структуру сословных кодексов. Жизнь простого народа определяли различного плана *о-фурэгаки* — специальные предписания членам пятидворок и десятидворок, возрожденных еще при *Тоётоми Хидзёси*²⁵. Круговая порука членов этих соседских объединений в исполнении своих фискальных обязанностей перед властями и наказуемость недонесения усугублялись существованием официального надзора со стороны *бакуфу* в виде института *мэцукэ*.

Жизнь городских сословий получила подлинно серьезное отображение в праве лишь в XVIII в., когда в результате развития новых общественных процессов *бакуфу* в целях сохранения собственной власти пришлось прибегнуть к серии последовательных преобразований годов *Кёхё-Кансэй-Тэмпо* — так называемым трем большим реформам эпохи Эдо (*Эдо-дзидай сандай-кайкаку*)²⁶. Но и при этом всячески проявлялось стремление полагаться на принцип сословного деления (военные — земледельцы — ремесленники — торговцы), установленный раз и навсегда в начале правления династии и выдержанный в конфуцианских нормах, который по форме своей претендовал на следование канонам «золотого века древности», а в действительности способствовал консервации однажды установленной системы социальных отношений, тем самым сдерживая поступательное развитие общества. Как раз с данным, *третьим, этапом* правотворчества при *Токугава* связано и создание исследуемого Кодекса.

²⁴ Переводы см. [5, с.171-183].

²⁵ Перевод указа *Тоётоми Хидзёси* от 23 апреля 1597 г. о создании пятидворок и десятидворок и о круговой поруке внутри них см. там же, с.168-169. Впервые система пятидворок появилась в Японии еще во времена реформ *Тайка* в VII в. Однако если тогда она создавалась на основе стихийно возникших много ранее объединений внутри сельской общины [168], то при *Токугава* насаждалась сверху [1; 169].

²⁶ См. Введение, прим. 9.

**«Стостатейные установления Токугава»
и «Кодекс из ста статей» — новая фаза в эволюции
традиционного права Японии**

Завершение эволюции законодательства *Токугава* в наиболее яркой и насыщенной форме отразилось в двух документах — «Стостатейных установлениях *Токугава*» и «Кодексе из ста статей». Установления как политическое завещание основателя династии (памятник, помимо всего прочего, и юридический) вместе с уголовным и гражданским Кодексом фактически представляли собой ядро правовой системы *Токугава*, сложившееся на базе законодательных сводов прежних *бакуфу* и норм обычного права, преломленных сквозь призму единой государственной идеологии. Но даже и именуясь официально неоконфуцианством, эта идеология на самом деле — на уровне органического синтеза — объединила в общее целое как элементы исконно японского *синто*, так и разноплановые черты воспринятых из Китая конфуцианства, буддизма и иных доктрин, уже достаточно прижившихся на японской почве. Установления и Кодекс, с различных сторон определявшие жизнь общества при *Токугава*, предельно концентрированно выразили существо и специфику формировавшихся веками национальных традиций в праве и правосознании, вобрав в себя важнейшие принципы построения правовой системы старой Японии. Более того, в них ярко отразилась динамика общественного развития периода *Эдо*. Установления зафиксировали ситуацию начала XVII в., когда благодаря политическому объединению страны и приходу к власти *Токугава* были упрочены устои феодализма, а Кодекс явился как бы центральным звеном в цепи последовательных «трех больших реформ» *сандай-хайкаку* по укреплению распадавшейся феодальной экономики, проводившихся в три этапа с начала XVIII в. до середины XIX в. (годов *Кёхё-Кансэй-Тэмпо*). Дальнейшие поправки и изменения, вносившиеся в Кодекс, также часто оказывались лишь составной частью подобной реформаторской деятельности правительства *бакуфу*.

С переориентацией на «закон сверху» при *Токугава* оформились и иные принципы практического осуществления права. Так, в XIII в. *Ходзё Ясутоки* (1183-1242) — фактический правитель страны во времена составления «*Го-сэйбай сикимоку*» — говорил о необходимости доведения законов до всех, не обращая их для простого люда «в ловушку, подобную оленьей западне» [249, с.5]. В XVII-XIX вв. суть правовой системы *Токугава*, по мнению японских юристов, реально выразилась прямо противоположным принципом: «Следует выполнять, но

не знать» [113, с.31]²⁷, заимствованным, по-видимому, у Конфуция: «Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему» [2, т.1, с.155]²⁸, который имел в виду, что простолюдину никогда не постичь суждений совершенномуудрого. Народ как основной субъект права теперь лишь кратко уведомлялся о содержании запретного, доступ же к «стосатейным» документам был дозволен только Старейшинам *го-рōдзю* и «трем министрам-буэ» (*самбуэ*). Данный момент — яркий пример несоответствия таких уровней права, как право-творчество и правоприменение, хотя проблем последнего наше исследование практически не затрагивает. Так, одна из статей Установлений в соответствии с духом правовой практики *Токугава* запрещает показывать документ кому бы то ни было, кроме «детей-внуков да старших вассалов *рōсин* [*го-рōдзю*]» (ст.101), в то время как другая статья, отдавая должное традиции, провозглашает необходимость того, чтобы «всякому человеку стало ясно, что законно, а что нет» (ст.10), — совершенно в духе следования «древнему церемониалу», в том числе и заветам упомянутого *Хōдзэ Ясутоки*.

В Японии вплоть до середины XIX в. право «не было четко отделено от других социальных норм» [113, с.33], что и определило его недостаточную развитость с точки зрения современных юридических представлений и права как такового. Однако в качестве примера рассмотрения законодательства *Токугава* с позиций западной юриспруденции все же можно назвать некоторые работы, скажем, Дж.Г.Вигмора [321-323]. Памятники феодального права Японии, обязанные прежде всего конфуцианству глубинным слиянием черт права и правосознания, правовых обязанностей и морального долга, юридических норм и этики, нередко вызывали ассоциации с кодексами древности («Законами Солона», «12 Таблицами» и пр.). Причина этого — в свойственной не только древности, но и средневековой определенной нерасчлененности теологических и правовых понятий [119, с.191-192]: Однако и поныне несомненно присутствие в правосознании японцев влияния прежних правовых традиций, действующих вкупе с триадой религиозно-философских учений «синто — буддизм — конфуцианство» [302, с.479].

²⁷ Примером отражения этого принципа в правосознании можно, по-видимому, считать существовавшее в познее средневековье право воина-буси убить простолюдина, поступившего «не так, как полагалось» (ср. со ст. 45 Установлений — «преступившего границы [своего] ранга»). Логично предположить, что «не всегда зная точно, какого поступка... от них ожидают, многие искали выход в словесной неопределенности и уклончивости... Гармония лучше, чем правда» [308, с.38-39]. Подобное стремление к «гармонии», нежелание противоречить собеседнику — общераспространенное явление и в Японии наших дней.

²⁸ «Лунь юй», гл.VIII, разд. 9 [2, т.1, с.155].

До настоящего времени в западном и отечественном востоковедении Установления и Кодекс нередко именовались одинаково — «Сто статей». В действительности же это обозначение, как мы уже говорили, приложимо к двум совершенно различным памятникам²⁹.

Автором первого из них считается основатель последней династии сёгунов — Токугава Иэясу³⁰, сам же документ представлял собой «завещание»³¹ наследникам, чем и объясняется известность его в западном востоковедении под названием «Завещания Иэясу». Подлинное наименование источника — «Стостатейные установления Токугава» («Токугава сэйкэн хяккадзё») ³². Известен он еще и как «Сто статей для военных домов» («Букэ хяккадзё»). Целью создания Установлений было определение основных направлений внутренней

²⁹ Так, Установления и Кодекс вместе упоминаются на русском языке только в работе Г. де Воллана [68, с.427]. Е.Г.Спальвин цитирует статьи, явно относящиеся к первому источнику, именуемому у него «Ста законами» [207, с.23-24]. В советской историографии ряд статей Установлений, называемых по сложившейся в западном востоковедении традиции «Завещанием Иэясу», приводится в одной из работ Я.Б.Радуль-Затуловского [194, с.270-271]. Тот же памятник упоминается и в работе Г.И.Подпаловой [182, с.32]. Несколько статей этого документа приводятся в публикациях Т.П.Григорьевой [89; 90]. Со ссылкой на Я.Б.Радуль-Затуловского «Стостатейное завещание» упоминается в работе А.Д.Гришелевой [91, с.31]. Полностью публиковались на русском языке лишь Установления. Первый раз «законы Иэяса» появились на русском языке в 1871 г. в переводе с английского, где, кроме 95 статей [4, с.233-261], даются также и общие пояснения к документу, принадлежащие перу В.Диксона [4, с.261-273]. Перевод с оригинального японского текста на русский язык был издан лишь в 1888 г. В.Я.Костылевым [3].

³⁰ Жизнь и деятельность Токугава Иэясу и в наше время продолжает привлекать внимание японских, европейских и американских ученых. Можно назвать целый ряд работ, дающих высокую позитивную оценку его деятельности: [248; 251, с.21-63; 259, с.226-229; 261; 263, с.97-100; 267; 272, с.57-80; 277, с.154-166; 305; 312, с.331-344; 315; 316, с.245-247].

³¹ Токугава Иэясу был ранен во время охоты 27 февраля 1616 г. в провинции Суруга неизвестным, задержать которого не удалось. Несмотря на то, что более десяти последних лет своей жизни Иэясу уже не являлся сёгуном, передав с 1605 г. свой пост сыну Хидэтада, вплоть до своей смерти в 75-летнем возрасте он продолжал заниматься политическими делами. После ранения, во время последнего месяца болезни, Иэясу составил завещание своим наследникам [267, с.564].

³² Хотя в принципе данный памятник действительно считается завещанием основателя династии своим потомкам и по установившейся в западной историографии традиции за документом прочно закрепилось такое название, как «Завещание Иэясу», мы считаем целесообразным вернуть источнику его подлинное, хотя и менее экзотическое, наименование — «Стостатейные установления Токугава [Иэясу]».

и внешней политики *бакуфу*, всячески поддерживать и укреплять которые вменялось в обязанность потомкам (ст.19, 42, 48, 62, 75, 95, 98, 101).

Второй источник, составленный в 1742 г. по приказанию восьмого сёгуна династии Ёсимунэ (1648-1751; правил в 1716-1745 гг.)³³, именуется «Кодексом из ста статей», или «Предписаниями из ста статей» («*О-садамэгаки хяккадзё*»). Иногда к нему применяются названия «Сто статей о наказаниях» («*О-сиоки хяккадзё*») либо «Предписания о наказаниях» («*О-сиоки о-садамэгаки*»). Документ, помимо того, что существовал отдельно, известен и как составная часть «Кодекса государственных дел» («*Кудзиката о-садамэгаки*»), где первый том включал 81 статью различного плана, а второй — 103 статьи, касающиеся процессуального, уголовного и гражданского права (частично рассматриваемые нами далее)³⁴. Исследуемый Кодекс был четко выдержан в тех же основных принципах конфуцианской доктрины, что и Установления, хотя и отображенных в значительно более сжатой форме. По-видимому, ориентация на «Сто статей», пусть и косвенно, свидетельствует о наличии связи его с Установлениями, по меньшей мере ассоциативного характера. Возможно, имело место и стремление придать Кодексу большую престижность, весомость за счет авторитета Установлений. Кодекс был документом не столько этико-политическим, сколько юридическим, составленным на основе ранее известных и сведенных в единое целое законов. Он служил руководством для разрешения тяжб, основой для определения наказания за преступления. В значительно большей степени, чем Установления, Кодекс предназначался высшим судебным чиновникам *бугё*, нежели самому сёгуну. В отличие от Установлений, в Кодексе не рассматривались вопросы о правах наследования сёгуна и князей *даймё*, градации правящего сословия и т.п.

С выходом в свет Кодекса Установления отнюдь не утратили своего значения. Оба документа оставались в силе вплоть до *Мэйдзи-исин* 1867-1868 гг. Они применялись в различных сферах, хотя, возможно, и бытовало убеждение, что речь идет об одном и том же документе. В любом случае благоговение, внушаемое Установлениями основателя династии, в какой-то степени оказывалось перенесенным и на Кодекс.

³³ Токугава Ёсимунэ (1684-1751) — восьмой сёгун династии. Биографию его см. [251, с.229-258].

³⁴ Материалы первого тома «Кодекса государственных дел» («*Кудзиката о-садамэгаки*») в предлагаемой вниманию читателя книге не рассматривались как явно выходящие за рамки темы.

Запрет на ознакомление с Установлениями всех, кроме ближайших советников (ст.101), во многом предопределил правовую политику сёгунов *Токугава* на более чем 200-летний период. Доступ к законодательству был открыт лишь для тех, кто непосредственно контролировал его осуществление. При всех оговорках, даже текстуально зафиксированных в Установлениях, основополагающим, как указывалось выше, был принцип: народ должен исполнять, но не знать [113, с.31].

Помимо принятой за основу для нашего исследования официальной редакции памятника, известной также под наименованием «версия *Асакуса*»³⁵, существовало еще несколько вариантов текста, принадлежавших *даймё*, связанным кровным родством с домом сёгуна. Широко известны подобные версии из *Одавара* и *Никкё*.

При сопоставлении версий Установлений становятся очевидными расхождения не только в количестве статей различных редакций, но и в их содержании. По меньшей мере 49 разделов официального текста отсутствуют в других версиях, в то же время приблизительно 48 статей из этих версий нет в официальном тексте. Более того, в 6 из оставшихся 52 параграфов основного варианта заметны большие или меньшие различия по сравнению с другими «копиями» (при весьма поразительной идентичности остальных). В целом в официальной редакции более чем в других обращено внимание на рассмотрение конфуцианских принципов и нахождение им параллелей в реальной жизни Японии XVII в.³⁶

Что касается разницы в количестве статей³⁷, то здесь следует принимать во внимание две немаловажные детали. Во-первых, как обычно в японских документах такого рода, нумерация разделов отсутствует. Следствием этого стала и другая особенность: при переписке³⁸ вполне можно было принять новую строку за начало очередного раздела, и наоборот. Иными словами, два параграфа могли превратиться в один, а один — в два. Кроме того, Установления с самого начала предусматривали возможность внесения в

³⁵ Данная версия текста находилась в первые годы после *Мэйдзи-исин* в правительственной библиотеке, расположенной в токийском районе *Асакуса*, где с ней впервые смогли ознакомиться исследователи, по причине чего данный вариант источника впоследствии и стали именовать «версией *Асакуса*».

³⁶ См. [16, с.130].

³⁷ Официальный текст состоит из 101 статьи, редакция *Одавара* — из 98, *Никкё* — из 97 статей, ряд версий содержит ровно 100 статей. Расхождения между вариантами в две-три статьи довольно обычны.

³⁸ Издание документа вплоть до *Мэйдзи-исин* было недопустимо ввиду его строжайшей секретности. Снятие копии переписчиком могло осуществляться лишь по приказу сёгуна.

них изменений при запрете корректировки неверных формулировок, если таковые не были исправлены на протяжении 50 лет (ст.13). Практически это означало и допустимость изменения числа статей. Таким образом, даже при отсутствии конкретных сведений о внесении поправок в текст последующими сёгунами приходится говорить о почти заведомой условности наименования «Сто статей». Каковы бы ни были разночтения в копиях, «Сто статей» продолжали тем не менее рассматриваться как такой завет основателя династии своим потомкам, выполнение которого должно обеспечить благополучие и влиятельность дома сёгунов.

Ряд статей памятника в его официальной редакции содержит положения, явно не адекватные историческим реалиям Японии начала XVII в. (времен первого сёгуна)³⁹. Должное соответствие текста действительности налицо лишь при допущении, что данная версия окончательно составлена при третьем сёгуне династии — *Иэмицу* (1604-1651; правил в 1623-1651 гг.)⁴⁰, а в основу ее легли документы, оставленные *Иэясу* как завет преемникам. Иные же известные редакции могли быть составлены не для сёгунов, а для высших государственных советников и в более раннее время (возможно, опять же в соответствии с посмертной волей *Иэясу*). Характер несоответствий не дает достаточных оснований для вполне корректного объяснения причин появления столь различных версий именно позднейшими изменениями собственно оригинального текста.

Составление «Кодекса из ста статей» по приказу восьмого сёгуна *Ёсимунэ*, несомненно, не предусматривало каких бы то ни было изменений статуса и текста Установлений. Кодекс — творение, совершенно отличное по своему замыслу и предназначению; его ядро составили положения законодательных сводов и отдельные нормативные акты прежних *бакуфу*⁴¹, выделенные в тексте источника

³⁹ К числу примеров такого рода относится употребление в ст.21 [V] Установлений термина «*сё-родзю*» для обозначения Малаго государственного совета, известного под названием *вакадосиэри* и существовавшего в государственном аппарате лишь с 1633 или 1635 г. (подробнее о значении этого органа см. гл. 3). Другой пример связан с *Нагасаки*, упоминаемым в тексте Установлений (ст.78) как единственный порт, куда разрешен заход иностранных судов, таковым он стал лишь с 1641 г., после закрытия страны.

⁴⁰ *Токугава Иэмицу* (1604-1651) — третий сёгун династии. Подобно основателю династии, также является заметной фигурой в ряду сёгунов *Токугава*. Изучение его биографии становится порой предметом специальных исследований [251, с.87-126; 266].

⁴¹ Имеются в виду два основных законодательных свода *Камакура-бакуфу* и *Муромати-бакуфу*: «Уложение годов *Дзёэй*» 1232 г. и «Уложение годов *Кэмму*» 1336 г., а равно и разного рода отдельные указы этих *бакуфу*. В тексте Кодекса указания года издания даны лишь для законов, появившихся не ранее начала XVIII в.

как «стародавняя традиция» *дзюдзэндзэн-но рэй*. Что касается влияния Установлений на Кодекс, то оно было, скорее, политико-идеологического свойства (как документа, трактующего наиболее общие основы и принципы функционирования государства). Если доступ к Установлениям был ограничен крайне узким кругом лиц (*сёгун* и старейшины-*родзю*), то и в случае с Кодексом имело место нечто схожее — трое главных министров-*бугё* (*самбугё*). В отличие от Установлений, Кодекс касался чрезвычайно конкретных вопросов, и предположение о сохранении его в полнейшей тайне весьма относительно. Возможно, что создание Кодекса как документа, тоже носившего наименование «стостатейного», в какой-то мере способствовало более надежному сохранению в тайне принципов, зафиксированных Установлениями.

Рассмотрение Кодекса возможно лишь на основе сохранившегося экземпляра, включающего дополнения, внесенные в годы *Энхё* (1744-1747) и *Хорэки* (1757-1763). По мнению современных японских ученых, этим и объясняется некоторое несоответствие «стостатейного» наименования Кодекса реальному точному числу статей, содержащихся в нем (что уже отмечалось нами в отношении Установлений). Кодекс данной редакции состоит из 103 статей, а не из 100, как можно было бы предположить, судя по его названию. Дополнения в текст собственно Кодекса перестали вносить с 1745 г., все поправки и изменения с той поры выходили лишь в виде специальных сборников. Уже в 1746 г. свет увидели приравненные по своей силе к основному документу «Поправки к “Кодексу из ста статей”» («*О-садамэгакини тэнкё рэйгаки*»), сокращенно именуемые «*рэйгаки*». Таким образом, в наиболее общем виде Кодекс оформился еще при жизни восьмого сёгуна *Ёсимунэ*. К 1754 г. доработка Кодекса практически завершилась. Очердные, и притом очень незначительные, поправки к Кодексу были сделаны при одиннадцатом сёгуне *Иэнари* (правил в 1787-1837 гг.)⁴². Действительным инициатором доработки текста законов явился *Мацудайра Саданобу*⁴³, в руках которого находилась

⁴² Токугава *Иэнари* (1773-1841) — одиннадцатый сёгун династии. Биографию см. [251, с.305-336].

⁴³ *Мацудайра Саданобу* (1758-1829) — видный политический деятель периода Эдо. Принял имя *Сиракава Ракуб*. Внук восьмого сёгуна *Ёсимунэ*, третий сын *Таясу Мунэтака*. Находясь при сёгуне *Иэнари* на посту советника *родзю* и фактически сосредоточив в своих руках всю власть в государстве, был основным инициатором и проводником реформ годов *Кансэй*, предпринятых им в духе следования реформам годов *Кёхё*. Попытка «возврата на пути *Иэясу*» потерпела неудачу уже при *Ёсимунэ* в годы *Кёхё*, принесла лишь временный успех (см. *Введение, прим. 9*). Реформаторские стремления, развитые далее *Танума Окицугу* (1719-1788) (о нем см. [286]), ко времени *Мацудайра Саданобу* в действительности еще более подорвали феодальную экономику *бакуфу*. О *Мацудайра Саданобу* см. [300].

в то время вся реальная власть в стране. Его указы⁴⁴ в значительной мере вошли в «Уголовный кодекс годов Кансэй» («Кансэй кэйтэн»)⁴⁵. Сам же «Кодекс из ста статей» сохранял юридическую силу вплоть до опубликования в 3-м году эры Мэйдзи (1870) «Основных положений нового законодательства» («Синрицу корё»).

Все вышеизложенное раскрывает хронологию создания обоих «стотатейных» документов, характер их версификации, степень доступности и сохранности вариантов текста.

Публикация и исследование памятников

История детального и пристального изучения «Ста статей» европейским и американским японоведением ограничена в основном рамками 50-летнего периода: с начала Мэйдзи до 20-х годов нашего века. Соответствующие труды принадлежали по большей части перу ученых США и Англии.

Причины столь значительного внимания западных исследователей к «Ста статьям», на наш взгляд, следующие:

1. Для середины XIX в. характерен резкий взрыв интереса к Японии, почти не известной Европе и США на протяжении более чем 200-летнего периода ее самоизоляции, явившейся причиной отсутствия связей с иными странами и практически любой детальной информации о Японии за ее пределами.
2. Сами указанные документы вплоть до Мэйдзи считались сугубо секретными, ввиду чего их изучение и публикация были невозможны и в Японии.
3. На протяжении в общей сложности двух с половиной веков эти материалы служили основой государственного управления, некоторые явления и события времен Мэйдзи-исин непосредственно вытекали из положений «Ста статей»⁴⁶.

⁴⁴ Основная цель доработки законов при Мацудайра Саданобу заключалась во внесении пунктов, не имевших аналогий в жизни во время составления Кодекса. Это было явным свидетельством дальнейшего развития общественных отношений. Происходившие изменения требовали реформ.

⁴⁵ Годы Кансэй — 1789-1801 гг.

⁴⁶ Согласно ст.49 официального текста Установлений (у Дж.Ф.Лаудера — ст. 29) принцу императорской фамилии должен был жить как настоятель храма при замке сёгуна, т.е. фактически служить заложником и наследником, гарантируя, при необходимости низложения царствующего императора, возможность немедленного возведения на трон удобного сёгуну преемника. В 1868 г. так и произошло: приближенные сёгуна скрылись с принцем Кита Сиракава на севере, где провозгласили его императором, объявив законного императора Муцухито низложенным. Попытка хотя ни к чему и не привела, но все-таки продемонстрировала и стремление твердо следовать однажды установленным правилам, и глубокую веру в них. Сам император поневоде, бывший настоятель Кита Сиракава, впоследствии оставив монашество и перейдя на службу в армию, стал генералом и погиб при захвате Тайваня [21, с.800].

4. Хотя *правовая система Мэйдзи* явно ориентировалась на западные (в основном — французские) образцы, создавалась она все-таки для Японии и *во многом строилась на национальных* (а порой, как мы уже говорили, и воспринятых китайских) *традициях*; складыванию четкого представления об этих традициях способствовало и обращение к источникам, в том числе к «Статьям».

Официальная публикация документов династии сёгунов *Токугава* началась в Японии с конца 70-х годов прошлого века, рассматриваемые же источники появились в печатном виде лишь к 90-м годам. Установления в 1894 г. вошли в серию «Законы Токугава» [13], неоднократно переиздававшуюся вплоть до наших дней. Именно эта публикация послужила основой для многих европейских и американских исследователей, так же как и Кодекс, представленный в сборнике «Старые кодексы Японии» 1892 г. [12]. Текст Кодекса издан с учетом всех поправок и изменений первоначальных редакций статей.

Однако интерес к указанным памятникам со стороны европейских и американских ученых в полную меру проявился уже примерно с середины 70-х годов, когда исследования основывались на материалах, оказавшихся в японских архивах. Первые переводы Установлений⁴⁷ выполнили в 1868 г. Дж.Ф.Лаудер (на английский язык) [20; 21] и в 1873 г. П.Кемперманн (на немецкий) [18]. К числу первых относится и англоязычный перевод В.Диксона, который уже в 1871 г. увидел свет в России и стал основой для первой публикации текста Установлений на русском языке [4]⁴⁸. В 1875 г. В.Э.Грисби выпустил комментарий к переводу Дж.Ф.Лаудера, уделив много внимания сопоставлению японского законодательства с европейским по вопросам семьи, прав наследования и т.п. [14; 15]⁴⁹. В 1885 г. С.-А.Прэт познакомил с этим памятником французскую публику, хотя перевода самого текста он не дал [301].

Как мы уже говорили, в 1888 г. в России увидела свет книга В.Я.Костылева «Очерк истории Японии» [172] — первый из принадлежащих перу отечественных востоковедов подлинно научных

⁴⁷ Практически все опубликованные переводы трактуют этот документ как «Завещание Иэясу» (см. гл. 1, прим. 32).

⁴⁸ О переводах Установлений на русский язык см. также гл. 1, прим. 29.

⁴⁹ В.Э.Грисби предпринял также широкое сопоставление Установлений с греческим и римским правом. Об интересе к его исследованиям говорит хотя бы тот факт, что работа Дж.Ф.Лаудера с 1868 по 1926 г. переиздавалась четырежды, а статья В.Э.Грисби с небольшими изменениями выдержала три публикации за более короткий срок (1875-1884).

трудов по истории Японии в давнем и недавнем прошлом. Сам автор в Предисловии незаслуженно скромно отозвался о своем творении: «Настоящий очерк очень поверхностен и не удовлетворяет многим требованиям. Виной этого самый характер источников, которыми мне пришлось пользоваться, но я не теряю надежды, что со временем мне удастся изложить некоторые разделы истории Японии более подробно и основательно» [172, с.3]. Тем не менее это единственный полный перевод Установлений на русский язык [3].

В том же году вышел на немецком языке перевод Кодекса, выполненный О.Рудорфом [22; 23], а двумя годами позже в Штутгарте была опубликована критическая статья на него [324].

Практически последний этап в изучении «Ста статей» западными авторами ознаменовался работами Дж.К.Холла (1913) [17] и Дж.Х.Габбинса (1920) [16], написанными на английском языке. Дж.К.Холл был тогда председателем Азиатского общества Японии, вплоть до наших дней широко издающего материалы по истории, языку, этнографии и культуре Японии. Выпустив в свет перевод законодательства периода *бакуфу*⁵⁰, он закончил свой цикл публикаций переводом Кодекса по тексту, включившему все дополнения и изменения. Работы этого ученого пользуются вполне заслуженным авторитетом и по настоящее время. Перу Дж.Х.Габбинса принадлежит не просто перевод Установлений, содержащий несколько вариантов текста, но и весьма тщательный комментарий: дан анализ, по существу, всех серьезных расхождений в версиях текста, а результаты проведенного сопоставления представлены в таблицах.

Известен также и еще один частичный перевод Установлений на английский язык, изданный в 1937 г. А.Л.Сэдлером (всего 53 статьи без нумерации) [19].

Помимо указанных работ, самым непосредственным образом касающихся публикации и изучения «Ста статей», издавалось немало трудов, где оба документа в большей или меньшей мере привлекались для исследования. Среди них книги Г.Бурке «Обычаи, государственное и частное право Японии» [276], Дж.Дотремера «Вендетта, или узаконенная месть, в Японии» [280; 281], Дж.Х.Габбинса «Феодалная система Японии при Токугава» и «Законы периода Токугава» [284; 285], Х.Вайперта «Семейное право и право наследования в Японии» [320]. Весомый вклад в изучение японского права внесли труды О.Рудорфа («Законодательство Токугава» [23]) и Дж.Х.Вигмора

⁵⁰ Именно благодаря работам Дж.К.Холла англоязычный читатель получил возможность ознакомления с «Уложением годов Дзэйи» и «Уложением годов Кэмму».

(«Правовая система старой Японии», «Материалы к изучению частного права в старой Японии» [321-323]).

В современных исследованиях «Сто статей» рассматриваются как два памятника, относящиеся к числу важнейших источников по истории *Токугава*. Что касается Установлений, то следует отметить, что донныне японские историки нередко используют не официальное наименование этого документа, а ряд названий описательного плана, типа «Завещания [Иэясу]»⁵¹. Мы отдаем предпочтение точному официальному наименованию, как более верно отражающему значение документа, — «Стостатейные установления *Токугава* [Иэясу]».

⁵¹ Так, Накамура Кōя применяет в отношении этого документа такие словосочетания, как «го-икун» («Завет»), «хитёна-кёкун» («драгоценное наставление») [258, т.1, с.79]. Китадзима Масамото (имея в виду, наверное, устно звучавшие заветы) пользовался терминами «юйгон» («завещание»), а также относящимся, скорее, к уже оформленному в письменном виде документу — «сохō» («закон, [идуший от] предков»), тем самым как бы подчеркивая его значение [253, с.24]. Про «юйгон» говорится и у Токутоми Иитирō [267, с.562-565].

Глава 2

Установления и Кодекс о социальной структуре японского общества XVII - середины XVIII в.

Общие замечания

Рассматривая сословно-классовую структуру японского общества периода *Токугава* на основе двух исследуемых источников, нельзя не учитывать, что их использование предполагает известную ограниченность как заключенного в Установлениях и Кодексе материала, так и результатов анализа. Во-первых, оба документа, как сугубо официальные, безусловно, тенденциозны по своему характеру. Во-вторых, сама датировка их (1616 и 1742 гг.) свидетельствует о скольконибудь адекватном отражении в памятниках объективной исторической реальности максимум до середины XVIII в. В-третьих, внутренняя структура каждого конкретного сословия, их роль и значение получили в этих источниках далеко не «пропорциональное» отображение. Наиболее подробно освещается структура групп и даже подгрупп высших слоев общества. Что же касается низших сословий, то исследуемые документы, будучи основополагающими социально-правовыми установлениями, касались лишь наиболее важных, кардинальных моментов, связанных с определением места таких групп населения в общей иерархии.

Социальная стратификация докапиталистических обществ нередко вызывает определенные трудности при вычленении и характеристике составляющих ее классов. Во многом это связано с существованием института сословий — одной из форм классовых различий, характерных для рабовладельческого и феодального обществ. До настоящего времени возникают разногласия и по вопросам о критериях для определенных классов, и по проблемам соотношения их с сословной структурой [112]. Так, если сословия являются институтом докапиталистическим, обычно фиксируемым в праве, то классы, характерные для антагонистического общества, в чистом, ничем не закамуфлированном, виде существуют лишь при капитализме, где предполагается юридическое равенство всех и каждого, а реальное классовое место конкретного индивида или группы определяется их экономическим и финансовым положением.

Сословия же различаются не только по фактическому положению в обществе, но прежде всего по занимаемому юридическому месту в государстве, по закрепленному в праве имущественному неравенству членов сословий в связи с исполнением ими четко определенных

социальных функций (отправление культа, несение военной службы, обусловленные профессией функции и т.п.). Принадлежность к сословию как в Европе, так и на Востоке считалась наследственной. В отличие от каст, где наследование полагается принципом абсолютным, в сословиях, как правило, принцип наследования допускает некоторые отклонения, подвижность — приобретение звания за деньги, дарование его властями и т.п. [26, т.24, ч.1, с.199-200; 33, т.13, с.347-351]. Наиболее ярко социальная мобильность проявляется в периоды неустойчивости центральной власти, зарождения новых общественных отношений в рамках предшествующей формации. В докапиталистических обществах деление на классы обычно «затеняется» сословной структурой, которая более или менее адекватно отражает реальную классовую ситуацию лишь в периоды установления данной системы. Чаще всего сословий больше, нежели классов. Причиной этого являются два фактора: разнообразие форм и методов внеэкономического принуждения (для низших сословий) и разделение функций в среде господствующего класса (для высших).

На характер и специфику складывания сословий оказывали существенное влияние как объективные, так и субъективные моменты. Именно объективными условиями существования феодальной формации объясняется сходство сословной структуры этого периода в самых различных государствах. Обычно классическим примером служит здесь французское общество XIV-XV вв., состоявшее из трех сословий: духовенства, дворянства и третьего (податного, непривилегированного), объединявшего все остальное население и несшего на себе всю тяжесть гнета первых двух¹. В России петровских времен существовали «служилое землевладельческое, городское торгово-промышленное и сельское земледельческое» [127, с.290] сословия², хотя введение в 1722 г. «Табели о рангах» заметно способствовало усилению социальной мобильности за счет продвижения по службе и государевых пожалований (явления нередкого при упорядочении политической обстановки в государстве).

И в Японии накануне прихода к власти династии *Токугава* существовали достаточно широкие возможности для перемены социального статуса. *Токугава Иэясу* лишь завершил дело объединения

¹ Старинная французская формула гласила: «Дворяне служат королю шпагой, духовенство — молитвой, третье сословие — своим имуществом». Хотя на самом деле у городов были свои налоговые льготы и основное бремя налогов несло крестьянство [197, с.11].

² Позднее наметился процесс укрепления сословных прав дворянства при увеличении правовой неполноценности остальных сословий. Со времен «Манифеста о вольности дворянства» 1762 г. и «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. в России утвердилось сословное деление на дворян, духовенство, купечество и мещанство, которое сохранялось вплоть до Февральской буржуазной революции 1917 г. [26, т.24, ч.1, с.200].

страны³, начатое *Ода Нобунага* и *Тоётоми Хидэёси*, установив *Эдобакуфу*. Его предшественники в свое время пользовались не меньшей властью, хотя формально *Ода Нобунага* по своему происхождению не мог претендовать на титул сёгуна, а *Тоётоми Хидэёси*, как выходец из крестьян, — тем более. Но стабилизация в области социальной политики уже при *Тоётоми Хидэёси* нашла свое выражение в жесткой фиксации сословных рамок в результате проведения им *тайкё-кэнти* («обмера земель, [осуществленного] *тайкё*⁴») как документально-правового оформления слоя крестьянства. В 1588 г. вышел «Указ об охоте за мечами» («*Катана-гари-но рэй*»), суть которого состояла в изъятии оружия у всех лиц, не принадлежавших к воинскому сословию. Крестьянство — постоянный и основной источник пополнения рядов военных не только в предшествующую периоду *Токугава* смутную пору *сэнгоку дзидай* («эпоха сражающихся провинций», 1482-1558 гг.), но и ранее — обязано было сдать властям все имевшееся у него вооружение⁵. «Указ о закреплении социальных различий» («*Мибун-но тэйрэй*», 1591 г.)⁶ предусматривал суровые наказания за всякую попытку смены рода занятий, обусловленных социальным происхождением⁷.

³ Всестороннее упорядочение положения в стране и завершение «смутного времени» *сэнгоку дзидай* объединением государства (хотя это объединение и нельзя было назвать абсолютным и полным, поскольку оно оставило большие права автономии для местных феодальных князей *даймё*) в некоторых работах американских авторов именуется даже «японской революцией XVI века» (напр., см. [319, с.7-21]).

⁴ *Тайкё* — последний титул *Тоётоми Хидэёси* («удалившийся от дел *кампаку*»). *Кампаку* — его предшествующий титул (старший советник императора — высшее придворное звание, существовавшее с 882 по 1868 г.).

⁵ Предполагалось использование отобранного оружия для возведения статуи Великого Будды (храм *Хоккэди* в Киото). Тем самым правительство символически провозглашало суть своей политики — войны преходящи, а мир вечен.

⁶ О становлении системы сословных статусов в Японии писал также Тоёда Такэси [265, с.65-110]. Нагахара Кэйдзи приводит и иное наименование этого документа — «Указ о контроле над статусом» («*Мибун тэйсэйрэй*») [257, с.188], определяя его содержание и значимость как фиксацию, жесткое определение статуса — *мибун котэй* [257, с.196].

⁷ Четкое определение сословного статуса было характерно не только для Японии или других стран Востока. Например, во Франции времен абсолютной монархии «любое смешение сфер было запрещено и до, и после. Дворянин, занявшийся торговлей, лишался своего налогового иммунитета, т.е. в высшей степени важной привилегии, присущей ... военному сословию. Иными словами, превращаясь в купца, он переставал быть дворянином в полном смысле слова. Купец, сделавшийся дворянином — сеньором такого-то фьефа, уже оказывался на пути к превращению — в лице своего сына — в преемника дворянского имени; сам он еще платил особый налог за фьеф, не неся за него военной службы, но сын, как правило, получал дворянское воспитание, становился военным, воевал и не платил налога» [156, с.230]. Но если во Франции середины XVII в. смена сословного статуса неизбежно сопровождала перемену занятия, то в Японии начала периода *Токугава* официальная возможность как того, так и другого практически отсутствовала.

Формально это было разделение (разграничение) на солдат и земледельцев — *хэйно бунри* [257, с.189]. Фактически же значение как *тайко-кэнти* и *катана-гари*, так и *мибун-но тэйрэй* состояло в закладывании прочной основы для последующего регулирования и регламентации жизни крестьянства (см., например, [271, с.309]). Не лишне еще раз отметить, что подлинным правителем страны тогда был человек, сам вышедший из этого сословия.

Происхождение и история института сословий Японии до Токугава

Среди объективных условий формирования сословных институтов Японии выделим специфику исторического развития японского общества в древности и в средневековье, влияние традиционной китайской сословной стратификации, а также некоторые существенные особенности восприятия заимствованных элементов и концепций. Все это сказалось на формировании многих существенных явлений во всех сферах жизни страны, в частности правовой.

Внешне ощущимое стремление следовать китайским моделям сословного деления проявлялось в Японии, начиная со времен создания раннефеодальной монархии и активной рецепции китайского права в VIII в. (издание кодексов «*Тайхō Ёрō рицурё*»)⁸. Население страны делилось тогда на две основные категории: «добрый люд» (кит. *лянминь*; яп. *рёмин*) и «подлый люд» (кит. *цзяньминь*; яп. *сэммин*). М.В.Воробьев отмечает, что эти группы, одинаково называясь в различных странах, «в разное время имели неодинаковое общественное значение»: применительно к Японии — это лично свободные и лично несвободные [72, с.74-75]. Кодекс «*Тайхō Ёрō рё*» более четко характеризует низшие слои, ставя целью предотвратить их смешение с высшими. Но, предполагая известную проницаемость сословных границ, в ряде случаев допускалась социальная мобильность восходящего направления. Не вдаваясь в детали характеристики групп, составлявших упомянутые категории, отметим, что они постоянно находились в поле зрения текущего правосотворчества, оказывавшего на их статус самое непосредственное влияние. Нерушимыми являлись лишь границы групп, образованных по кровнородственному признаку: например, императорский клан, освященный религией *синтō*, что, возможно, и стало подлинной причиной его обособления [72, с.74, 81, 86-87]. Формировалось

⁸ Речь идет об уже упоминавшихся кодексах эры *Тайхō* и эры *Ёрō*, сходных по своему содержанию.

как отдельный слой и ближайшее окружение двора — придворная аристократия *кугэ*. На смену родовой организации общества пришла организация сословная (прежде всего в виде закрепленной градации на «добрых» и «подлых»). С этого размежевания практически и начался спад высокой социальной мобильности, существовавшей в период складывания феодальной государственности.

В VIII-X вв. происходило постепенное размывание установленной реформами *Тайка*⁹ государственной наделной системы и появление частной собственности на землю, завершившееся оформлением такого вида крупного землевладения, как поместье-вотчина *сээн*¹⁰. Процесс социально-сословной дифференциации продолжал развиваться (и не только в восходящем направлении). Часть разорившихся земледельцев из «добротного люда» опускалась в категорию народа «подлого», в то же время шло образование деревенской верхушки — руководства общины. Из числа этих возвысившихся, а также из среды осевших в провинции аристократов складывалось новое сословие — служилое дворянство Японии *буси*, известное в европейской литературе как *самураи*. Конкуренция их с *кугэ* закончилась передачей функций отправления реальной государственной власти в руки воинского сословия при номинальном сохранении почетного положения *кугэ*. Провозглашение первого *бакуфу*¹¹ сёгунами *Минамото* стало результатом их победы над другим крупнейшим военным домом — *Тайра*. Характерно, что борьба шла не между *кугэ* и *буси*, а только в кругу последних [219, с.93]. При этом прежняя высшая прослойка общества (придворная аристократия) продолжала считаться наиболее привилегированной, хотя бы и формально, вплоть до краха системы *бакуфу* в середине XIX в. До определенной степени уместно говорить о ней как о военной знати, высшем дворянстве более ранней эпохи, а о

⁹ Именно с реформами годов *Тайка* середины VII в. связывается оформление ранней государственности в Японии.

¹⁰ До настоящего времени в отечественной историографии не сложилось единого мнения по вопросу о том, какой термин более приемлем для обозначения *сээн* как социально-экономической формы: «поместье» (А.А.Гальперин, Д.И.Гольдберг, Е.М.Жуков, А.А.Искендеров, Н.И.Конрад, И.Г.Поздняков) или «вотчина» (С.С.Пасков, Г.И.Подпалова, И.М.Сырицын). Выражаемые этими наименованиями явления русской истории не вполне адекватны такой форме, как *сээн*. Это обуславливает в ряде последних работ иную формулировку — «поместье-вотчина» (Г.И.Подпалова, А.А.Толстогузов) (подробнее об этом см. [218, с.21]).

¹¹ Этот период обычно именуют не по фамилии основателей, рано утративших власть, а в соответствии с названием столицы — *Камакура-бакуфу*.

буси — как о «новом дворянстве». Но реальное положение их всегда оставалось совершенно различным, поэтому нецелесообразно вести речь об обеих группах просто как о дворянстве. Они соотносятся так же, как трон императора со ставкой сёгуна, что более подробно освещается в главе 3.

Всплеск социальной мобильности, завершившийся сосредоточением власти в руках воинского сословия, пришелся на время перехода от раннего к развитому феодализму. Как верно замечает А.А.Толстогузов, «характерной чертой этого периода¹² являлось отсутствие четкого разграничения между феодалами и крестьянами, поскольку феодалы владели землей и тесным образом были связаны с сельской общиной. Поэтому достаточно широко происходило проникновение богатых крестьян в ряды феодального сословия, для этого не требовалось ничего, кроме обладания большим количеством земли и реальной военной силой» [219, с.93]. Нередко японские авторы отождествляют зарождение феодализма с появлением системы *бакуфу*, проводя четкую параллель между воинским сословием и феодалами, понимая под феодалами лишь «воинов»¹³. Но нельзя забывать о существовании иных групп населения (скажем, *хузэ*), которые также относились к феодалам¹⁴. Словом, с подобной чрезмерно поздней датировкой нижней границы феодализма согласиться невозможно.

После падения *Камакура-бакуфу* власть оказалась в руках новой династии сёгунов из дома *Асикага*. Их правление отличалось слабостью *бакуфу* и сильными центробежными тенденциями, носителями которых являлись крупные феодалы. С периода «сражающихся провинций» *сэнгоку дзидай* начался новый, третий, подъем социальной мобильности. Нередко его определяют как время *гэкокудзэ* — «низы свергают верхи». В данном случае уже само такое определение свидетельствует о том, что возвышение представителей низших социальных слоев имело широкое распространение. К XVI в. практически завершился переход к новой форме феодального землевладения — от среднего поместного типа *сээн* к крупному княжескому *хан* (владения *даймэ*). В постоянной борьбе теперь участвовали уже три слоя населения: крупные феодалы *даймэ*, мелкие феодалы и крестьянство [219, с.94].

¹² Речь идет о временах *Камакура-бакуфу*.

¹³ Возможные причины подобного подхода могут быть обусловлены некоторыми особенностями «воинского» сословия Японии, о которых здесь говорится в несколько ином контексте.

¹⁴ В случае с Японией (а с Китаем тем более) следует иметь в виду и феодалов, принадлежавших к чиновно-бюрократическому аппарату и непосредственно с землевладением не связанных.

Кроме того, для XIV-XV вв. характерен и такой вид социальной мобильности, как перемещение части сельского населения в города. Началось формирование городского сословия. Вообще периоду *Токугава* предшествовала пора «наибольшей социальной активности и мобильности» [там же, с.95]. «Именно такая угроза социальной активности со стороны низших слоев ... заставила феодалов пойти на объединение страны и установление жестких сословных рамок ... крестьянство к тому времени было вооружено, кроме активного участия в крестьянских восстаниях оно стало составлять основную силу феодальных армий, боровшихся за власть» [там же]. Установление жесткой социальной структуры¹⁵ перед провозглашением *Токугава-бакуфу* было вызвано необходимостью ослабить сильную самоуправляющуюся деревню и лишить крестьян оружия, а низшие слои военного сословия — земельной базы [там же]. Таким образом, можно говорить о существовании целого ряда сословий в японском обществе к началу эпохи *Токугава*.

Сословная структура при Токугава

Сословная структура периода *Токугава*, обычно передаваемая четырехчленной формулой *си*¹⁶-*нō-кō-сэ* (военные — земледельцы — ремесленники — торговцы)¹⁷, отмечена и в Установлениях¹⁸. Существование ее в таком виде указывает на явное воздействие китайских традиционных воззрений и связь подобного деления с принципами конфуцианства. Принятие неоконфуцианства в качестве официальной государственной идеологии при *Токугава* сыграло здесь не последнюю роль.

Традиционное сословное деление китайского общества выделяло *два основных принципа социальной градации*. Первый из них выражался противопоставлением *чэнь-минь* (чиновники — народ), где предельно четко обрисована первая категория и крайне расплывчато

¹⁵ Имеются в виду изданные еще до провозглашения *Токугава-бакуфу* указы *Тоётоми Хидэёси* 1588-1598 гг.

¹⁶ Обычно имеется в виду воинское сословие, которое порой именуется *буси* (и в таком случае речь идет исключительно о военных).

¹⁷ Китадзима Масамото, приводя данные по численности сословий периода *Эдо* (без точного указания временного отрезка, о котором идет речь), сообщает, что первое сословие *буси* составляло лишь 7% всего населения страны, а три остальных — около 90% (крестьянство — 84%, ремесленники и торговцы — 6%). Приблизительно 3% составляли слои, не входившие в эти четыре сословия [253, с.11, 85]. Сама формулировка «четыре сословия» в Установлениях выражена сочетанием *симин* (букв. — «четыре народа») — статьи 12, 85, 91.

¹⁸ Статьи 12, 46, 85, 91 Установлений.

— вторая. Аналогом можно считать встречающееся также и в Установлениях соотношение *байгуань-байсин* (яп. *хяккан*¹⁹-*хякусэ*²⁰). Китайские понятия — *чэнь-минь* — широко применялись и в Японии. Приходится констатировать, что чиновничеству в этой стране, как и в Китае, отводилась заметная роль в традиционной социальной структуре и в организации политического управления. В то же время, несмотря на внешнее сходство чиновничьего аппарата, внутренние существенные принципы его организации на протяжении всей феодальной эпохи от реформ *Тайка* до *Мэйдзи-исин* обрели в Японии свою специфику²¹.

К тому же сам термин «*чэнь*» претерпел и семантическую эволюцию: от обозначения раба (чаще из пленных), слуги до определения государева министра. В нашем случае он употребляется в значениях «подданный», «вассал», «министр», «чиновник» (везде предполагается непосредственное подчинение монарху). Отсюда следует немаловажная возможность трактовки формулы *чэнь-минь* как «[государевы] вассалы — народ» в зависимости от контекста. Налицо довольно реальная картина антагонистичных групп населения: «верхи» — вассалы государя и бюрократия *хяккан* (не обязательно связанная с монархом вассальными отношениями) и «низь» — простой народ *хякусэ*. То есть до определенной степени допустимо отождествление положения вассалов и чиновников. Такой подход необходимо иметь в виду при рассмотрении социальных и политических институтов феодального Китая и Японии. Если «вассалы-чиновники» для монарха — подданные *чэнь*, то налицо еще и народ *минь* (подданные, но низшего достоинства — простонародье). Император (а с ним и его ближайшее окружение *куэ*) стоит вне сословного деления, он — выше прочих (*чэнь-минь*) и в определении статуса такого рода не нуждается. Это особенно важно для понимания роли японского сословия *куэ*.

Нечеткость категории *минь* (яп. *мин*) как всего прочего нечиновного населения — объекта управления, воспитания и налогообложения — выявляется во втором принципе социальной градации. Еще в древности в Китае получила распространение четырехчленная формула *чэнь-нун-шан-гун* (чиновники²² — земледельцы — торговцы — ремесленники).

¹⁹ *Хяккан* — «сто чинов», весь штат чинов (см. ст. 49 Установлений).

²⁰ *Хякусэ* — «сто имен (фамилий)», весь народ, простонародье (см. ст. 14 Установлений и статьи 3, 94, 98 Кодекса).

²¹ О характере функционирования в Японии заимствованной, казалось бы, из Китая чиновно-бюрократической системы в период после эры *Тайка* см. [219, с.92].

²² Автор по возможности придерживается общепринятого перевода *чэнь* как «чиновники», имея в виду и иные вышеприведенные значения.

Порой она дополнялась еще двумя группами — солдатами *ши*²³ и монахами *сэн*. Обе формулы вполне естественно сосуществовали, как видно из поучений Чжу Юаньчжана (1328-1398 гг.) — первого императора династии Мин, обращенных к *чэнь-минь-ши-нун-гун-шан-сэн* (чиновники — народ — ученые²⁴ — земледельцы — ремесленники — купцы — монахи) [230, с.72, 74].

Существовала в Китае и менее распространенная формула *ши-нун-гун-шан* (ученые²⁵ — земледельцы — ремесленники — торговцы), иероглифически совершенно аналогичная японской *си-нō-кō-сэ*. Вполне очевидно практически полное соответствие ее рассмотренной ранее *чэнь-нун-шан-гун* (чиновники — земледельцы — торговцы — ремесленники). Исключение лишь в некоторых деталях — возможна трактовка чиновников как ученых; торговое сословие занимает положение не выше, а ниже ремесленников.

Ученые в Китае были тем слоем, из которого на практике по-полнялось сословие чиновников. Понятия «ученый» и «чиновник» не имели между собой различия, обретаемого ими при переводе на русский язык. Ученых в ряде случаев вполне уместно называть и служилым сословием (учено-служилым людом), поскольку такое определение подразумевает куда более широкий смысл. В рамки его свободно укладываются гражданская служилая бюрократия Китая и военное служилое (порой тоже бюрократическое) сословие Японии²⁶.

Стоящие по японской формуле в обратной последовательности ремесленники и торговцы — это горожане, еще во времена *Тоётоми Хидэёси* рассматривавшиеся как единое сословие *тёнин*. Для Китая приоритет торговцев по отношению к ремесленникам в какой-то мере обусловлен поздними влияниями и спецификой той или иной эпохи, когда акценты могли подвергаться определенным перестановкам. Но в целом, начиная с династий *Тан* (618-907) и *Сун* (960-1279), занятие торговлей воспринималось в Китае положительно. Чиновничество не только могло торговать, но нередко становилось прямым

²³ *Ши* (яп. *си*) — ученое сословие, интеллигенция; воины, солдаты; служилые (учено-служилый люд). Особенности применения термина подробно разбираются в данном и следующем разделах главы.

²⁴ В этом случае термин *ши* переводится как «ученые» (см. предыдущее примечание).

²⁵ В этой формуле *ши* трактуется прежде всего как «ученые» (в китайском варианте) и *си* как «военные» (в японском).

²⁶ Кажущееся различие между гражданским чиновничеством Китая и военной бюрократией Японии наиболее очевидно, хотя чиновники-военные существовали и в Китае. На самом деле положение и роль этих слоев были довольно сходны.

конкурентом купечеству. Все, имевшие ранг, вообще учено-служилое сословие *шидафу* (яп. *ситаифу*)²⁷, освобождались правительством от торговых налогов [211, с.72]. При *Тан* доходы от содержания торговых домов получали даже члены императорской фамилии.

В Японии, напротив, считалось крайне недостойным стремление к прибыли и вообще к занятию «второстепенным», т.е. торговлей. Исходя из китайских же установлений глубокой древности, «земледелие – ствол (основное), торговля и ремесло – ветви (второстепенное)», нужно «пренебрегать торговлей, обращать главное внимание на земледелие» [145, с.58], «обрезать ветви с тем, чтобы хорошо рос ствол» [112, с.269]²⁸. Китайская установка получила в Японии куда более жесткое звучание. Торговое сословие при феодализме формально оставалось на самой низкой ступени социальной иерархии, даже несмотря на реальные процессы развития производительных сил.

Недопустимость занятия «второстепенным» для высшего воинского сословия провозглашалась различными нормативными актами, начиная с «Дворянского кодекса» («*Сёси хатто*») 1636 г.²⁹ По-видимому, существенно способствовала тому и ориентация правительства *Токугава* на неоконфуцианство, одной из основных посылок которого было признание сословно-иерархической схемы не только как естественного явления общественной жизни, но и как закона, допускать изменение которого, исходя из политических целей, невозможно и не должно [193, с.19]. Это было общим принципом, торговля в рамках его – лишь частный аспект. Здесь официальная позиция сёгунов *Токугава* достаточно ортодоксальна и следует в русле идей самого Конфуция: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду» [2, т.1, с.149]. По словам известного американского синоведа В.Эберхарда, и в Китае семьи торговцев «не являлись конфуцианским типом семейной организации... *шан* самим фактом своей деятельности не могут быть хорошими конфуцианцами» (цит. по: [230, с.89]).

²⁷ *Шидифу* (яп. *ситаифу*) – букв. «великие и славные мужи», учено-служилое сословие. Термин упоминается в статьях 4, 70, 89 Установлений.

²⁸ В.П.Илющечкин делает вывод, что отношение к торговле как к «недостойному» занятию было причиной, тормозившей развитие капиталистических отношений в Китае [112, с.289], в противовес Н.И.Фоминой, считавшей, что данная политика всегда отличалась гибкостью [230, с.73-74].

²⁹ Имеется в виду ст. 20 указанного документа: «Ни крупные, ни мелкие Наши вассалы не имеют права продавать и покупать что-либо с целью извлечения прибыли, а могут покупать только те товары, которые нужны для личного потребления» [5, с.181].

Сельское хозяйство действительно являлось главной сферой, «стволом» экономики любого конфуцианского государства (впрочем, оно всегда было ведущей отраслью любой феодальной страны, и подобный приоритет земледельцев как основного слоя производителей вполне адекватен характеру хозяйственной жизни). Поэтому вполне оправдано и существование служилого и земледельческого сословий как ядра социальной структуры Японии в начале периода *Токугава* по экономическим и политико-идеологическим причинам. Установления в ст.12, цитируя китайскую классику, выделяют первые два сословия из числа остальных: «Древний мудрец говорил: “Состоящий на содержании у люда – правит им, правящий людом – кормится от него, это всеобщий долг-справедливость *ш*, на котором покоится Поднебесная”. Среди четырех сословий *симин* служилые [мужи] *си* управляют земледельцами *нō* – земледельцы содержат служилых, [и] эти два [сословия] стоят выше ремесленников *кō* и торговцев *сē*». Главными причинами всех беспорядков минувших времен признается незнание этих истин и отсутствие взаимопонимания двух сторон – правящего сословия служилых *си* и крестьянства *нō* как основной массы податного населения.

Прежде чем перейти к более детальной характеристике социальных групп и слоев, отметим, что при правовой фиксации социальных слоев в Установлениях все же ощущается основной принцип конфуцианского деления – на благородных и низких, служилых (чиновных) и простолюдинов³⁰. Как уже отмечалось, специфика документов предопределила и заметно большее внимание первому из сословий – служилому.

Воинское сословие «си» : внутренняя структура и общественная значимость

Для обозначения воинского сословия Японии обычно использовался иероглиф *си* (кит. *ши*)³¹, встречающийся в целом ряде статей Установлений³². Но в западной и отечественной историографии не получило распространения словосочетание *буси* (букв. «воитель-муж») ³³, зато широко известен термин *самурай*³⁴ (этимологически –

³⁰ Статьи 10, 40, 45, 70, 81 Установлений.

³¹ См. *прим. 23* к данной главе.

³² Статьи 12, 40, 45, 52, 54, 58, 63, 67, 78, 94, 96, 98 Установлений.

³³ Используется в ст. 36 Установлений.

³⁴ Используется в ст. 40 Установлений и в ст. 9 Кодекса.

«слуга знатного лица»; тот, кто служит)³⁵. Между тем в действительности смысловое содержание последнего, связанное с его происхождением, значительно уже рамок сословия *си* (букв. «[благородный] муж»). Внешняя синонимичность *самураи*³⁶ номенклатурному *си*³⁷ играет и отрицательную роль, ведет к искажениям и непониманию подлинной общественной роли воинского сословия. Обращение к исконному термину «*си*» дает более ясное представление о действительном социальном положении «воинов», и особенно в период *Токугава*. Расширенное толкование *си* как группы высших сословий (в трактовке «муж», близкой конфуцианскому термину «благородный муж» *цзюньцзы*) позволяет использовать его применительно не только к воинам, но и к иным представителям правящего класса феодалов.

История возникновения и эволюции, внутренняя структура сословия *си* на протяжении длительного времени привлекают внимание отечественных (см., например: [161; 182, с.18-21; 193, с.11-12; 194, с.254-255; 209, с.7-26; 219, с.96; 243, с.9-37]) и зарубежных востоковедов (см., например: [253, с.69-82; 262; 318]). Состав этого сословия в пору создания *Токугава-бакуфу* детально освещается Установлениями, по сути являясь одним из центральных вопросов документа (Кодекс такой характеристики практически не содержит). Правда, сведенной воедино иерархии вассалов сёгуна — а именно они составляли основу собственно *буси* — не приводят и Установления. Соответствующие материалы рассеяны по различным статьям текста. Более того, зафиксированы далеко не все группы этого сословия (для документа было важно лишь то, что касалось общегосударственной политики). Иными словами, значительно чаще и шире освещаются аспекты, связанные с более влиятельными, по тем или иным параметрам, его слоями.

³⁵ В японском языке известны два иероглифа со значением *самураи*: «*дзи/самураи*» и «*си/самураи*». Происхождение слова «*самураи*» идет от иероглифа «*дзи/самураи*» и связано с глаголом «служить». Как правило, оно относилось к воинам не слишком высокого статуса. Иероглиф «*си/самураи*» стал наименованием японского «военного» сословия *си*, хотя основное его значение — «[благородный] муж», и лишь затем, судя по всему, — «воин». Об иных вариантах перевода см. *прим. 23* к данной главе. Об этимологии и семантике слова *самураи* см. также [209, с.7].

³⁶ Имеется в виду иероглиф «*дзи/самураи*».

³⁷ Имеется в виду иероглиф «*си/самураи*».

Можно выделить три основных критерия³⁸ зафиксированной в Установлениях внутренней градации сословия *си*:

- 1) по доходу (разряду владения);
- 2) по заслугам (перед основателем династии *Токугава*), по «приверженности сёгуну», лояльности;
- 3) по степени вассальной зависимости.

Первый критерий предопределил существование князей-*даймё* (букв. — «большое имя», крупный феодал)³⁹, чаще именуемых в Установлениях термином китайского происхождения — *сёкё* (кит. *чжухоу* — букв. «князь»)⁴⁰, и *сёмё* (букв. — «малое имя», мелкий феодал, дворянин)⁴¹. Второй критерий предусматривал отличие понятия *фудай* (букв. — «чреда поколений», наследственные вассалы)⁴² от термина *тодзама* (букв. — «внешние господа», «прочие», «посторонние»)⁴³. Нередко такое деление трактовалось как градация на «внутренних» и «внешних», «ближних» и «дальних», «своих» и «сторонних» князей. К *фудай* относились те, кто стал на сторону *Иэясу* до битвы при *Сэкигахара* (1600 г.)⁴⁴, имевшей решающее значение для утверждения его в качестве сёгуна. Подчинившиеся позднее были отнесены к категории *тодзама*⁴⁵. Наконец, третий

³⁸ Существовали и некоторые особые группы, к которым названные критерии неприменимы. Так, например, известна категория вассалов сёгуна *кёкэ* (букв. — «высокие дома»; обычно переводится как «мастера церемоний», «знатоки церемониала»), имевшая право на специальные привилегии (напр., см.: [288, с.66, 68]). Не совсем верно будет выделять их особо, поскольку подобные привилегии, связанные с несением тех или иных должностных обязанностей, существовали и для других групп. В ст. 21 Установлений, посвященной непосредственно должностной иерархии, *кёкэ* фигурируют в ряду прочих на 11-м месте.

³⁹ Встречается в ст. 4 Установлений.

⁴⁰ Статьи 80, 89 Установлений.

⁴¹ Встречается в ст. 4 Установлений.

⁴² Статьи 5, [28], 35, 48, 62-64, 66, 78, 93, 94, 96, 98 Установлений.

⁴³ Статьи 4, [28], 62, 64, 66, 77, 93, 98 Установлений.

⁴⁴ *Сэкигахара* — название местности в современной префектуре *Гифу*.

⁴⁵ Устоявшаяся концепция разделения вассалов на *тодзама* и *фудай* в соответствии с их заслугами, по лояльности к сёгуну связывается с распределением сил накануне битвы при *Сэкигахара*. Ст. 4 Установлений содержит явное противоречие общепринятой версии, поскольку говорит не о битве при *Сэкигахара*, а о падении замка *Осака* в 1615 г. Если итоги сражения при *Сэкигахара* знаменовали реальную победу *Токугава Иэясу* и полный переход политической власти в стране в его руки, то в результате взятия замка *Осака* был уничтожен единственный возможный претендент на власть — дом *Тоётоми* (наследники второго из объединителей страны). Это стало окончательной победой рода *Токугава*. (До смерти *Тоётоми Хидэёси* (1536-1598) считалось, что ему будет наследовать его сын *Хидэёри* (1593-1615). Клятву на верность *Тоётоми Хидэёри* пришлось

критерий предполагал наличие *дзикисан* (букв. — «прямой вассал», непосредственный вассал) и *байсин* (букв. — «вторичный вассал», «вассал вассала [сёгуна]») ⁴⁶.

Два первых критерия действовали одновременно, независимо друг от друга. Поэтому среди *фудай* были как *даймё*, так и *сёмё*. В противоположность *даймё* термин *сёмё* употреблялся реже и обычно подразумевал упомянутых в Установлениях *хатамото* ⁴⁷ и не встреченных в данном тексте *гокэнин* (категории «заслуженности» для воинов «некняжеского» достоинства). Подтверждением тому, что под *сёмё* понимались именно эти две группы, может служить принцип деления «воинов» на *даймё* (доход более 10 тыс. *коку* риса в год) и *хатамото-гокэнин* (менее 10 тыс.). *Хатамото* и *гокэнин* предписывалось постоянно находиться при исполнении своих обязанностей в *Эдо*. Но *хатамото* (букв. — «прифлаговые», «подзнаменные», «основание флага») отличались от *гокэнин* (букв. — «люди дома [фамилии]», вассалы дома сёгуна) ⁴⁸ правом личной аудиенции у сёгуна (*о-мэмизэ*).

Третий критерий — деление на *дзикисан* и *байсин* — был отличительной чертой системы вассальных отношений при *Токугава*. Дело в том, что все вышеперечисленные группы — *даймё* (как *фудай*, так и *тодзама*), *хатамото* и *гокэнин* — являлись прямыми непосредственными вассалами сёгуна. Согласно Установлениям, статус и

дать и *Токугава* *Иэясу*. Но официально став сёгуном в 1603 г., *Токугава* *Иэясу* продолжил свои попытки ущемить, а впоследствии и уничтожить дом *Тоётоми*, хотя *Хидзэри*, владевший замком *Осака*, не имел даже подобия власти своего отца. Завершением этих стремлений *Токугава* *Иэясу* — основателя новой династии сёгунов, уже отрекшегося к тому времени от власти в пользу своего сына, — стала осада и последующее падение замка *Осака*. Потерпев поражение, *Тоётоми* *Хидзэри* вместе со своей матерью *Ёдогими* (1569-1615) покончили жизнь самоубийством. Можно предположить, что для нейтрализации *Хидзэри* вполне достаточно было бы его брака в 1603 г. с дочерью второго сёгуна династии — *Токугава* *Хидэтада* (еще в 1605 г. формально сменившего первого сёгуна). Но *Иэясу* выбрал иной путь, следуя поступкам самого *Тоётоми* *Хидзэси*, который в свое время пошел против *Ода* *Нобутака* (1558-1583) — сына первого объединителя страны *Ода* *Нобунага* (1534-1582), принудив его к самоубийству. Этот более «надежный» путь избирает и *Токугава* *Иэясу* — осаду замка и гибель возможного претендента на власть.)

⁴⁶ Статьи 44, 45 Установлений. В значении «прямой вассал» наиболее употребителен термин «*дзикисан*», достаточно известен также и термин «*касин*» («вассал дома»). Однако в тексте Установлений фигурирует *дзиссин* — иероглифически куда более очевидно составляющий пару *байсин*.

⁴⁷ Ст. 98 Установлений.

⁴⁸ *Гокэнин* — то же, что *кэнин* (*го* — японский префикс вежливости). *Кэнин* — вассал, слуга. Термин китайского происхождения: члены семьи, домашние, прислуга, дворян; простой люд, народ.

положение их личных вассалов по отношению к любому прямому вассалу сёгуна были такими же, как простолюдина — перед воином вообще⁴⁹. Именно подчинение почти всей массы воинского сословия самому сёгуну и составляло основу феодальной структуры начала периода Токугава. Теперь личными вассалами сёгуна являлись не только крупные феодалы, но и мелкие, что заметно способствовало централизации управления страной. Формально к числу «прямых вассалов» относились лишь *хатамото* и *гокэнин*. Однако в обязанность *даймё* вменялось и принесение клятвы на верность сёгуну, что, как отмечают Установления, столь же безусловно определяло вассальные отношения⁵⁰.

Добавляет еще один штрих к характеристике *бакуфу* как института власти само существование наиболее высокопоставленной группы *даймё* — из дома Токугава. Чаще всего ее именуют *симпан* (букв. — «родственные княжества», «члены семьи»)⁵¹. Аналогичное название носили владения членов императорской фамилии в Китае времен династии Мин. Известны и такие термины, как (*го-*)*санкэ* или (*го-*)*санкё* (букв. — «Три Дома»), а также *камон* (букв. — «врата дома»). Последнее наименование использовано и в тексте Установлений⁵². Если термин *симпан* наиболее подходит для обозначения владений, то остальные, скорее, приложимы к самим феодальным домам или их представителям. Три ветви составляли собственно род Токугава — *хонкэ* (*Таясу*, *Хитоцубаси*, *Киёмидзу*) и три — *камон* или *санкэ* (*Овари*, *Ки*, *Мито*). Основной целью создания подобной иерархии родни было обеспечение преемственности власти. По Установлениям пост сёгуна переходил к избираемому представителю младшей линии при отсутствии наследника в главном доме⁵³ или если предполагаемый законный наследник не соответствовал своему статусу. Последнее могло произойти лишь в случае нарушения им «заветов предков»⁵⁴ — залога процветания и благополучия династии, основой которых полагался рассматриваемый документ⁵⁵. Вообще Установления подчеркнуто акцентируют внимание на необходимости всего более пользоваться услугами лиц

⁴⁹ Ст. 45 Установлений.

⁵⁰ Ст. 80 Установлений.

⁵¹ *Симпан* — сочетание двух иероглифов (*син* и *хан*). Второй иероглиф сочетания (*хан*) в Японии, как правило, употребляется в отношении владений князей-*даймё* (ср.: *бакухан-тайсэй* — система «бакуфу-княжества»). Его исходное китайское значение — «дальние владения», «вассальные земли», «вассалы».

⁵² Статьи 27, 44 Установлений.

⁵³ Ст. 3 Установлений.

⁵⁴ Ст. 27 Установлений.

⁵⁵ Статьи 73-75 Установлений.

заслуженных, предполагая преимущественно *фудай*, и предостерегают от благоволения к кому-либо под воздействием жен, наложниц, а возможно, их родни⁵⁶.

Всего к *фудай*⁵⁷, по Установлениям, были отнесены «8023 всадника»⁵⁸, включая и *сёмё*. Общее число *даймё* изменялось, но в целом из 270 *даймё* к *фудай* принадлежали около 150 домов [307, с.466]⁵⁹. Из *фудай-даймё* Установления особо выделяют лишь 18 домов (перечисляя их пофамильно), бывших верными вассалами рода *Токугава* еще до его взлета к высотам власти. Наиболее надежными считались верно служившие роду сёгунов еще тогда, когда он владел лишь своими наследственными землями в *Микава*⁶⁰. На ответственные посты предусматривалось назначение представителей только этих 18 домов⁶¹. Все *фудай* имели безусловные преимущества перед *тодзама*. Даже при совершении потомками *фудай* любых проступков (если это только не измена *бакуфу*)⁶² их владения не подлежали конфискации⁶³.

Упомянутые в тексте Установлений «старшие вассаль» *рōсин*⁶⁴ — это, по всей вероятности, «старшие чиновники», наиболее высокопоставленные лица аппарата управления — «Старейшины» *го-рōдзю*⁶⁵. Под последним наименованием они фигурируют также и в Кодексе⁶⁶.

⁵⁶ Ст. 22 Установлений.

⁵⁷ Описанию положения слоя *фудай* посвящено специальное исследование Г.Болито [275]. Помимо *фудай*, ближайшим окружением первого сёгуна династии порой вообще были не принадлежавшие к сословию воинов-мужей люди: это и видные ученые-монахи (среди них такие известные фигуры, как *Тэнкай* и *Сюдэн*, участвовавшие в составлении многих важных государственных документов), богатые купцы и пр. (напр., см.: [253, с.37]).

⁵⁸ Ст. 5 Установлений.

⁵⁹ Согласно переводу Установлений, сделанному Дж.Ф.Лаудером, число *тодзама-даймё* — 86 домов [20, ст. 7].

⁶⁰ Ст. 5 Установлений.

⁶¹ Ст. 5 Установлений. По мнению Дж.Ф.Лаудера, члены Большого совета старейшин *го-рōдзю* должны были избираться из числа перечисленных в данной статье Установлений 18 домов. По-видимому, это имело определяющее значение для всех ответственных государственных постов [20, ст. 9].

⁶² Ряд преступлений «государственного» значения, например взятки, «нарушение долга доставления спокойствия народу» и пр., приравнивался к измене (статьи 11, 20 Установлений).

⁶³ Ст. 42 Установлений.

⁶⁴ Статьи 3, 10, 27, 39, 43, 59, [61], 94, 101 Установлений.

⁶⁵ Ст. 21 Установлений.

⁶⁶ Статьи 8, 9 Кодекса.

Создание слоя «прямых вассалов сёгуна» *дзикисан* (согласно Установлениям, *Дзиссин*⁶⁷) предполагало образование особой и значительной группы военного сословия, которая стала бы надежной опорой правительства в силу прямой вассальной зависимости и личной преданности сёгуну. На *даймё*, являвшихся, по сути, также непосредственными вассалами сёгуна, помимо необходимости содержать определенное количество войск⁶⁸, возглавляемых ими же, лежала и обязанность исполнения ряда должностей в центральном аппарате управления. Основным же предназначением собственно *дзикисан* (*хатамото* и *гокэнин*) было несение военной службы⁶⁹. По данным на 1722 г., в Японии насчитывалось более 5 тыс. *хатамото* и свыше 17 тыс. *гокэнин* [288, с.68]. Они должны были охранять определенные части замка сёгуна или иные особо важные объекты, находившиеся преимущественно в столице *бакуфу* — Эдо. При изменении числа и состава отрядов основным принципом их формирования оставалась общая структура, данная в Установлениях⁷⁰. Не вдаваясь в рассмотрение таких аспектов, как численность или внутренняя организация отрядов, Установления фиксировали, скорее, их иерархию — место командиров в общей системе должностей, в ряду прочих невоенных служб и управлений *бакуфу*.

Можно выделить несколько видов таких отрядов, фигурирующих в источнике. Практически все они носят наименования *бан* (стража, охранение) и *куми* (отряд)⁷¹. Основой войска были конные воины⁷² из *гокэнин* и *хатамото*, а пешие придавались уже сообразно статусу подразделения. В большинстве случаев *бан* состояли из нескольких *куми*, но существовали *куми*, статус которых определялся особо, вне зависимости от иных частей и подразделений (различные караульные службы Эдо)⁷³.

⁶⁷ Статьи 44, 45 Установлений.

⁶⁸ Ст. 30 Установлений.

⁶⁹ Контроль за *даймё* возлагался на Большой совет старейшин *го-рёдзё*, а за *хатамото* и *гокэнин* — на Малый совет старейшин *вакадосиёри*.

⁷⁰ Ст. 21 Установлений.

⁷¹ По общей должностной иерархии, включавшей 56 постов, командиры этих отрядов занимали 18 позиций (в данной редакции текста Установлений нередко названы просто отряды, а не их руководители; см. ст. 21 [XVII-XXIII, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXIV-XXXVII, XXXIX, LV, LVI] Установлений).

⁷² Ст. 5 Установлений свидетельствует о том, что все *фудай* были конными воинами. Наиболее почетным оружием воина продолжал оставаться меч. Хотя огнестрельное оружие уже зарекомендовало себя в Японии как наиболее эффективное, тем не менее с точки зрения статуса оно стояло на самом последнем месте после меча, лука и копья [314, с.47-48].

⁷³ Ст. 21 [XVI-XVIII, XXXVII, LVI] Установлений.

Тремя основными формированиями были:

- 1) *обан* (букв. — «Большая Стража», «Великая Гвардия»);
- 2) *сэин-бан* (букв. — «охранение внутренних покоев», личная охрана, Почетный Караул, телохранители);
- 3) *косэ-гуми* (букв. — «Пажеский корпус», «отряд пажей», Внутренняя Гвардия)⁷⁴.

Позднее появилась «Новая Гвардия» *симбан*, которой во времена Установлений еще не было. Среди неверховых подразделений наиболее престижным считалось *кодзюнин-гуми* (букв. — «малый отряд из десяти человек») — сопровождение сёгуна при выходах⁷⁵. Оно упоминается в тексте Установлений как *конин-гуми*⁷⁶. При том, что основная часть войск самого сёгуна была сосредоточена в *Эдо*, охрана важнейших пунктов страны вверялась также непосредственным его вассалам. Четырём отрядам «Великой Гвардии»⁷⁷ были вверены наиболее важные объекты в *Эдо* и в принадлежавших сёгуну замках: *Тиёда* (в столице сёгуна *Эдо*), *Нидзё* (в императорской столице Киото) и *Осака*⁷⁸.

Содержание определенного количества войск в строгом соответствии с доходом предписывалось и каждому *даймё*⁷⁹. Эти силы состояли уже из их вассалов, которые и были для сёгуна «вторичными», непрямыми⁸⁰. Формально считалось, что сёгун, как верховный сюзерен всех *даймё*, может собрать армию в 400 тыс. человек, включавшую и 80 тыс. всадников. К.Тотмэн приводит сведения о том, насколько это не соответствовало действительности. Так, в 1633 г. непрямым вассалов (т.е. конных воинов, выставляемых *даймё*) было 60 тыс., в 1649 г. — уже лишь 40 тыс., а к 1862 г. — всего 10 тыс. человек [314, с.43, 49-50]. При поочередном несении службы вассалами сёгуна нередко предполагалось их отсутствие в период между исполнением ими своих

⁷⁴ Статьи 6, 21 [XVI, XVII, XXIII] Установлений. В Установлениях эти формирования фигурируют практически под теми же названиями: *обан-гуми* (статья 6; 21 [XXIII]), *сэин-гуми* вместо *сэин-бан* (ст. 21 [XVII]), *ин-гуми* вместо *сэин-бан* (ст. 6), *косэ-гуми* (ст. 21 [XVI]).

⁷⁵ К.Тотмэн определяет их как «эскортную гвардию» [314, с.46].

⁷⁶ Ст. 21 [LXI] Установлений.

⁷⁷ Каждый из четырех отрядов *куми* «Великой Гвардии» включал 50 «прямых вассалов» меченосцев *бансё*, а также 10 конных воинов *ёрики* и 20 пехотинцев *досин*. Номинально две последние группы были отнесены к категории свободного замещения. Однако фактически они также были наследственными [314, с.46].

⁷⁸ Ст. 63 Установлений.

⁷⁹ Ст. 30 Установлений. По данным, приводившимся Е.М.Жуковым, на каждые 100 тыс. *коку* своего дохода *даймё* обязаны были содержать от 2,5 до 3 тыс. воинов [243, с.26]. Естественно, что в разные времена эти нормы должны были изменяться.

⁸⁰ Статьи 44, 45 Установлений.

обязанностей (*цукибансэй* — «система стражей месяца», помесячное несение службы)⁸¹. Таким образом, общее официальное сокращение военного потенциала *бакуфу* происходило еще и на фоне «сменности» регулярного состава, ввиду чего лишь некоторая часть войска находилась в полной боевой готовности. Вооруженные силы с течением времени все меньше соответствовали статусу системы «военного правления» *бакуфу*, даже не говоря о таких аспектах, как численность, боевая выучка, качество вооружения и пр. Это было явным свидетельством движения к краху военного сословия, оказавшегося не у дел в условиях длительного мира и стабильности, несмотря на стремление правительства занять *си* гражданскими делами.

Сказанное не исчерпывает характеристики воинского сословия Японии XVII — середины XVIII в. Подобная схема вассальных отношений имеет, как представляется, немало сходного с системой вассалитета в средневековой Европе. Возможно, это и послужило основанием для ряда японских ученых рассматривать лишь время господства сословия военных, т.е. *бакуфу* (XII–XIX вв.), как период феодализма. Действительно, этому режиму были присущи наиболее четко построенные вассальные отношения. Но одни они сами по себе никак не являются исчерпывающим условием существования феодального строя. Основные функциональные обязанности сословия, именуемого воинским, очень емко были сформулированы при *Токугава* еще в «Кодексе для военных домов» («*Букэ сэхатто*») 1615 г.: «По левую руку⁸² — дела гражданского управления, по правую — воинские [искусства], [таков] закон древних» [10, с.5, 8; 250, с.445]. Не обойдена эта идея и Установлениями: «Гражданские и воинские [искусства] исходят из человеколюбия... их суть едина — [это] закон управления страной и успокоения Поднебесной»⁸³. Иными словами, воинское сословие *си* несло в то же время и функции, которые в Китае возлагались на учено-служилое сословие (чиновничество).

Но при внешнем сходстве японское чиновничество более ранних эпох заметно отличалось от китайского. Еще во времена реформ *Тайка* предпринималась попытка создания государства, где опорой управления должен был стать бюрократический аппарат. Произошло заимствование и системы экзаменов на замещение государственных должностей. Правда, она не приобрела того значения, какое имела

⁸¹ Статьи 1, 2, [7] Установлений.

⁸² По традиционным представлениям, пришедшим в Японию из Китая, левая сторона считалась более почетной.

⁸³ Ст. 23 Установлений.

в Китае. Согласно указу 683 г. при подборе чиновников требовалось первоочередное внимание обращать на титулы кандидатов и лишь затем — на их способности [219, с.92]. Хотя в течение двух столетий после реформ *Тайка* и сохранялась тенденция к бюрократизации государственного управления, но с самого начала налицо были и возможности для осуществления частной власти в ущерб государственной.

Должностные владения довольно быстро становились частными. По мнению А.А.Толстогогузова, сословие чиновников как должностных лиц гражданской администрации в Японии не вполне оформилось [219, с.92]. Так, если в Китае преобладала тенденция феодализации чиновничества (бюрократии), то Японии, скорее, была присуща бюрократизация феодалов. Имеется в виду, что в Китае получение земель часто было связано с исполнением какой-либо должности. В Японии, напротив, наличие владения давало право претендовать на место в аппарате управления. Вследствие того, что уже во времена после *Тайка* основное значение придавалось генеалогии и титулу, а не способностям, чиновничество в меньшей степени, чем китайское, могло вбирать в свои ряды представителей низших сословий.

По-видимому, на китайское чиновно-служилое сословие больше всего походит японское воинское⁸⁴ эпохи *бакуфу*, в особенности времен *Токугава*.

Как известно, китайская система экзаменов на замещение чиновных должностей формально, по букве закона, предполагала возможность выдвижения в административную сферу людей надлежащих способностей из любых слоев общества и возвышение их тем самым до уровня наиболее привилегированного сословия. Государственные экзамены действительно были важным, хотя и не единственным инструментом социальной мобильности, функционировавшим в Китае длительное время — с древности до 1905 г. [112, с.277]. В частности, при династии *Сун* от одной трети до половины всего состава чиновничества получали должности по итогам экзаменов, причем большая часть таких лиц происходила из других сословий [199, с.142].

Но на экзамены кандидатов всегда направляла администрация соответствующего территориального подразделения. И она отвечала за надлежащий социальный отбор и образ мыслей рекомендуемых — свидетельство едва ли не всеобъемлющего контроля над данным каналом социальной мобильности со стороны государства. В Китае VII-IX вв. через экзамены проходило не более 1/5 чиновников, в

⁸⁴ В Китае также существовали военные чиновники, а не только гражданские.

X-XIII вв. — около 1/3, в XIV-XVI вв. — от 1/3 до 1/4 чиновников [112, с.278]. Чаще всего это были выходцы из того же чиновного сословия и лишь порой — простолюдины. Если и считалось когда-то, что доступ к экзаменам возможен для всех, кроме «подлых», то уже во времена *Тан* законом официально не допускались к сдаче экзаменов торговцы и ремесленники. Таким образом их лишили возможности превращения в образованных *ши* и перехода в служилое сословие чиновников *гуань*. Рассчитывать на занятие чиновных должностей могли, как правило, только выходцы из *ши* и *нун* (образованных и земледельцев). Согласно «Своду законов для шести министерств династии Великая *Тан*», «семьями ремесленников и торговцев называются семьи, которые специально занимаются своим делом с целью получить барыш... Члены семей ремесленников и торговцев не имеют права становиться “образованными” *ши*» (цит. по: [140, с.112]).

Воинское сословие Японии по установлении *Токугава-бакуфу* не принимало в свои ряды представителей иных сословий. Право на занятие тех или иных должностей имели только лица, принадлежавшие к определенным группам *си*. Но, как уже упоминалось, «смутное время» *сэнгоку дзидай*, завершившееся объединением страны, было отмечено наиболее высокой социальной мобильностью в истории средневековой Японии. Тогда доступ в сословие воинов был достаточно широко открыт для выходцев из крестьян, и это не единичный случай. «В средневековой Японии постоянно существовала социальная мобильность между классом феодалов и классом крестьян (исключая начало эпохи *Хэйан* и период *Токугава*)» [219, с.97]. Социальная мобильность в Японии и вообще была высока, но особо заметно стало ее усиление, когда возникла необходимость перестройки «общества для приведения в соответствие уровней развития производительных сил и производственных отношений» [219, с.97]. Период *Токугава* с его жестко зафиксированной в праве сословной структурой, обеспечивавшей длительное время социальную стабильность, наступил как раз вслед за такой эпохой.

Чиновно-должностная иерархия начала периода *Токугава* подробно представлена в Установлениях⁸⁵. Далеко не все посты государственного значения при дворе сёгуна были «военного» свойства. Существовали и должности для ученых-конфуцианцев⁸⁶,

⁸⁵ Ст. 21 Установлений.

⁸⁶ Там же, [XLII].

астрологов⁸⁷, врачей⁸⁸. Преамбула ст. 21 Установлений обобщенно называет всех *си* (кит. *ши*), что обычно понимается как «воин» (*самурай*). Но нужно знать и иные значения этого иероглифа, а также специфику его применения в Китае. По-видимому, более точен перевод «ученый муж», «образованный». Достаточно приемлемым кажется значение «служилый» (в широком смысле слова — как воин, так и чиновник). Наличие данного термина и в других статьях документа позволяет судить о действительно более широком, чем принято считать, подлинном его значении.

Другой термин, также весьма распространенный в тексте и требующий особого внимания, — это *син* (кит. *чэнь*). Наиболее важными кажутся такие его значения, как «вассал» и «чиновник». Большинство статей допускает возможность любой трактовки, но нам пришлось, исходя из контекста, использовать различные варианты перевода⁸⁹. Представляется, что для Японии времен *Токугава* подобное двойное значение термина «вассал-чиновник»⁹⁰ даже более оправданно, нежели для Китая.

В Китае все-таки большее значение придавалось способностям конкретного индивида, будь то занятие должности по прохождении экзаменов, приглашение властями на службу «выдающихся лиц» либо рекомендация в чиновники «талантливых людей», хотя в то же время существовала практика наследования и даже продажи должностей (как правило, низших)⁹¹. В Японии же начала периода *Токугава* наиболее

⁸⁷ В древности и средние века астрология считалась весьма важной наукой. Основной ее задачей было гадание, предсказание судьбы, благоприятного момента и пр. В тексте Установлений (ст. 21 [XLIV]) упоминается старший астролог *тэнсю-гасира*. О том, какое важное значение придавалось в Японии *тэнсю* (букв. — «покровительство Неба»), подробно пишет Хаясия Таусабуро [271, с.309-311].

⁸⁸ Ст. 21 [XLIII] Установлений.

⁸⁹ Например, статьи 3, 6, 10, 27, 39-45, 59, 62, 64, 70, 80, 87, 94, 96, 98 Установлений.

⁹⁰ Проблема соотношения системы вассалитета с бюрократическим аппаратом не утратила актуальности и привлекает внимание японских историков по сей день (напр., см.: [257, с.206-208]).

⁹¹ Так, со II в. до н.э. в Китае вошла в практику официальная продажа низших чиновничьих рангов, почетных званий и степеней (без права занятия чиновничьих должностей). Это предоставляло широкие возможности для проникновения в низшие ряды чиновничества. Начал оформляться слой «неслужилых *шэньши*» (кит. *шэньши*; яп. *синси* — букв. «[носящий] пояс чиновника муж», почтенный чиновник; *шэнь* — букв. «пояс чиновника»). Доступ в состав собственно бюрократии был облегчен также и благодаря введенной в начале нашей эры системе рекомендаций на чиновные должности (кит. *туйцзюй*; яп. *суйкё*) «достойных людей», осуществлявшейся местными властями наряду с системой конкурсных экзаменов на ученые должности, появившейся еще на исходе древности (напр., см.: [112, с.268, 270]).

важны были именно вассальные отношения, которые в большинстве случаев и определяли возможность занятия той или иной должности. Несколько усилив акценты, можно сказать, что в Японии значение этого термина ближе к сочетанию «вассал-чиновник», тогда как для Китая более верным было бы «подданный-чиновник». Именно вассалы как чиновники (вассалы, занимающие чиновничьи посты) и определяли особенности формы политического управления при *Токугава*. Установления подтверждают идею о том, что и в Японии обращалось внимание на способности и таланты отдельного лица, как и полагалось по конфуцианским представлениям⁹². Но обычно это играло роль четко в рамках той конкретной группы, которая по своему происхождению могла рассчитывать на ту или иную должность⁹³.

Вообще принадлежность к роду, фамилии всегда была в Японии основополагающей. Доказательство тому — не раз упомянутая в Установлениях единая и непрерывная императорская династия, идущая от *Дзимму*⁹⁴, и возведение генеалогии двух последующих *бакуфу* к первому (*Минамото*), который, в свою очередь, вел линию от императорского дома⁹⁵. Даже выдвижение на пост фактического главы государства такой личности, как *Тоётони Хидэёси*, не позволило ему рассчитывать на титул сёгуна — прерогативу лишь тех, кто вел свой род от *Минамото*. Их же царственным предком, в свою очередь, считали, отмеченного и в Установлениях, императора *Сэйва*, правившего Японией во второй половине IX в.⁹⁶

Таким образом, возникает необходимость подробнее остановиться на том, что же реально подразумевалось под сословием *си* в Японии начала периода *Токугава*.

Если, помимо воинов *буси*, принять в расчет прочие группы высших слоев общества, то встает вопрос о статусе придворной аристократии *куэ* и духовенства. В 1615-1665 гг. был издан ряд кодексов, регламентировавших жизнь практически всех основных групп правящего класса: императорского двора и *куэ*, *букэ (даймё)*, *сёси* (воинов более низкого ранга⁹⁷ — фактически *сёмё*), духовенства буддийского

⁹² Статьи 6, 10, 14, 22, 27, 57, 64, 65, 87, 90, 101 Установлений. В этих разделах речь велась о низших должностях (ст. 14); общей значимости заслуг, способностей отдельного индивида (статьи 6, 10, 22, 64, 87, 90) и др.

⁹³ Например, статьи 5, 27, 62, [93] Установлений.

⁹⁴ Например, статьи 68, 78 Установлений.

⁹⁵ Статьи 48, 74 Установлений.

⁹⁶ Статьи 48, 74 Установлений.

⁹⁷ Статьи 12, 40, 45, 52, 67, 78, 98 Установлений.

и синтоистского⁹⁸. В кодексах были определены социальные и политические функции каждой из трех групп:

- 1) придворной аристократии при императорской особе — олицетворении божественности страны и ее народа;
- 2) воинов-чиновников как слоя, обладавшего реальной властью, идеологической опорой которого стало неоконфуцианство;
- 3) духовенства, ответственного за отправление двух основных религиозных культов — буддизма и *синто*.

Безусловно, общеизвестно узкое значение термина «*си*» — «воин», что во многом предопределило и отношение к *бакуфу* как к системе сугубо «военного правления». Однако допустима и иная трактовка состава высшего сословия и его статуса, поскольку более широкое значение иероглифа *си* предполагает не только воина, но и служилого вообще (равно и чиновника), а в ряде случаев определяет и понятия «образованный», «муж» (в значении «благородный», в отличие от «низкого простолюдина»).

Таким образом, при переводе термина «*си*» как «служилые мужи» возникают основания воспринимать его в качестве понятия, относящегося ко всем группам ученых и служилых мужей, любых представителей правящих сословий и слоев — феодалов как класса в целом.

Привилегированные сословия в системе отношений собственности

Если вопросы жизни и деятельности собственно военных были зафиксированы как в сословных кодексах 1615-1665 гг. для высших слоев общества, так и в Установлениях, то к *кузэ* и духовенству были обращены только вышеупомянутые кодексы. Известность Установлений и как «*Букэ хяккадзэ*» («Сто статей для военных домов») — свидетельство их четкой социальной направленности и предназначения: регламентация норм жизни исключительно той группы правящего класса, на которую возлагалась отправление реальной политической власти в стране.

Именно по этой причине в Установлениях получили освещение аспекты, связанные с системой отношений собственности преимущественно среди военно-чиновного сословия. Основным видом собственности, определявшим достоинство и обеспеченность конкретного лица в начале XVII в., была земельная собственность. Формы ее в среде *кузэ* сходны с теми, что существовали в рамках военного сословия. Что касается духовенства, то, подобно европейскому, оно

⁹⁸ Переводы кодексов на русский язык см.: [5, с.171-183; 172, с.313-314, 330-332].

являлось групповым феодальным собственником земли, принадлежавшей монастырям и храмам. Вся территория страны к началу эпохи *Токугава* оказалась в основном поделенной между крупными феодалами *даймё*. *Бакуфу* контролировало и регулировало все вопросы, связанные с земельной собственностью, равно как и с условиями владения ею.

Крупнейшими собственниками земли были сам *сёгун* и родственные дома. Принадлежность к *фудай-даймё* либо *тодзама-даймё* не влияла на размеры владений, но статус феодала имел важное значение для получения земель в той или иной части страны. Так, владения *фудай-даймё* располагались в наиболее важных стратегических пунктах, что отразилось и в некоторых разделах Установлений⁹⁹. Если земли самого дома *Токугава*, как и выдававшиеся за службу имени значительного числа *фудай-даймё*, находились вблизи столицы сёгуна *Эдо*¹⁰⁰, то владения *тодзама-даймё* — в отдалении и перемежались землями *фудай*. Чтобы обеспечить спокойствие государства и предотвратить выступления крупнейших *даймё*, предполагалось по прошествии нескольких лет осуществлять смену их владений без различия на *тодзама* или *фудай*¹⁰¹. Мотивировалось это желанием избежать злоупотребления властью и «изнурения народа», но вряд ли на самом деле данная причина являлась единственной или основной, хотя и соответствовала всем конфуцианским понятиям. Отмеченная в Установлениях необходимость поддержания стабильности в стране и предотвращения всяческих беспорядков в среде как высших, так и низших классов¹⁰² («доставление спокойствия народу»¹⁰³, «умиротворение Поднебесной»¹⁰⁴) всегда оставалась истинным стержнем политики *Токугава*, как и в любом конфуцианском государстве.

Этой же цели служила и система так называемой посменной службы для *тодзама-даймё* (*санкин-кōтай*), суть которой состояла в чередовании годичного пребывания при дворе сёгуна и в своих владениях, дабы представлять, каково «благоденствие народа»¹⁰⁵. Несомненно, этот институт служил и политическим целям, позволяя контролировать действия наименее благонадежных *тодзама*-«прочих».

⁹⁹ Например, ст. 63 Установлений.

¹⁰⁰ Ст. 62 Установлений.

¹⁰¹ Ст. 66 Установлений. В ней же говорится и о необязательности смены владений — в зависимости от поступков их хозяина.

¹⁰² Ст. 92 Установлений.

¹⁰³ Ст. 19 Установлений.

¹⁰⁴ Статьи 23, 101 Установлений.

¹⁰⁵ Ст. 4 Установлений.

Был он одновременно и важным экономическим рычагом, став для *даймё* значительным бременем. Князья вынудили нести фактически двойные расходы: не только в собственных владениях, но и в столице требовалось иметь соответствующее статусу жилье (кроме того, путевые издержки также являлись значительными). Как окончательно сложившийся институт система *санкин-кōтай* оформилась несколько позднее, но начало ей было положено при *Токугава Иэясу*, что нашло свое отражение и в Установлениях¹⁰⁶.

Необходимо упомянуть еще об одной градации, основанной именно на различиях в характере прав собственности на землю. Это выделение, с одной стороны, *рёсю* (букв. — «хозяева владений», *даймё* как землевладельцев)¹⁰⁷, а с другой — *кокуси* (управляющих провинциями)¹⁰⁸ и *дайкан* (управляющих¹⁰⁹ в землях сёгуна, где *даймё* являлся сам *сёгун* либо члены его дома)¹¹⁰. *Кокуси* и *дайкан* были не собственниками управляемых ими земель, а, скорее, представителями власти сёгуна. Эти должностные лица назначались, как правило, из числа *фудай*. Доступ на такие посты *тодзама* был ограничен и разрешался лишь в специально отмеченных Установлениями исключительных случаях¹¹¹. Основой всякого управления должно было служить человеколюбие (кит. *жэнь*; яп. *нин*)¹¹², а показателями надлежащего отправления власти — порядок в землях и своевременная уплата налогов.

Все служащие у сёгуна получали пожалования *року*¹¹³. Термин этот часто фигурирует в документах, причем семантически допустимы толкования его и как «владение», и как «плата за службу», «жалованье». Размеры *року*, согласно Установлениям, были одними из основных критериев при определении старшинства того или иного лица, принадлежавшего к воинскому сословию, наряду со значимостью

¹⁰⁶ Ст. 4 Установлений.

¹⁰⁷ Статьи 4, 14, 20, 53, 66 Установлений.

¹⁰⁸ Статьи 4, 14, 20, 53, 77, 91, 93 Установлений.

¹⁰⁹ Из числа управляющих различными территориальными подразделениями в Установлениях упоминается только *дайкан* (ст. 14) и *бугё* (статьи 11, 69). Речь идет об управляющих на местах, а не о трех главных министрах *бугё* (*самбугё*). Кроме того, существовали и другие подобные должности (например, *гундай*). Подробнее об этом см. гл. 3.

¹¹⁰ Статьи 3, 7, 10, 11 Кодекса и ст. 14 Установлений.

¹¹¹ Статьи 93, 96 Установлений.

¹¹² *Жэнь* (яп. *нин*) — первая из пяти конфуцианских добродетелей-постоянств, норм поведения в обществе. Обычно переводится как «човеколюбие» (гуманность, человечность) и воспринимается как важнейшая в их ряду (човеколюбие — чувство долга — соблюдение ритуала — знание — искренность). Подробнее об этом см. гл. 3.

¹¹³ Статьи 7, 20, 44, 53, 67, 77, 82, 91, 94 Установлений.

занимаемых должностей и почтенностью возраста¹¹⁴. Права *даймё* на земли, согласно Кодексу, подтверждались специальной «киноварной» грамотой *сёгуна*¹¹⁵. Среди военных ниже рангом наличие собственного участка было сравнительно редким явлением. Обычно им назначался (соответственно статусу) паек рисом, различный у *хатамото* и *гокэнин*¹¹⁶, зависящий от занимаемой данным лицом должности. Для *байсин* — не прямых вассалов, также достаточно редко жалуемых со стороны хозяев-*даймё* земельным наделом, размер платы определялся непосредственно сюзереном¹¹⁷.

В 1653 г. вышел указ о полном переходе к выплате жалованья в виде рисового пайка (см., например, [241, с.51]). Согласно Установлениям, к 1616 г. общий годовой сбор риса в стране составлял 28 млн 190 тыс. *коку*, из которых 20 млн подлежали «распределению между преданными служащими» (речь идет о владениях *даймё*, где они сами и вносили эти средства). Остальные 8 млн 190 тыс., почти треть всей суммы, получал *сёгун*, как официально считалось, для обеспечения императорского двора и организации его «охранения»¹¹⁸ силами прямых вассалов *сёгуна хатамото* и *гокэнин*. В действительности на издержки собственно государева двора *сёгуном* выделялась лишь незначительная часть этой суммы — 40 тыс. *коку*, т.е. менее 0,5% [307, с.466]. Все эти средства поступали за счет сбора с крестьян годового налога *нэнгу* и исполнения ими ряда других повинностей *сёяку*¹¹⁹.

Низшие сословия в системе отношений собственности

Касаясь низших сословий, Установления первостепенное внимание уделяют определению их места в общественной структуре. Согласно официальной идеологической доктрине, земледельцы, ремесленники и торговцы (*нō-кō-сё*) нередко объединялись собирательным наименованием «низкороджденные» *гэсэн* в отличие от «благородных» *кисэки* (либо *ки*)¹²⁰ и ученых мужей *ситайфу* (кит. *шидафу*)¹²¹.

¹¹⁴ Ст. 7 Установлений.

¹¹⁵ Ст. 13 Кодекса.

¹¹⁶ Паек *хатамото* составляла до 10 тыс. *коку* риса в год, *гокэнин* — 100 *коку* [307, с.467].

¹¹⁷ Паек рядовых вассалов *даймё* составляла лишь 30 *коку* риса в год [209, с.21].

¹¹⁸ Ст. 17 Установлений.

¹¹⁹ Например, ст. 52 Установлений.

¹²⁰ Статьи 10, 40, 45, 70, 81 Установлений.

¹²¹ Статьи 4, 70, 89 Установлений.

О глубине пропасти между «верхами» и «низями» в начале периода *Токугава* свидетельствует фиксация в документе общегосударственного значения права воина казнить на месте любого простолюдина, преступившего границы своего статуса¹²². Нередко под этим нарушением границ ранга понималось просто «действие не то, какого следовало бы ожидать» [308, с.38] благородному от простолюдина, т.е., по сути, так мог быть расценен любой поступок. Данное правило продолжало считаться незыблемым до конца *Токугава-бакуфу*.

Тем не менее по прошествии ряда лет после указов *Тоётоми Хидэёси* об изъятии оружия у невоинов (1588 г.) и о закреплении социальных различий (1591 г.), обоснования строгой иерархии статусов в Установлениях — к тому же самому вопросу пришлось вновь возвращаться и в середине XVIII в. Кодекс особо оговаривает наказание для крестьян и горожан за ношение мечей — привилегию «мужей-воинов»¹²³. Однако здесь тональность формулировки уже свидетельствует о разрушении жестких устоев сословности: отныне запретно лишь «самочинно поясываться мечами». Иначе говоря, как только возникла необходимость укрепления опоры феодального общества — правящего сословия, закон предоставил некоторым из простолюдинов возможность как бы войти в ряды воинов, будучи пожалованными почетным правом ношения меча (наиболее известны они как «сельские *самураи*» из зажиточных крестьян — *гёси*)¹²⁴.

Кодекс как юридический документ куда более подробно, по сравнению с Установлениями, рассматривает насущные жизненные проблемы всех сословий, в том числе и низших; в первую очередь — отношения собственности. Если Установления освещали прежде всего основы государственного устройства и принципы гуманного и мудрого правления, то Кодекс акцентировал внимание на вопросах собственности, ограждении прав владельца от посягательств, упорядочении ряда процедур, связанных с передачей таких прав, и т.п. Главное, что выделяли Установления, — это необходимость «успокоения народа» как

¹²² Ст. 45 Установлений.

¹²³ Ст. 94 Кодекса.

¹²⁴ Представляется допустимым, хотя бы и весьма условно, сравнение *гёси* с «неслужилыми *шэньши*» Китая. Ст. 14 Установлений (о родовитых земледельцах) также связана с этим аспектом проблемы социальной мобильности — возможностью принятия представителей низших сословий в ряды сословия правящего. Нужно иметь в виду, что по причинам различного характера отошедшие от дел воины порой становились землепашцами. Но, хотя они и пребывали в этом статусе на протяжении многих лет, нередко, храня традиции, продолжали вести свои родословные. Возможно, что ст. 45 Установлений и ст. 94 Кодекса в какой-то мере также имеют отношение к подобным явлениям.

гарантии благополучного правления и порядка в государстве¹²⁵. Вопросы, рассматриваемые Кодексом, куда более конкретны и близки процессам социально-экономического развития японского феодализма в период *Токугава*.

Во времена появления Кодекса главным видом собственности по-прежнему оставалась земля, на что указывает значительное число статей, так или иначе касающихся земельной собственности¹²⁶. Но с развитием новых тенденций и зарождением капиталистического уклада в экономике правительство обращало все большее внимание на противодействие назревавшим изменениям, в том числе в отношении собственности: *бакуфу* тщательно стремилось закрепить земли за прежними владельцами, несмотря на начавшийся процесс обезземеливания части крестьянства и низших слоев военного сословия (хотя среди последних владельцев земельных пожалований было не так уж много).

Первые указы о запрете купли-продажи земли относились еще к середине XVII в.¹²⁷ Ко времени появления Кодекса данная проблема стала

¹²⁵ Статьи 4, 12, 14, 20, 23, 66, 77, 88, 101 Установлений.

¹²⁶ Статьи 2, 10-13, 27, 30-32, 37, 95, 96, 98 Кодекса.

¹²⁷ Так, документы пятидворок опубликованы на русском языке в переводе О.С.Николаевой [1], а указы *бакуфу* от 1643 и 1744 гг. о запрещении купли-продажи земли и постановления по вопросам ипотечной задолженности от 1721, 1722 и 1723 гг. вошли в качестве приложений в монографию Г.И.Подпаловой [5, с.195-199]. Одним из первых документов такого рода можно считать указ 1643 г. «О запрещении купли-продажи полей на долгий срок» («*Табатакэ эйдэй байбай госиоки*»). Он предусматривал кару за все акты купли-продажи земли, исключая «крестьянские нерисовые поля (*хатакэ*), лесные участки, целинные рисовые заливные поля, а также рисовые заливные поля, принадлежащие ронинам и самураям» [5, с.195]. И продавший, и купивший заключались в долговую тюрьму, а в случае смерти виновников наказание отбывали их дети. Свидетелям, заверившим купчую, также грозило заключение (хотя на их детей наказание не распространялось). О зарождении основ новых отношений в обществе свидетельствует указ 1744 г. Он предусматривал значительно более мягкие наказания: у купившего — поля конфисковались, продавший — подвергался штрафу, староста деревни, оформивший сделку — снимался с должности, свидетелям, заверившим купчую — выносилось порицание [5, с.196]. Вероятно, прежний закон уже не мог выполняться по всей строгости. Ввиду того, что залог земли часто скрывал ее фактическую продажу (в форме просрочки платежа, предусмотренной договоренностью), правительство искало возможности предупредить окончательный переход земель к кредитору, что отразилось и в указах 1722 и 1723 гг. о погашении ипотечной задолженности. Согласно ст. 5 «Предписания членам крестьянской пятидворки» от 1664 г. запрещалось дробить земли с урожайностью менее 10 коку риса. В случае залога земли под документом должна была подписаться вся пятидворка [5, с.193]. Все эти меры правительство стремилось провести в жизнь, тщательно воздвигая препоны на пути обезземеливания крестьянства. Таково было общее положение дел ко времени издания Кодекса, по сути, отраженное и в нем самом (статья 30, 31).

настолько острой, что неизбежно должна была найти свое отражение и в нем. Действительно, ряд ранее вышедших указов¹²⁸, касавшихся купли-продажи земли, полностью вошел в этот законодательный свод.

Кодекс предусматривал строгие наказания как за прямую, так и за скрытую продажу земли¹²⁹. Правила сдачи земель в аренду¹³⁰ были составлены с той же целью — предотвратить переход земель в другие руки. Определялись сроки выплаты недоимок по заложенным участкам, но тут же оговорка предусматривала возможность их продления по согласованию с обеими сторонами¹³¹.

Появление новых элементов в экономике страны отразилось и во введении специальных законов, касавшихся некоторых иных видов собственности (неземельной), о чем в начале периода *Токугава* вопрос даже не возникал. В официальном порядке были установлены сроки заклада жилых строений, товарных складов, парикмахерских, различных предметов — в соответствии с их стоимостью¹³². Передача недвижимости в городе (постройки) производилась по аналогии с передачей земельных участков (лишь тех, что позволялось продавать). Если сделка не была официально оформлена, при возникновении конфликта объект спора подлежал конфискации, как и спорный земельный участок¹³³ при его закладе или продаже.

Кодекс, в отличие от Установлений, заметно большее внимание уделяет различным аспектам жизни города. В этом также сказались развитие товарно-денежных отношений и рост влияния городских сословий, особенно торгового¹³⁴. Следует заметить, что и в целом акценты на сословную специфику в Кодексе слишком незначительны по сравнению с Установлениями. В Кодексе широко освещаются вопросы денежного обращения; подробно регламентируется порядок выплаты долгов¹³⁵ и разбора судом тяжб по денежным долгам¹³⁶, вплоть до назначения определенных дней для рассмотрения подобных

¹²⁸ Понимание места и роли крестьянства в обществе того времени строилось в точном соответствии с конфуцианскими взглядами. Доказательством этому служит и содержание «предписаний крестьянам» *о-фурэгаки* разных лет (напр., см.: [263, с.90-91]).

¹²⁹ Статьи 30, 37 Кодекса.

¹³⁰ Ст. 31 Кодекса.

¹³¹ Ст. 35 Кодекса.

¹³² Статьи 36, 92 Кодекса.

¹³³ Статьи 30, 41 Кодекса.

¹³⁴ Процесс возвышения торгового сословия в Японии времен *Токугава* подробно описан в монографии Ч.Шелдона [309].

¹³⁵ Статьи 16, 33-35, 39 Кодекса.

¹³⁶ Ст. 33 Кодекса.

дел судом и вынесения решения в случае неплатежеспособности должника¹³⁷. Само появление такой категории, как неплатежеспособность, свидетельствует о возникновении новых, феодальных форм общественных отношений. Происходит все больший отход от принципов натуральной экономики, где основным мерилом ценности являлся рис, к хозяйству, основанному на господстве товарно-денежных отношений.

Возрастание социальной роли городских сословий происходило одновременно с развитием процесса расслоения крестьянского и воинского сословий. Формально высшему статусу «воинов» в сословной иерархии явно не соответствовало их реальное экономическое положение: значительная часть воинского сословия находилась в финансовой зависимости от самого низшего по статусу слоя — торговцев.

Отмечая безусловную связь японской сословной системы прежде всего с китайской, необходимо признать и некоторые существенные отличия. Обращает на себя внимание факт полного номинального соответствия, кажущейся идентичности социальных структур в различные исторические эпохи. Но даже при довольно жестком следовании заимствованным образцам в периоды усиленной рецепции китайского права и форм государственного устройства (например, реформы *Тайка* VII в.) своеобразие местных японских черт начинало проявляться очень быстро. Несомненно, что и сам факт заимствования той или иной категории чаще всего сразу же предполагал специфику в восприятии ее сообразно реалиям японской действительности.

Одним из наиболее ярких примеров тому может служить сопоставление реального содержания японской сословной категории *си* с ее китайским аналогом *ши*. В применении к Японии общепринято говорить о *си* как военных. С одной стороны, это вполне справедливо, поскольку рельефно отражает своеобразие Японии XII-XIX вв. С другой стороны, учитывая как историю происхождения данного, первоначально китайского, термина, так и общественную роль соответствующего слоя населения в Японии начала периода *Токугава*, следует иметь в виду сословие военно-чиновное.

Допустима и возможность широкой трактовки *си* в значении «[просвещенный, благородный] муж», позволяющей отнести к этому сословию (хотя и с некоторой степенью условности) и другие группы

¹³⁷ Ст. 35 Кодекса.

высших слоев японского общества (придворная аристократия *кудэ*, духовенство). Таким образом, в состав *си* оказывалась включенной вся феодальная верхушка общества, т.е. фактически значение *си* тождественно понятию «феодал» как представитель правящего класса.

Безусловно, исследование материалов одних лишь Установлений и Кодекса не может служить достаточным основанием для вынесения безапелляционных суждений об уровне развития общества. Нельзя говорить о всеобъемлющем раскрытии этих вопросов и ввиду недостаточной исследованности даже эволюции правотворчества. По указанным причинам представляется уместным мнение о том, что материалы каждого отдельного источника в состоянии подтвердить или уточнить нечто конкретное. Для обобщающих же выводов требуются комплексные исследования на базе более широкого круга источников.

Анализ сословной структуры Японии XVII — середины XVIII в. и места отдельных сословий в системе отношений собственности на материалах Установлений и Кодекса подтверждает, что в начале правления династии *Токугава* это было общество, основанное на натуральном хозяйстве и феодальных производственных отношениях. Феодализм развивался тогда по восходящей линии, еще не исчерпав своих возможностей. К середине XVIII в. произошли определенные изменения. Заметное развитие получили товарно-денежные отношения¹³⁸, возросла роль городских сословий, особенно торгового, что было связано с трансформацией социальных функций города, зарождением мануфактурного хозяйства и т.п. Но при этом определенно продолжали сказываться специфически негативное отношение к торговле и консерватизм в регламентации общественных отношений в целом.

Разумеется, необходимо учитывать, что правовые и околоправные источники, к числу которых относятся и рассматриваемые памятники, как правило, отстают от реальной действительности и с опозданием фиксируют складывание новых явлений и форм в жизни страны. Тем не менее исследуемые документы ясно свидетельствуют в пользу высказанного в японоведении мнения о том, что кульминацией в развитии японского феодализма стала эра *Гэнроку* (1688-1704). Она ознаменовала поворот к появлению первых заметных ростков будущих капиталистических производственных отношений и симптомов возникновения производительных сил буржуазного общества.

¹³⁸ При *Тоётоми Хидэёси* во второй половине XVI в. денежная система лишь только устанавливалась [263, с.91], а единый общегосударственный рынок оформился, по-видимому, к эре *Гэнроку* (1688-1704) [263, с.92], начало же его складывания датируют второй половиной XVII в. [253, с.40].

Появление Кодекса на полстолетия позже ощутимого проявления тенденций к изменениям в жизни общества было вызвано как объективными, так и субъективными причинами. Среди объективных факторов очевидно естественное (в большинстве случаев) отставание форм надстроечных институтов, а правовых тем более, от изменений в базисе формации. Из субъективных нужно иметь в виду общую направленность всей политики режима *Токугава* вплоть до 1867 г. на консервацию раз и навсегда установленных общественных отношений, норм и принципов жизни, освященных официальной государственной идеологией – неоконфуцианством.

Глава 3

Политическая идеология и политическая организация японского общества XVII – середины XVIII в. и их отражение в Установлениях и Кодексе

Общие замечания

Перед новой династией сёгунов стояла задача поддержания стабильности и социального порядка в стране, для чего была необходима надежная идеологическая доктрина. Этим целям вполне отвечало конфуцианство¹ чжусианского толка², часто именуемое неоконфуцианством³. В нем акцентировалось внимание на всеобщем правопорядке и во главу угла ставилась индивидуальная мораль как опора государственности. Именно чжусианство *сюсигаку*⁴, известное в Японии

¹ Конфуцианство – идущее с древности китайское этико-политическое учение, связываемое с именем Конфуция (552/551 – 479 гг. до н.э.). Это весьма широкое понятие, поскольку на различных этапах развития данного учения существенное влияние на него оказали теоретические построения конфуцианцев каждого отдельно взятого периода, а также идеи других учений. Так, раннее конфуцианство периода правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), обращая первостепенное внимание на толкование «Пятикнижия-Уцзин» («Ицзин», «Шуцзин», «Шицзин», «Лицзи», «Чуньцзю»), носило, скорее, «филологический характер», связанный с терминологическими вопросами. В противоположность этому конфуцианцы времен династии Сун (960-1279) стремились при опоре на «Четверокнижие-Сышу» («Лунь юй», «Дасюэ», «Чжуньюн», «Мэн-цзы») уловить истинный дух воззрений Конфуция и Мэн-цзы, иными словами, придавали учению более «философский характер» [45, с.298]. По сути, конфуцианство времен Сун явилось результатом взаимодействия собственно раннего конфуцианства с двумя другими компонентами китайской триады учений – дао и буддизмом, развитая философия которых, видимо, в неменьшей степени способствовала появлению потребности в четкой разработке философской системы самого конфуцианства. В эпоху же складывания конфуцианства во времена империи Хань, в обстановке постоянной борьбы с легизмом (завершившейся победой первого при восприятии некоторых идей последнего), усилия основателей учения были направлены прежде всего на оттачивание политической системы. А отсюда – и большее внимание в ту пору к политической доктрине, нежели к философским аспектам.

² Связано с именем китайского ученого-конфуцианца Чжу Си (яп. Сюки), не менее известного и как Чжу-цзы (яп. Сюси). Чжу Си жил в 1130-1200 гг. при династии Сун. Его идеи сыграли заметную роль в процессе становления сунского конфуцианства.

³ Неоконфуцианство – распространенное в евроязычной литературе наименование конфуцианства времен династии Сун. Нередко ошибочно связывается исключительно с именем Чжу Си.

⁴ Чжусианство (яп. *сюсигаку*) – конфуцианское направление, основанное Чжу Си.

и как сунское учение *сōгаку*⁵, стало при Токугава официальной государственной идеологией. Его положения красной нитью проходят через большинство статей Установлений и определяют общую политическую направленность Кодекса.

Идеи Чжу Си были известны в Японии еще в XIV-XVI вв. благодаря их распространению приверженцами буддийской секты Дзэн. Однако официальной государственной идеологией они стали лишь при династии Токугава. В то же время, как указывают Установления, сохранялось должное почтение по отношению к традиционным японским религиям – синтō и буддизму⁶, хотя *бакуфу* и считало их непригодными для роли ведущей идеологической системы⁷. Особая ценность чжусианства в данном случае проявилась в том, что оно дало углубленное и расширенное теоретическое обоснование такого принципа классического конфуцианства, как «выпрямление (выправление) имен» (кит. *чжэнмин динфэнь*), более известного в Японии как «великий долг и деление по именам», либо «великий принцип деления по именам» – *тайги-мэйбун*.

⁵ Сунское учение (яп. *сōгаку*) – букв. «учение [времен династии] Сун»; значительный этап в развитии конфуцианской мысли. При династии Сун впервые усилиями Чжу Си были предприняты попытки дальнейшего развития конфуцианства, в связи с чем впоследствии и появились такие термины как «чжусианство», «неоконфуцианство», «сунское учение».

⁶ Статьи 2, 47-49, 72 Установлений.

⁷ Так, Хаясия Тацусабурō трактует XIV-XVI вв. в истории своей страны как полосу вызревания нового времени *кинсэй*, отмечая в идеологическом отношении четкий поворот от синтō к конфуцианству [270, с.44-47]. Действительно, в общем ходе исторического развития явно прослеживается тенденция к смене их влияния: от синтō к буддизму и далее – к конфуцианству. Причем заметны эпохи относительного взлета и упадка любого из компонентов этой триады учений [155, с.54-56]. Тем не менее при неравном значении их в различные периоды для всего комплекса всегда было характерным сосуществование и взаимодействие, даже если об этом и не говорилось во всеуслышание. Современное состояние любого из этих учений в Японии, очевидно, отражающее результаты глубокого взаимопроникновения, служит лучшим тому доказательством. Вообще о своеобразном отношении японцев к религии говорят уже давно (напр., см.: [201-203]). Нередки утверждения, что это более дань традиции, нежели действительная религиозность. По мнению Р.Дж.Смита, западная концепция «церкви» не имеет прямой аналогии в Японии [310, с.29-31]. По-видимому, вполне своевременно предпринятая коллективом отечественных китаеведов публикация об учениях и религиях в Китае, и вполне правомерно утверждение об отсутствии в дальневосточном регионе, по крайней мере, прямого соответствия европейскому институту церкви. Возможно, именно потому китайский термин «цзяо» (яп. *кэ*) требует особой осторожности при переводе его как «религия». Безусловно, наиболее адекватно в ряде случаев его толкование как «учение» [160].

Положение каждого человека в обществе оказывалось, таким образом, predetermined самой его сущностью, его природой. Согласно неоконфуцианству, помимо первичной идеальной природы человека *хоннэн-но сэй*⁸ существует еще и заведомо вторичная – физическая, материальная его природа *кисицу-но сэй*⁹, от которой и зависит занимаемое данным индивидом место в обществе. **Первичная природа хоннэн-но сэй** одинакова у всех людей и происходит от идеальной изначальной основы-принципа Вселенной – *ли* (яп. *ри*). *Чжу Си* отождествлял его с понятием *тайцзи* (яп. *тайкёку*)¹⁰ – «великого предела» бесконечной объективной реальности существующего материального мира во всех его проявлениях (в единстве и борьбе противоположностей). **Вторичная природа *кисицу-но сэй*** обусловлена, в понимании *Чжу Си*, материальным началом *ци* (яп. *ки*) и производна от идеального. Она и объясняет наличие у человека тех или иных способностей, одаренности и талантов, которые определяют значение и роль конкретной личности. Поэтому положение каждого отвечает заложенным в нем самой природой возможностям.

Так, идеальное *ли* (яп. *ри*) вернее отражается в *кисицу-но сэй* благородного человека, нежели низкого простолюдина. Задатки каждого безусловно соответствуют его статусу. Следовательно, сословно-иерархическая градация обретает характер того закона, который «невозможно, а главное, в политических целях не должно изменять» [193, с.19]. Именно эта этико-политическая сторона неоконфуцианского учения и была наиболее важна для правительства *Токугава*. О значении принципа *ри* неоднократно говорится в Установлениях¹¹. Решение же чжусианством вопросов онтологического и гносеологического характера находилось уже вне сферы интересов *бакуфу*¹².

Конфуцианству и в Китае было свойственно определенное взаимодействие с различными течениями философской и общественной мысли, игравшими значительную роль в те или иные эпохи. Так, для раннего этапа развития конфуцианства характерна и его борьба

⁸ Японское произношение китайского термина.

⁹ То же.

¹⁰ *Тайцзи* (яп. *тайкёку*) – «великий предел», одна из категорий «Ицзин» («Книги перемен»). Чжусианское отождествление *ли* (яп. *ри*) с понятием «великого предела», как отмечал Я.Б.Радуль-Затуловский, вело к искажению изначально материалистического понимания этой категории, весьма неточно заимствованной *Чжу Си* в «Трактате о “Плане великого предела”» *Чжоу Дуньи*. Результатом этого и явилось смешение во взглядах *Чжу Си* как материалистических, так и идеалистических концепций [193, с.17].

¹¹ Статьи [71], 97, 98, 100 Установлений.

¹² На причинах и специфике восприятия чжусианства в Японии детально останавливается Китадзима Масамото [253, с.62-66].

с различными учениями, но вскоре оно вполне органично впитало в себя многие черты этих систем.

Воспринятая японцами неоконфуцианская идеология в целом уже несла на себе отпечаток всех основных традиционных течений Китая. Более того, и в Японии она сосуществовала во взаимодействии с иными концепциями и воззрениями. Установления подтверждают, что практически все официальные идейно-политические, философские и моральные нормы периода *Токугава* слагались на базе триады основных философско-религиозных течений: конфуцианства, буддизма и *синто*¹³.

Идеология периода *Токугава* (при том, что *бакуфу* ориентировалось на сунское конфуцианство) — всего лишь система, преимущественно созданная на его основе. Это ни в коей мере не чжусианство в чистом виде, а скорее заимствование политической культуры, выросшей на почве неоконфуцианства, — «неоконфуцианство *Токугава*».

Во времена создания Установлений правительство практически не противопоставляло неоконфуцианство другим учениям (в рассматриваемых документах лишь один раз в Кодексе встречается упоминание о наказуемости приверженцев одного из «неортодоксальных» направлений)¹⁴. Более того, Установления всячески подчеркивали единство вышеназванной триады¹⁵. Лишь в 1790 г. было издано официальное запрещение преподавать и публично высказывать что-либо, противоречащее взглядам ортодоксальной школы. Такие действия были причислены к антиправительственным выступлениям.

¹³ Статьи 2, [12], 47-49, 60, 72 Установлений. При рассмотрении Установлений уместно показать распределение вопросов и проблем этого плана по отдельным статьям документа: ст.2 (буддизм и *синто*), ст.12 (конфуцианство), ст.47 (конфуцианство, буддизм и *синто*), статьи 48, 49 (буддизм), ст.60 (*синто* как культ предков), ст.72 (о буддийских и синтоистских служителях как наставниках в издревле существовавших в Японии религиях). Определенный интерес представляет замечание Дж.Х.Габбинса (прим. 36 к ст.47 его перевода Установлений) о том, что применение в тексте термина «*синто*» в одном ряду с конфуцианством и буддизмом, возможно, является ошибочным. А в действительности на этом месте должно стоять *сэнто* (кит. *сяньдао*), трактуемое им как «даосизм» [16, с.157]. Вряд ли эту версию следует принимать безусловно, но уж во всяком случае она заслуживает внимания как вполне уместное указание на недостаточную изученность влияния *дао* на религиозные воззрения японцев.

¹⁴ Имеется в виду ст. 52 Кодекса о запрете следовать «закону *сантёха фудзюфуэ*». Эта статья — единственный пример наказуемости следования какому-либо из «неортодоксальных» направлений. В целом же *бакуфу* не считало необходимым демонстрировать свое отношение к тем или иным школам философской и общественно-политической мысли в основополагающих документах государственного значения, оставляя, таким образом, известную свободу в корректировке взглядов и для себя тоже.

¹⁵ Ст. 47 Установлений.

Ни в Кодексе, ни в Установлениях вообще не ведется речи о существовании различных направлений в трактовке того же конфуцианства (даже и в самой Японии), поскольку утилитарный практический характер законов и установлений не мог предполагать освещения подобных философских вопросов. Более того, в исследуемых памятниках не встречается и термин «неоконфуцианство» (либо «чжусианство»), зато Установления упоминают о «совершенных мудрецах древности»¹⁶ и конфуцианстве¹⁷. Главное, что предусматривалось Установлениями, — это возможность сосуществования всех трех основных учений и применения каждого из них в нужной правительству сфере (ибо они хоть и «разнятся по своему характеру, не иначе как ведут к добру и карают зло»)¹⁸. Спокойствию государства может угрожать не следование тому или иному учению, а споры о предпочтении одних взглядов другим¹⁹. Конфуцианство в чжусианской форме играло роль государственной политической идеологии, а буддизм и *синто* в целом сохранили свои позиции как господствующие формы религии.

В свете главной цели *бакуфу* — сохранения социального мира в стране и объединения под центральной властью всего населения, независимо от религиозных склонностей (запретным, по большому счету, было лишь христианство²⁰) — оба эти документа вряд ли могли вести речь об ортодоксальных, признанных государством направлениях и «еретической мысли» (то было делом особым²¹). Лишь две статьи

¹⁶ Статьи 12, 88, 98, 100 Установлений.

¹⁷ Статьи 21 [XIII]; 47 Установлений.

¹⁸ Ст. 47 Установлений.

¹⁹ Там же.

²⁰ Впервые христианство было запрещено в Японии еще при *Тоётоми Хидэёси*, а начались гонения в 1613 г., уже при *Токугава Иэясу*. В 1637 г. вышел указ о запрете выезда японцев за границу и возвращения выехавших. После подавления восстания в *Симабара* в 1637-1638 гг., в котором участвовали воспринявшие католицизм японцы (христианство проникло в Японию во времена посещения ее берегов первыми европейцами в 1542 г.), вышел новый указ, запрещающий эту религию, равно как и посещение страны иностранными судами (за исключением голландцев, оказавших помощь при подавлении восстания в *Симабара*, и китайцев).

²¹ Борьба различных направлений философской и общественно-политической мысли, особенно во второй половине эпохи *Эдо*, в действительности имела важное значение для жизни страны. Тем не менее практически до недавнего времени западные ученые-япноведа нередко пренебрегали исследованием истории развития философской мысли при *Токугава*, полагая ее производной (вторичной) либо бесосновательно настаивая на утверждении, что японцы предпочитают скорее «воплощать», нежели «делать умозаключения». Между тем время правления сёгунов из династии *Токугава* — одна из величайших эпох гуманистического подъема общественной мысли (как *Сун* — для Китая, и Просвещение — для Европы). Такая оценка приводится в опубликованной в конце 70-х годов коллективной монографии зарубежных исследователей по истории японской мысли этого времени [291], увидевшей свет вскоре после издания в 1974 г. перевода на

такого рода — о наказании за нововведения в синтоистских и буддийских обрядах и уже упоминавшаяся наказуемость принадлежности к одному из «еретических» учений — содержатся в Кодексе²².

Идейные истоки политической системы и ее устои

На построение модели политической структуры общества эпохи Токугава большое влияние оказала китайская космогоническая система — натурфилософское учение об *инь-ян* (яп. *ин-ё*), теория о дуальности мира и его явлений. При том, что оно стало для Токугава, казалось бы, принципом мировоззрения, японская специфика восприятия китайских категорий проявила себя и здесь. Если в Китае *инь* и *ян* понимались как единство и взаимопроникновение этих начал, то в Японии все обернулось, скорее, абсолютизацией полярности, искажавшей возможность перехода одного в другое [90, с.100-102].

В аспекте социальном такое смещение представляется очевидным — как на практике (ограничение социальной мобильности и консервация сословной иерархии-структуры), так и в социальной форме сознания. Впервые в японской истории «верх» и «низ», отношения сюзерена и вассала, государя и подданного были абсолютизированы еще в «Конституции Сётоку»²³ 604 г. — на самом раннем этапе рецессии

английский язык труда Маруяма Масао [293], который вышел на японском языке еще в 1952 г. С тех пор к подобной проблематике неоднократно обращались и японские ученые (напр., см.: [246, 247, 269]). Вызывают интерес и работы по тематике, оказывающейся родственной, — философско-религиоведческого, этносоциологического, поведенческого плана [273, 292, 296, 297]. «Кодекс чести самурая» *бусидо* оформился также при Токугава. В его теоретической разработке важную роль сыграл ученый-конфуцианец Ямага Сокб (1622-1685 гг.), хотя сам термин и общие представления о «пути воина» *бусидо*, несомненно, начали складываться раньше. Так, в тексте Установлений встречаются такие сочетания, как *будд* (ст. 58) и *си-но мити* (статьи 77, 98). Самому кодексу *бусидо*, сыгравшему важную роль в истории развития идеологии Японии, посвящены как отдельные главы в общих обзорных работах (напр., см.: [253, с.61-82]), так и специальные популярные публикации и исследования [264, 268, 298]. В отечественном японоведении исследованию философской и общественно-политической мысли этой эпохи более всего уделено внимания в работах Я.Б.Радуль-Загуловского [192, 193, 194]. В последние годы в нашей стране заметно усилился интерес к данной тематике, доказательством чему служит рост числа таких публикаций (напр., см.: [100, 130, 163, 206]).

²² Статьи 52, 53 Кодекса.

²³ Ст. 3 «Конституции Сётоку» провозглашала: «Государь — [это] небо; вассалы — земля. Небо покрывает [землю], а земля поддерживает [небо]. [И тогда] четыре времени года сменяют друг друга, и все в природе идет своим чередом. Когда [же] земля возжелает покрыть небо, то [это] приведет к разрушению. Поэтому, если государь изрекает, то вассалы должны внимать. Если высшие приказывают, то низшие должны подчиняться» [6, с.22-23]. Часть вышеприведенного текста дословно цитируется в Установлениях (ст. 96).

китайского права. Если для китайского конфуцианства противостояние благородного мужа *цзюньцзы* и простолюдина, «мелкого человека» *сяожэнь* было прежде всего нравственным, то в Японии при Токугава — скорее социальным. Жесткая связь этих моральных категорий с сословными институтами оформлялась в обычаях и праве, при этом всякая гибкость, по крайней мере формально, исключалась.

В Японии происхождение индивида играло большую роль, чем в Китае, касалось ли это сословного статуса, привилегий отдельных групп или даже постов. Потому особое значение приобрел принцип «выпрямления имен» в виде жесткого следования «делению по именам» с четким соблюдением наследственности в занятиях. В социальных отношениях это привело к изданию в 1591 г. «Указа о закреплении социальных различий» («*Мибун-но тэйрэи*»). Принципиальность отличия «высших» от «низших» подтверждается и Установлениями: наличие статьи о праве «убить и бросить на месте» лицо ниже рангом за нарушение ритуала в поведении²⁴. Статичность японской трактовки *инь-ян* (полное отсутствие динамики во взаимодействии), как полагает Т.П. Григорьева, «не могла не распространиться из внутренней сферы на внешнюю ... реализовалась в политике самоизоляции Японии указом 1639 г. «О закрытии страны»» [89, с. 56] (начало более чем двухвековой политики самоизоляции Японии от остального мира — *сакоку-сэйсаку*). Реально подобный консерватизм и насильственно насаждаемая «стабилизация» всех сфер (социальной, политической, правовой и т.п.) имела как позитивное, так и негативное значение.

Но некоторые черты системы *инь-ян* нашли свое отражение в Установлениях именно в первоначальном виде. Порой это почти полное повторение изречения Конфуция «если ветер дует — трава склоняется»²⁵: «Меч повергает варваров, блистая в корзине... извлечение из ножен уже не достойно ... Воин унижает армию врага, [еще] скрываясь во чреве — [вот] благая сила воина; выход из расположения [на врага] — уже не достоин...»²⁶. По китайским канонам это означало, что *сяожэнь* склоняется перед духовной силой *цзюньцзы*. В Японии же важнее оказывалось повиновение социально-правовым нормам в соответствии с сословным статусом. Китайский чиновный аппарат не

²⁴ Ст. 45 Установлений. Как уже говорилось, речь идет о преступлении границ своего ранга либо о нерадивости по отношению к высшему, а именно: представителям высшего сословия дозволялось применять казнь на месте без суда и следствия по отношению к низшим (см. также: [89, с. 60]).

²⁵ Имеется в виду суждение, приведенное в «*Лунь юй*» (гл. XII, разд. 19): «Мораль благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер» [2, т. 1, с. 161].

²⁶ Ст. 56 Установлений.

привился в Японии в том же виде — должностное лицо в Японии всегда отличалось прежде всего благородством и знатностью происхождения, а не духовным складом и образованностью, которые так или иначе относились к числу основных принципов подбора бюрократического аппарата в Китае.

Мысль об обратимости и единстве двух противоположностей вне области социальных отношений встречается и в иных статьях Установлений. По конфуцианским канонам, внешним (политическим, а не моральным) проявлением их равновесия, осуществлением человеколюбия *жэнь* на практике, действительным следованием Пути Неба было знание «середины». Так, согласно Установлениям, сёгуну в делах управления следовало держаться середины²⁷ между слабостью и строгостью, поскольку, когда «небрежение — возникает хаос [в] руководстве ... строгость — народ изнемогает...»²⁸. «Сдержанность обозначает обуздание своих страстей; радость-гнев-печаль-тоска-горе-страх-испуг — семь видов [чувств] все зависят от этого; не предаваться [им] — означает [быть] сдержанным. Я, хоть еще и [не] великий достойный муж, издавна держусь знака “сдержанности”»²⁹.

Император и сёгун: место в политической системе

Проблема соотношения власти императора и сёгуна (в том числе и в период *Токугава*) по сей день привлекает пристальное внимание исследователей как в Японии³⁰, так и в других странах³¹.

²⁷ Для Конфуция, согласно «*Лунь юй*» (гл.VI, разд.27), в следовании середине выражалось значение этикета-ритуала *ли* (яп. *рэй*). «Такой принцип как “золотая середина”, представляет собой наивысший принцип. Люди [уже давно не обладают] им» [2, т.1, с.153]. Он призывал к соблюдению ритуала во всех сферах («*Лунь юй*», гл.VIII, разд.2): «Почтительность без ритуала приводит к суетливости, осторожность без ритуала приводит к боязливости, смелость без ритуала приводит к грубости. Если государь должным образом относится к родственникам, в народе процветает человеколюбие. Если государь не забывает о друзьях, в народе нет подлости» [2, т.1, с.155].

²⁸ Ст. 55 Установлений.

²⁹ Ст. 95 Установлений.

³⁰ Кодама Кёта, рассуждая о трех уровнях власти в Японии времен существования системы *бакуфу*, отмечает, что японский император сравним с папой римским, сёгун — с императорами и государями стран Европы (как фактически правителями страны; впрочем, первые императоры в Риме, как и сёгун, были подобны полководцам и избирались войсками, что поначалу никак не связывалось с обретением прерогатив власти монарха), *даймё* же подобны князьям, «монархам земель» [263]. О проблеме соотношения власти императора и сёгуна см. также [257, с.199-202].

³¹ Из первых публикаций по этой теме на русском языке следует выделить работу 1869 г., принадлежащую перу иеромонаха Николая (И.Д.Касаткина) [170].

В понимании власти монарха на Западе и на Востоке (а в Японии особенно) во времена феодализма существовали определенные различия. На Западе в роли своего рода посредника между монархом и Небом (Богом) обычно выступала церковь. Сакральные функции государя были, как правило, весьма ограничены. На Востоке же эта связь, восходящая к древнейшим эпохам, продолжала восприниматься как осуществляемая «напрямую».

Тем более нерасторжима она была в Японии: ведь императорский дом «вел свое происхождение от богов»³². О передаче кому бы то ни было священных функций не могло быть и речи. Для отправления же реальной политической власти уже не требовалась столь высокая степень «чистоты родословной», а отсюда и допустимость передоверять управление (на первых порах частично) другим отпрыскам царского дома. Династии сёгунов в Японии всегда и безусловно были связаны с ним. Более того, они вели происхождение от одного государя — *Сэйва*, о котором упоминают и Установления³³.

В Китае фактор принадлежности к фамилии был куда менее важен. Так, три первых мифических древних правителя (*Яо*, *Шунь* и *Юй*) не состояли в родственных отношениях, а получали трон от предшественника только в силу своих личных достоинств. Подтверждало это и существование теории «небесного мандата» (кит. *тяньмин*; яп. *тэммэй*)³⁴, переходом которого объяснялись многочисленные смены династий. Обладавший мандатом по «велению Неба» был наделен надлежащей монаршему сану благой силой — добродетелью *дэ* (яп. *току*)³⁵. Эту древнюю теорию поддержало и конфуцианство, постоянно уделявшее внимание личным качествам правителя и путям их развития. Указывая на необходимость удерживать «небесный мандат»³⁶, *Токугава Иэясу* в своем завете наследникам призывал к «простому ненарушению» его Установлений как гарантии избежать значительных упущений в управлении государством даже при отсутствии особых талантов и способностей³⁷.

³² Согласно официальной историографии, основывающейся на древнейших сохранившихся исторических источниках «*Кодзики*» (712 г.) и «*Нихонги*» (720 г.), японская императорская династия правит страной, начиная с императора *Дзимму*, связанного кровным родством с сошедшим на землю *Ниниги-но микото* — внуком небесной богини *Аматэрасу* (верховного божества *синто*). Девять спутников *Ниниги-но микото* стали родоначальниками наиболее знатных аристократических домов Японии из придворной аристократии *куэ* (в отличие от военной знати *букэ*).

³³ Статьи 48, 74 Установлений.

³⁴ На проблеме соотношения концепции «небесного мандата» *тэммэй* с чжусианским *ри* детально останавливается Китадзима Масамото [253, с.63].

³⁵ Статьи 2, 19, 56, 79, 81, 92 Установлений.

³⁶ Статьи 73, [74, 75, 90] Установлений.

³⁷ Ст. 65 Установлений.

Уже ввиду упоминавшихся ранее особенностей понимания места «высших» и «низших» в обществе теория «Небесного мандата» вряд ли могла бы использоваться в Японии в первоначальной форме. И в самом деле, высшая власть в лице императорской династии не подлежала смене, а ее действия — обсуждению. У такого монарха в принципе не могло быть слабого *дэ* — силы, собственно, и делавшей его государем, осеменявшим подданных благом гуманности и справедливости. Совершенномуудрых и несовершенномуудрых императоров в Японии быть не могло, их власть была абсолютно сакральна. Как отметил Р.Дж.Смит, имело место применение различных по происхождению теоретико-идеологических обоснований для истолкования общественной роли императора (*синтō*) и сёгуна (чжусианский «мандат Неба» *тэмэй*). «Конфуцианские идиомы [служили] для утверждения положения сёгуна и собственно японская традиция, — более удобно именуемая *синтō*, — для объяснения положения Императора» [310, с.14].

К смене *бакуфу*, династий реальных политических правителей XII–XIX вв., идея о «переходе Небесного мандата» оказалась вполне приложимой, хотя специфика была и здесь. В Китае основателями новых династий становились порой не только выходцы из простонародья, но даже и чужеземцы. Однако получение ими «Небесного мандата» и власть над коренным населением страны все же в итоге вполне укладывались в рамки общей концепции. В Японии же сёгунами (единственными, к кому эта теория могла быть и была отнесена) становились лишь представители очень знатных родов, происходивших к тому же от единого царственного, хотя и очень далекого предка. Утрата «мандата» рассматривалась в Установлениях прежде всего как следствие нарушения наследниками «законов предков»³⁸, что иллюстрировалось примерами как собственно японской истории, так и истории различных китайских династий, начиная с глубочайшей древности. Наиболее строгой мерой обеспечения верности потомков заветам основателя династии *Токугава*, видимо, следовало считать требование отстранять от наследования тех, кто Установления не соблюдал³⁹.

Номинально сёгун избавлял императора от бремени забот по управлению страной — «высокие занятия» более приличествовали сану «земного божества», это провозглашалось уже ст.1 «Правил для императорского двора» 1615 г. [255, с.143]. Зависимое, подчиненное положение сёгуна всячески подчеркивалось Установлениями⁴⁰; особенно недопустимо

³⁸ Статьи 73–75 Установлений.

³⁹ Ст. 27 Установлений.

⁴⁰ Статьи 19, 84 Установлений.

для военного правителя небрежение в преклонении перед тронном. Подобного нарушения ритуала пред царственной особой, в отношениях «Неба и Земли, государя и подданного» не могло быть ни в коем случае⁴¹. Главной обязанностью сёгуна Установления определяли охранение императорского дворца и его обеспечение⁴², недаром сёгун продолжал носить и прежний титул — *сэйи-тайсёгун* («Великий сёгун, покорящий варваров»)⁴³, пожалованный ему тем же императором⁴⁴. Каждый новый сёгун назначался на свою должность высочайшим указом фактически зависимого от него государя.

Приход к власти *Токугава* обычно связывается с улучшением экономического положения императорского двора по сравнению с прежними династиями сёгунов, однако возможность оппозиции по отношению к *бакуфу* с этой стороны все же существовала постоянно. Суть политических взаимоотношений этих двух «столпов власти» состояла в том, что сёгун при отправлении правительственных дел не нуждался в разрешении императора, но управлял как вассал императора и от его имени. В то же время вполне уместным казалось существование упоминаемой Установлениями должности «наблюдающего в Киото» *Кёто-сёсидай* — представителя сёгуна в императорской столице, ответственного за поддержание порядка⁴⁵.

Возможность сёгуна фактически ограничивать в действиях формально главенствующего императора обеспечивалась и существованием еще одного института. Монарху надлежало посылать ко двору сёгуна лицо царственного рода, одного из принцев крови *синно* для исполнения почетной должности главы буддийской секты *Тэндай*, к коей был (согласно Установлениям) особо привержен основатель династии *Токугава*, «дабы мольбами упокоя-оберега сгинуло зло [и] было посрамлено насилие»⁴⁶. Имея, таким образом, заложника, сёгун в любой момент мог обеспечить возведение на престол потомка «божественной династии» при низложении неугодного ему императора⁴⁷.

Монархи были надежно изолированы от реальной политики еще задолго до провозглашения *Токугава-бакуфу*, не имели никакого отношения к государственному аппарату и *кузэ* (согласно ст. 7 вышеназванных

⁴¹ Ст. 19 Установлений.

⁴² Ст. 17 Установлений.

⁴³ Статьи 21, [49, 58] Установлений.

⁴⁴ Ст. 17 Установлений.

⁴⁵ Ст. 21 [VI] Установлений.

⁴⁶ Ст. 49 Установлений.

⁴⁷ Конкретный пример этого описан Дж.Ф.Лаудером (см. прим. 46 к гл. 1).

Правил 1615 г.). Не случайно в Установлениях как своде основ управления упоминание о данной группе знати вообще отсутствует: отныне *куэ* — лишь часть двора «Сына Неба», и обращение к ним уместно только в связи с императорской особой. Согласно ст.11 тех же Правил *куэ* под угрозой ссылки вменялось в обязанность беспрекословное повиновение высшим сановникам двора, назначавшимся по воле *бакуфу* [255, с.145]. Следует, однако, заметить, что не предпринималось никаких попыток лишить *куэ* чинов и доходов — аналогия линии Конфуция по упорочению управляемого чиновниками государства: даже понимая, что знать малопригодна для управления обществом, лучше обойтись без значительных конфликтов. Подтверждают это и слова из «*Мэн-цзы*»: «Управлять государством нетрудно. Для этого нужно не обижать знатные фамилии. К кому хорошо относится знать — того будет любить все царство. Кто любим царством — того полюбит и вся Поднебесная» (цит. по: [65, с.103]).

Китайская традиция просматривается и в вопросе политических взаимоотношений императора и сёгуна — о разделении ответственности в случаях «непокойствия в Поднебесной». В Китае вина за беспорядки в стране возлагалась на государя, а в отдельном уезде — на местную администрацию [65, с.114].

Установления же объясняют все несчастья «недостатком добродетели» у императора либо сёгуна, внося в случае прямого, а не переносного толкования текста статьи заметный диссонанс в представления об отсутствии «несовершенноумудрых императоров» в Японии (хотя, возможно, здесь сказалось и вторжение жизни, реальной практики, в теорию). Причина «невызревания пяти злаков» [20, ст.91], бедствований любой из провинций («десяти тысяч стран») и нестабильности в высших слоях общества (судя по всему, среди *куэ*) заключалась в недобродетельности «Сына Неба». Волнения, охватывавшие всю Поднебесную-Японию, и непокой «низших» (включая, видимо, и таких «высших», как *буси*, подчиненных военному правителю) вызывались бесталанностью и недостатком гуманности сёгуна⁴⁸. Последний виновен и тогда, когда «империя стонет от наказаний и преследований» [20, ст.91]. Иначе говоря, вина императора — в том, что несчастья посланы

⁴⁸ Статьи 81, 92 Установлений. Трактовка ст. 92 как «разделение вины» за беспорядки среди «высших» и «низших» (как и перевод В.Я.Костылева, уже приводившийся ранее: «Если число преступников из ... высших ... велико ... недобродетелен Император, а если ... низших ... стыд Сёгуну» [3, с.348]) не совсем согласуется с предлагаемым читателю нашим вариантом перевода, который представится более адекватным: «...наказания и казни во множестве — [свидетельство] отсутствия добродетели у Сына Неба наверху, стыда и позора сёгуна внизу...».

свыше, а сёгун виноват уже конкретно в том, что не смог эти несчастья предотвратить. В начале XVII в. подобные критерии могли быть на руку сёгуну, контролировавшему управление практически объединенной страной; в ближайшее время низшие слои населения, измотанные бесконечными войнами «смутного времени», ничем ему не угрожали.

Неоднозначность трактовки тех или иных заимствованных взглядов и концепций в Японии, ощутимо проявлявшаяся и в Установлениях, привела, в частности, к тому, что в чжусианстве же — опоре бакуфу — было найдено обоснование антисёгунского движения. Подобное было невозможно в первую половину эпохи Эдо, когда бакуфу представляло единственную реальную силу в государстве. Впоследствии же, на фоне изменения объективных условий существования, явилось вполне закономерным зарождение в Японии движения «За почитание императора и изгнание варваров» соннō-дзэи. В самом наименовании течения использовано сочетание соннō, иероглифически почти идентичное китайскому термину цзуньчжу («почитание императора») — категории, восходящей к трактату самого Чжу Си «Путь Правления» [194, с.239].

Основы и принципы организации управления: политическая система и структура бюрократического аппарата

Упомянутая Установлениями теория «пяти первоэлементов» гогэ (кит. усин): дерево-огонь-земля-металл-вода⁴⁹, которая ведет свое начало от древнейших китайских космогонических представлений, воспринятая конфуцианством, нашла в нем отражение в целом ряде концепций. Встречающиеся в одной из статей памятника «пять постоянств» годзэ (кит. учан)⁵⁰ наиболее известны в значениях «пять добродетелей», «пять норм поведения» и включают: человеколюбие — чувство долга — соблюдение ритуала — знание — искренность *нин-ги-рэй-ти-син* (кит. жэнь-и-ли-чжи-синь). Иногда под «пятью постоянствами» подразумевались «пять [взаимо] отношений [между людьми]», иначе называемые и «пятью [этическими принципами взаимно] отношений» горин (кит. улунь)⁵¹. Эта формула также фигурирует в Установлениях: почтительность подданного по отношению к государю, сына — к отцу, жены — к мужу, младшего брата — к старшему, дружеские уважительные отношения товарищей⁵².

⁴⁹ Статьи 6, 88 Установлений.

⁵⁰ Ст. 9 Установлений.

⁵¹ Возможен перевод и как «пять взаимосвязей общества».

⁵² Статьи 9, 40 Установлений.

В отечественном японоведении известно утверждение, что Установления написаны под знаком «человеколюбие» [89, с.59]. Но, скорее, следует говорить о созвучности Установлений всем пяти нормам-постоянствам, хотя бы и разбросанным по тексту без сколько-нибудь заметной системы⁵³. Видимо, можно признать в качестве основных декларируемых Установлениями принципов управления *бакуфу* следование «пяти нормам-постоянствам», равно как и соблюдение «пяти взаимоотношений». Ввиду ориентирования в Японии всех норм на незыблемость позиций «высший – низший» здесь заметно больший вес, чем в Китае, имели почтительность и преданность подданного государю (сёгуну, любому сюзерену) как отцу всего народа (определенной группы), что подтверждают и Установления⁵⁴. В Китае же почтительность к собственному отцу могла все-таки превалировать над отношениями государственного свойства (временное освобождение от исполнения служебных обязанностей на срок траура, неподсудность за укрывательство от властей преступника-отца и т.п.). Если традиционная структура китайского общества опиралась на патриархальную семью, то в Японии налицо, скорее, государство, созданное по типу такой семьи. В этом случае все принципы подчиненности центральной власти сфокусированы и направлены прежде всего на абсолютную вершину этой структуры – императора, «божественный» статус которого превыше всего, и сёгуна (как действительного правителя). Установления детальнейшим образом развивали идею о том, каким надлежало быть «пути управления сёгуна»⁵⁵. Функционирование политической системы должно было четко подчиняться данным положениям.

Как уже говорилось ранее, придворная аристократия *кузэ* была отстранена от несения каких-либо конкретных обязанностей в сфере политики, формально занимая особо привилегированное положение даже по сравнению с «воинами», облеченными реальной властью. Поэтому для обеспечения надлежащего управления Поднебесной и поддержания в ней порядка необходима была организация деятельности прежде всего двух сословий: военного и земледельческого. Обоснование этого в Установлениях содержит неясную ссылку на

⁵³ Статьи [1], 9, 12, 19, 20, 23-26, 30, 31, 41, 53, 55, 58, 59, [60], 61, 67, [68], 76, 79, 80, 84, 85, 91, 98 Установлений. Упоминания о пяти постоянствах и об отдельных категориях из их числа встречаются в следующих статьях: пять постоянств – ст. 9; человеколюбие – статьи 12, 20, 23-26, 67, 76, 85, 98; долг – статьи [1], 12, [19], 24, 30, 53; ритуал – статьи 19, [31], 59, [60], 61, 80, 84, 91; знание – статьи [25], 55, 58, [67, 68, 71]; искренность – ст. [41].

⁵⁴ Ст. 70 Установлений.

⁵⁵ Статьи 10, 12, 23, 50, 55, 76, 77, 85, [90], [92], 95, [96], [98], 100, 101 Установлений.

«древнего мудреца»⁵⁶, хотя в действительности представляет собой прямое заимствование из «Мэн-цзы» [2, т.1, с.238]. Взгляды Мэн-цзы на характер взаимоотношений социальных групп как нельзя лучше отвечали принципам *Токугава*, главной опорой которых также стало зафиксированное Установлениями официальное признание вечности и неизменности положения, при котором благородные в воздаяние за благо управления людом должны кормиться за его счет [2, т.1, с.332].

В целях поддержания единства и предотвращения конфликтов, серьезных трений внутри воинского сословия была создана система посменного участия в службе при дворе сёгуна — *санкин-кōтай*⁵⁷. Законодательно учрежденная как строгий и детализированный институт лишь указами 1635 и 1642 гг., она в действительности, «якобы на добровольной основе» [304, с.608], широко применялась еще во времена *Иэясу*. Содержание статьи Установлений об обязанности *тодзама-даймё* посменно, через год, находиться при дворе сёгуна и в своих владениях полностью соответствует основным чертам *санкин-кōтай*⁵⁸.

Возникновение и существование такого режима, как *санкин-кōтай*, нередко именуемого заложничеством, свидетельствовало о значительной силе центральной власти и постоянном контроле с ее стороны даже над наиболее влиятельными и независимо настроенными *даймё*. Введение порядка подобного рода способствовало дальнейшему укреплению позиций правительства как в политической, так и в экономической областях. Однако бремя финансовых расходов по содержанию двух резиденций (во владениях и в столице), на путевые издержки и пр., возложенное на *даймё*, в конечном итоге пало на плечи податного крестьянства. Впоследствии сроки пребывания *даймё* при дворе сёгуна различались соответственно их категориальной принадлежности (см., например: [304, с.608]). Можно утверждать, что подобный порядок коснулся практически всех слоев *буси* за счет существования «системы стражей месяца» *цукибансэй*. Она предполагала поочередное исполнение обязанностей даже для наиболее высокопоставленных чиновников *бакуфу* (не говоря уже о несении караульной службы и т.п.). Как явствует из Кодекса, именно с подобной сменяемостью связано и то, что на самых ответственных должностях

⁵⁶ Ст. 12 Установлений.

⁵⁷ Большой интерес представляет посвященное системе *санкин-кōтай* исследование Цукахира Тосио [317].

⁵⁸ Ст. 4 Установлений.

государственного аппарата (*самбугэ*, верховного *мэцукэ* и др.) одновременно состояло не по одному человеку⁵⁹.

Многие отечественные и зарубежные ученые оценивают эпоху Эдо как период централизованного феодализма и завершения формирования феодальной государственности. Но остается открытым вопрос о допустимости трактовки японской государственности того времени как абсолютизма при отсутствии ряда существенных черт, свойственных странам Европы. Полного единства мнений здесь не достигнуто и между отечественными исследователями⁶⁰, в чем сказывается недостаток фундаментальных обобщающих работ по проблемам, касающимся характера власти при феодализме. Большинство авторов сходится лишь на признании относительной завершенности процесса объединения Японии при *Токугава*. Структура законодательной, исполнительной и судебной власти подтверждает такое суждение.

Высшая законодательная власть находилась в руках сёгуна. Центральный и местный административный аппарат — средоточие всей исполнительной и судебной власти — также в конечном итоге подчинялись сёгуну. Но даже при самом жестком контроле *бакуфу* всегда сохранялся феодальный иммунитет княжеств *хан* — владений *даймё*. В Установлениях достаточно подробно рассмотрена организация центрального аппарата, хотя и приходится признать, что налицо лишь нечто подобное табели о рангах — иерархическая таблица, по которой не всегда можно судить о конкретных обязанностях тех или иных должностных лиц⁶¹. В большинстве случаев характер таких обязанностей определялся уже самим наименованием поста. Что же касается реальной значимости каждого из них, то Установления, как документ общий, не в состоянии были вобрать в себя все данные, отражение которых возможно только в серии подробных должностных инструкций. Не только в ст. 21, но и в других статьях Установлений, а также в Кодексе приведены отдельные, хотя и безусловно ключевые (например, *тайрō* и *рōсин*)⁶², посты этого аппарата⁶³.

⁵⁹ Статьи 1, 2, [7] Кодекса.

⁶⁰ Краткий обзор литературы по этому вопросу можно найти в публикации А.А.Толстого [218, с.12-15].

⁶¹ Ст. 21 Установлений.

⁶² *Тайрō* упоминается в ст. 21 [I], 27, 59, 61; *рōсин* — в статьях 3, 10, 27, 39, 43, 59, 94, 101 Установлений.

⁶³ Статьи 3, 10, 11, 14, 27, 39, 43, 59, 61, 69, 94, 101 Установлений; статьи 1-3, 7-9 Кодекса.

В целом бюрократическая структура *бакуфу*, представленная в Установлениях⁶⁴, была довольно проста и во многом повторяла систему управления *Токугава*, созданную еще в *Микава* — родовом владении этого феодального дома до взлета к вершинам государственной власти. Высшее положение в аппарате *бакуфу* периода *Эдо* принадлежало тому, кто занимал пост *тайрō* («старейшины»)-канцлера, министра-регента, верховного советника⁶⁵. Эта должность была временной и замещалась только при необходимости (в обычных условиях предполагалась ее вакантность).

Постоянной и подлинной опорой *бакуфу* были Большой и Малый государственные советы — «старейшины» и «молодые старейшины».

Большой совет старейшин до середины XVIII в., как правило, именовался *тосиёри*, а впоследствии, что отмечено в Кодексе, — *рōдзю* либо *го-рōдзю* — «старейшины»⁶⁶. В использованной нами редакции текста Установлений он обозначен терминами *тай-рōдзю* («большие старейшины»)⁶⁷ и *рōсин* («старшие вассаль»)⁶⁸. Уже говорилось о том, что помимо самого сёгуна лишь членам Большого совета было официально дозволено ознакомление с Установлениями⁶⁹.

Малый совет старейшин, известный как *вакадосиёри* — «молодые старейшины» (так определяет его и Кодекс⁷⁰), в Установлениях назван *сё-рōдзю* — «малые старейшины»⁷¹.

Одной из важнейших повседневных обязанностей Большого совета был контроль за всеми делами, связанными с *даймё*, а Малого совета — соответственно курирование *хатамото* и *гокэнин*. Но часть *гокэнин*, привлекавшаяся к *санкин-кōтай* и именовавшаяся *кōтай-ёриай* («собираемые для посменной [службы]»), также

⁶⁴ Зафиксированная в официальном тексте Установлений структура бюрократического аппарата *бакуфу* при *Иэясу* еще не существовала в таком виде. Причина этого несоответствия текста «раннему времени», с которым он идентифицируется, заключена в позднейших изменениях (согласно ст. 13 Установлений), внесенных в документ как бы в обеспечение адекватности описанных в нем структур реалиям иных этапов развития *Токугава-бакуфу*. Так, в 1635 г. при третьем сёгуне *Иэмицу* были созданы должности *рōдзю*, *вакадосиёри*, *ō-мэцукэ*, *мэцукэ*, *самбугё* (*дзися-бугё*, *мати-бугё*, *кандзё-бугё*) [253, с.37]. Тогда же происходит складывание «кабинета *бакуфу*» *баккаку* и определяются должностные обязанности чиновников, занимавших эти посты [253, с.37-40].

⁶⁵ Статьи 21 [I], 27, 59, 61 Установлений.

⁶⁶ Статьи 2, 8, 9 Кодекса.

⁶⁷ Ст. 21 [III] Установлений.

⁶⁸ Статьи 3, 10, 27, 39, 43, 59, 94, 101 Установлений.

⁶⁹ Ст. 101 Установлений.

⁷⁰ Статьи 8, 9 Кодекса.

⁷¹ Ст. 21 [V] Установлений. Как уже отмечалось, *рōдзю* и *вакадосиёри* существовали лишь со времен третьего сёгуна *Иэмицу*.

подчинялась Большому совету. Подобное разделение обязанностей в случае необходимости обеспечивало безболезненную перестройку гражданской администрации на военный лад. Видную политическую роль, начиная со времен пятого сёгуна *Цунаёси*⁷², стал играть *о-собаёнин* – «приближенный», камергер, постельничий⁷³.

Главными чиновниками в сфере гражданской администрации были многократно упоминаемые в Установлениях и Кодексе *дзися-бугё* (министр-*бугё* по буддийским и синтоистским храмам), *мати-бугё* (*бугё*-градоначальники [Эдо, Киото и Осака]) и *кандзё-бугё* (министр-*бугё* по делам казны [и управления землями дома сёгуна]). Нередко они именовались *самбугё* (три *бугё*) и фактически являлись тремя министрами правительства сёгуна. Четыре *дзися-бугё* посменно⁷⁴ занимались вопросами религии, связанными с храмами, монастырями и служителями культа⁷⁵. Четыре *кандзё-бугё* ведали, в первую очередь, финансами, а также всеми административными делами в землях, принадлежавших непосредственно дому сёгуна⁷⁶. *Мати-бугё* (двое – в Эдо, по одному – в Киото и Осака) решали все административные и судебные вопросы в пределах вверенной каждому из них юрисдикции⁷⁷. Вместе *самбугё* составляли ядро *хёдзёсё* (букв. – «Судебная палата») – Верховного суда⁷⁸, рассмотрению и утверждению которого подлежали наиболее

⁷² Токугава Цунаёси (1646-1709 гг.) – пятый сёгун династии; годы правления – 1680-1709 (биографию см.: [251]).

⁷³ Ст. 21 [IV] Установлений. Термину *собаёнин* у В.Я.Костылева соответствует «министр» [3, ст. 21 [III]], у Дж.Х.Габбинса – «секретарь Государственного совета» [16, ст. 21 [IV]]. Как уже отмечалось, не все должности государственного аппарата, названные в официальном тексте, действительно существовали при Токугава Иэясу. *О-собаёнин* как институт, появившийся лишь при пятом сёгуне, – еще один пример такого рода, подтверждающий, с одной стороны, значение Установлений в кругу прочих политических документов Токугава, а с другой – невозможность абсолютной идентификации памятника с именем Иэясу. По этой причине очевидно, что речь идет именно об «официальной» версии Установлений, а не о сохранившемся в первоизданном виде «завещании Иэясу».

⁷⁴ О посменном несении службы (помесечно) уже говорилось ранее в связи с системой *цукibanсэй*. Соответственно каждый значимый пост одновременно занимало несколько человек, исполняя обязанности по очереди.

⁷⁵ Ст. 21 [XII] Установлений; статьи 1, 2, 7-9, 14 Кодекса.

⁷⁶ Ст. 21 [XXVI] Установлений; статьи 1, 2, 7-9, 23, 97 Кодекса.

⁷⁷ Ст. 21 [XXV] Установлений; статьи 1, 2, 7-9 Кодекса.

⁷⁸ В состав Верховного суда *хёдзёсё* входили также *ё-мэцукэ*, наместники-*бугё* (управляющие землями) и другие должностные лица (подробнее см.: ст. 8 Кодекса). В тексте Установлений термин «*хёдзёсё*» не встречается, но есть упоминания о «судебной палате» *кэцудансё* (синонимичное иероглифическое сочетание) (см. статьи 10, 15, 69, 72).

серьезные дела и тяжбы⁷⁹. Исследуемый в настоящей работе Кодекс предназначался именно для *самбугэ*.

Замыкалась на центральный аппарат и зафиксированная в ряде статей рассматриваемых источников система тотального официального надзора со стороны *бакуфу* — *мэцукэ* (букв. — «прикрепленное око», «очи», наблюдающие)⁸⁰. Во главе этой службы стоял *ō-мэцукэ* (Верховный *мэцукэ*), занимавший видное положение в чиновно-иерархической структуре *бакуфу*. Он входил в состав Верховного суда и подчинялся непосредственно Большому государственному совету⁸¹. Система *мэцукэ* имела свою собственную внутреннюю схему соподчинения на всех уровнях — от сёгуна до местных представителей его власти в лице *бугэ* и *дайкан*. Последние нередко пользовались и услугами «внештатных» осведомителей.

Управление в замках и владениях дома сёгуна вне столицы *бакуфу* возлагалось на специально созданную местную администрацию. Особое положение в ней занимали *Кэ-сёсидай*⁸² — резидент-представитель сёгуна в императорской столице Киото⁸³, а вслед за ним *дзэдай* — наместники-представители сёгуна в замках⁸⁴, обычно назначавшиеся для охраны укреплений, принадлежавших дому сёгуна и находившихся в важных стратегических пунктах (*Осака*, *Сумпу*, *Кунō*). В ряд «стран»-земель направлялись *энкоку-бугэ* («бугэ-управляющие дальними странами») в качестве руководителей провинциальной бюрократии⁸⁵. Ниже стояли *гундай* («представители в уездах»), которым вверены были «районы»-уезды с годовым доходом свыше 100 тыс. *коку*, и *дайкан* («чиновники-представители») в округах с доходом 50-60 тыс. *коку*⁸⁶.

Контроль со стороны *бакуфу* за деятельностью *даймэ* на местах был возложен на *дзитō* («глав земель») — прямых вассалов из *хатамото*, наделявшихся землей во вверенном их наблюдению княжестве и взимавших налоги в пользу правительства. По существу — почти аналогия должности *дайкан*, с тем отличием, что *дзитō* вменялось в обязанность представлять интересы сёгуна во владениях

⁷⁹ Статьи 1, 5, 6, 8, 10, 88 Кодекса.

⁸⁰ Ст. 21 [XV, XLVII, XLVIII, L] Установлений; ст. 9 Кодекса.

⁸¹ Ст. 21 [XV] Установлений; ст. 9 Кодекса.

⁸² *Кэ(то)-сёсидай* — должность, учрежденная при *Ода Нобунага* [288, с.57] и упраздненная в 1867 г.

⁸³ Ст. 21 [VI] Установлений; статьи 8, 9 Кодекса.

⁸⁴ Статьи 21 [VII-IX], 63 Установлений; статьи 8, 9 Кодекса.

⁸⁵ Ст. [11] Установлений; статьи 1, 3, 9, 60 Кодекса.

⁸⁶ Ст. 14 Установлений; статьи 3, 7, 10, 11 Кодекса.

иных домов. А потому должность *дзитō* отдельно квалифицируется в различных источниках, в том числе и в Кодексе⁸⁷.

В целом же в землях *даймё*, огражденных от властвования сёгуна значительными иммунитетными правами, самоуправление строилось приблизительно по той же схеме, что и во владениях *Токугава*. Бюрократический аппарат в княжествах *хан* преимущественно повторял систему его организации у *бакуфу*. Если в самом начале периода *Токугава* это было еще не так заметно, то к середине его становится все более очевидным. *Рōдзю* у сёгуна соответствовали *карō* («старейшины дома [*даймё*]»), а *вакадосиёри* и *собаёнин* – «средние старейшины» *тjōрō* и служащий-управитель *ёнин*⁸⁸. Аналогичным образом существовали в княжествах и институты типа *мэцукэ*, были и соответствия *самбугё*, равно как и обычным управляющим *бугё* и представителям *дайкан*.

Место низших сословий в политической системе Японии периода *Токугава* слабо отражено в Установлениях, хотя основные принципы организации управления ими сложились еще при *Тоётоми Хидэёси*: указом 1597 г. было провозглашено воссоздание пятидворок и десятидворок, некогда существовавших в стране, а также обязательность круговой поруки в них⁸⁹. Тем самым правительство возлагало на эти группы ответственность как за их политическую благонадежность, так и за несение фискальных обязанностей перед *бакуфу*. В Китае подобная структура впервые была взята на вооружение легистами, использовавшими самопроизвольно сложившуюся задолго до того систему пятидворок для укрепления почтения к закону и администрации. Предполагалось, что она естественно призвана обеспечивать круговую поруку и перекрестные доносы членов этих объединений, что позволяло держать население в повиновении [65, с.170].

Впервые система пятидворок была введена в Японии еще в период реформ *Тайка* VII в. на основе ранее сложившихся традиций японской крестьянской общины [168, с.135]. Таким образом, факт рецепции института легистского типа не являлся свидетельством обращения к этой идеологии в целом. Практически все заимствования, связанные с теми или иными концептуальными комплексами Китая, воспринимались в Японии как составная часть китайских реалий, нередко утратившая прямую связь с конкретными теориями.

⁸⁷ Статьи 3, 10, 13, 28 Кодекса.

⁸⁸ Иероглифическое написание этих должностей наглядно свидетельствует о родстве их функций.

⁸⁹ Перевод указа см.: [5, с.168-169].

Если система такой групповой ответственности не нашла своего отражения в Уставлениях ввиду самого характера документа, то широкое освещение роли пятидворок *гонин-гуми* в Кодексе, несомненно, свидетельствует о том, что данный институт сохранял свою значимость на протяжении весьма длительного периода. При *Токугава* связанные круговой порукой пятидворки⁹⁰ и селения возглавлялись подчиненными *дайкан* или *гундай* так называемыми *мура-якунин* («должностными лицами деревни»)⁹¹. Они именовались еще и *мураката-саньяку*, либо *дзиката-саньяку* («три должности деревни»). В их число входили *староста-нануси*⁹², его помощники *куми-гасира* («главы [пяти] дворок»), известные и как *тосиёри*⁹³ («старейшины»), либо *оса-бьякусё* («старейшины *хякусё*»), представители рядового крестьянства *хомбьякусё* — *хякусёдай*.

Все это успешно поддерживалось и деятельностью института *мэцукэ*, идея создания которого также, по-видимому, в самих истоках своих была порождена легизмом. Для политики сёгунов *Токугава* вообще был свойствен примат закона над моралью, приоритет правовых норм в любых сферах жизни, ведущий начало также от легистской традиции. Провозглашенное официальной государственной идеологией неоконфуцианство впитало в себя к тому времени черты множества других теорий и концепций, в том числе и совершенно несовместимых с ним на более ранних этапах.

Дом и семья «иэ» как основа традиционного японского общества

Формы, социальные функции и роль семьи напрямую связаны с характером и уровнем развития производительных сил и производственных отношений, спецификой надстроечных институтов данного общества. Различия в трактовке семьи как формы брака, ее моральных устоев для отдельных социальных слоев свидетельствуют о неравенстве их экономического положения.

⁹⁰ Статьи 1, 24, 25, 28, 44, 59, 98 Кодекса.

⁹¹ Ст. 98 Кодекса.

⁹² Статьи 1, 18, 25, 28, 30, 44, 59, 93, 98 Кодекса.

⁹³ *Тосиёри* — иероглифически является составной частью сочетания *вакадосиёри* (наименование Малого государственного совета) в организационной структуре *бакуфу*.

В полном соответствии конфуцианским канонам⁹⁴ Установления определяют патриархальную семью как первичную основу, изначальное звено в государственной структуре, образующее практически все связи в обществе. Именно в принципах семейной морали и заключена исходная суть учения Конфуция в приложениях к низовым социальным ячейкам. Отношения супругов, согласно взглядам Конфуция и его последователей, всегда входили в число пяти нравственных взаимосвязей в обществе (кит. *улунь*; яп. *горин*). Принцип патриархальности («патриарх»-*кафутэ*⁹⁵ – глава рода), будучи основным стержнем конфуцианской семьи, как бы привносил в ее рамки отношения типа системы вассалитета – «государь – подданный» *кунсин*.

⁹⁴ Роль семьи как первоосновы государственной структуры описана в каноне «*Дасюэ*» («Великое учение»), который сначала являлся лишь одной из глав «*Лицзи*» («Книги Ритуалов»), уже в I в. до н.э. входившей в состав конфуцианского «Пятикнижия-*Уцзин*», позднее, в XII в., в качестве самостоятельного произведения «*Дасюэ*» был включен неоконфуцианцами в «Четверокижние-*Сышу*», или Малый канон. «В древности тот, кто желал проявить в Поднебесной свои светлые свойства, прежде всего надлежало правил своим государством; тот, кто желал надлежало управлять своим государством, прежде всего держал в порядке свою семью; тот, кто желал держать в порядке свою семью, прежде всего совершенствовал самого себя; тот, кто желал совершенствовать самого себя, прежде всего делал правым свое сердце (душу); тот, кто желал сделать правым свое сердце (душу), прежде всего делал свои мысли истинными; тот же, кто желал сделать свои мысли истинными, прежде всего достигал знаний; достижение же знаний заключается в познании вещей. Вещи постигнуты – и знание доведено до высших пределов; знание доведено до высших пределов – и душевные проявления мысли истинны; душевные проявления мысли истинны – и душа правильна; душа правильна – и сам совершенен; сам совершенен – и дом в порядке; дом в порядке – и государство надлежало управляется; государство надлежало управляется – и Поднебесная в состоянии мира» (цит. по: [194, с.402]). Китайская классика именует вышеизложенное восемью ступенями в искусстве управления (яп. *хатидзэмоку* – термин встречается в ст.98 Установлений). Сходная концепция приписывается и трем легендарным древнейшим китайским правителям времен «золотого века» (*Яо*, *Шунь* и *Юй*): «Правитель – отец своего народа» [64, с.57].

⁹⁵ *Кафутэ* (яп.) – отец, глава семейства, патриарх. На роли патриарха в японской семье феодальных времен останавливается в своих исследованиях Тоёда Такэси [265, с.121-125]. Если вести речь о применимости этого понятия в более широком плане (по отношению к государству), то стоит упомянуть о весьма интересном наблюдении Р.Дж.Смита, свидетельствующем также о глубоком синтезе компонентов в триаде учений: «Путь подданного определяется в конфуцианских терминах преданности (*loyalty*) и сыновней почтительности, но звучит так, как будто он и аспект древней японской традиции» [310, с.16]. Однако среди доказательств недостаточной развитости в феодальной Японии патриархальных отношений, довольно слабой связи корней этой системы с местными традициями было и сохранение порой в японской деревне, даже в период *Эдо*, некоторых черт матриархата (при усиленном насаждении правительством прямо противоположных конфуцианских воззрений). В данном плане большой интерес представляет публикация А.Корнеелла о женщине как главе семьи и принципах наследования в деревне при сёгунах *Токугава* [278].

Одна из редакций текста Установлений следующим образом комментирует разделение обязанностей мужа и жены: «Хороший муж заботится о делах, находящихся за пределами дома, в то время как хорошая жена занята домашними делами. Когда жена начинает касаться дел, находящихся за пределами дома, ее муж теряет свое дело — это первый признак крушения семьи. Все это равносильно тому, как если бы насадка была одержима мыслью кукарекать на заре. Каждому воину следует знать об этом. Это подспорье в знании сущности людской» [20, ст.55]. Подобных наставлений, касающихся регулирования семейных отношений в среде простолюдинов, не содержится ни в Установлениях, ни в Кодексе. Хотя отдельные указы, регламентировавшие жизнь крестьян, свидетельствуют о сходном распределении обязанностей и в семьях земледельцев⁹⁶.

Моногамия в браке считалась обязательной только для простолюдинов. Та же редакция текста Установлений содержит указание на существование полигамии, хотя и ограниченной определенными рамками, для мужчин из высших слоев общества. Однако предпочтение наложнице супруге считалось аморальным, поскольку нарушало одно из главных отношений между людьми [20, ст.54], а также, несомненно, наносило удар по правам собственности и наследования. Именно потому положение жены для наложницы таково же, как сюзерена — для вассала, господина — для слуги [20, ст. 54]⁹⁷.

⁹⁶ Об отношениях в семьях земледельцев говорилось в многочисленных указах о регламентации жизни крестьян. Так, в ст.15 «Указа о регламентации крестьянской жизни» («*Kýian o-furzagat*») за 1649 г. записано: «Мужчина должен работать по крестьянству, а женщина — за ткацким станком; и муж, и жена должны работать допоздна. Если жена безучастна к работе мужа, любит распивать чай, ходить по гостям, на паломничества, с нею надо развестись, даже будь она собою очень красива. Но дело другое, если она мать многих детей и [ли] если женитьба произошла в знак благодарности кому-либо за оказанное благодеяние. Надлежит ценить жену, пусть даже некрасивую, и заботиться о ней, если она на первое место ставит хозяйство» [5, с.188].

⁹⁷ В ст.54 в переводе Дж.Ф.Лаудера говорится: «Положение жены по отношению к наложнице таково же, как сюзерена к вассалу. Император имеет двенадцать императорских наложниц. Принцы крови могут иметь восьмерых наложниц. Военные высшего класса — пятерых любовниц. *Самурай* [рядовой воин. — А.Ф.] может иметь двух прислужниц. Ниже всего — простой женатый человек.

Мудрец из древних поведал это в «Книге ритуалов», и это было неизменным законом с древности до наших дней.

Слабые умом и невежественные люди пренебрегают своими женами ради любимых наложниц и тем самым нарушают самое важное отношение. В древние времена падение замков и гибель царств — все происходило из этого одного. Почему нет избавления от страсти, что охранило бы? Кто увяз столь глубоко — что воин без преданности и искренности» [20, ст.54].

Нарушение супружеской верности в среде военных, по Установлениям, влекло за собой наказание для обеих сторон⁹⁸. В случае же возникновения подобных прецедентов в кругу прочих сословий следовало всецело полагаться на ту или иную просьбу оскорбленного супруга (покарать провинившихся или нет), поскольку «народ – единство во плоти *инь* и *ян*, нет [на нем] вины, что требовала бы [осуждения за] зло»⁹⁹, это «естественная потребность человека» [3, ст.40]. Утверждение таких законов было мотивировано необходимостью охранения чести и родовитости знатных домов, равно как и защиты их прав собственности. Здесь играла роль уже не столько конфуцианская установка о семье как основе устойчивости государства, сколько элементарная забота властей о гарантиях прав высших слоев общества. Хотя бесспорно и то, что это в любом случае отвечало конфуцианским установкам: «благородные» более разумны, поэтому требовательность к ним и выше. Что же касается простонародья, то большой нужды в проявлении о нем подобной заботы не было. Вполне естественно, что семья в сфере высших сословий значительно больше соответствовала официальным представлениям и канонам¹⁰⁰.

Рассмотрение того же вопроса в Кодексе в аналогичной трактовке (необходимость наказания всех виновных) уже не содержит указаний на какие-либо сословия вообще¹⁰¹. Здесь налицо два возможных объяснения. Во-первых, Установления были документом, адресованным «воинам», а потому акцентировали внимание преимущественно на вопросах их существования. Во-вторых, к середине XVIII в. влияние в обществе городских сословий (торгового и ремесленного) заметно выросло, а вместе с тем насущной стала и проблема охраны их собственности. По-видимому, такие изменения в расстановке социальных сил и вызвали потребность некоторого уточнения этих законов¹⁰².

Оба документа практически не уделяли внимания правам наследования в среде низших сословий. Исключение составляла единственная статья Кодекса – о разрешении спорных вопросов крестьянского землепользования управляющими сёгуна *дзитō*¹⁰³.

⁹⁸ Ст. 40 Установлений.

⁹⁹ Ст. 40 Установлений.

¹⁰⁰ В понимании института семьи среди каждого круга сословий существовали определенные различия. Так, Китадзима Масамото отдельно характеризует семьи *шошюв* [253, с.69-72], земледельцев [253, с.93-96] и горожан [253, с.117-118]. Пример несоответствия семьи из низших сословий официальным понятиям о таковой – то сохранение опутимых следов матриархата в японской деревне времен *Токугава* [278].

¹⁰¹ Статьи 48-50, 90 Кодекса.

¹⁰² Статьи 49, 50 Кодекса.

¹⁰³ Ст. 3 Кодекса.

Наследование у воинов в то время, как явствует из Установлений, строилось по принципу майората, младшим же сыновьям полагалось, достойно сочетавшись браком, войти в иные, равные по знатности, фамилии¹⁰⁴. Если сёгуну не мог наследовать сын от наложницы, то для *даймё* такое уже вполне допускалось, когда речь шла о старшем сыне. В случае смерти последнего в возрасте моложе 15 лет наследником становился младший брат. Завещагелям дозволялась передача прав наследования приемному сыну по достижении 16-летнего возраста¹⁰⁵.

Таким образом, оба документа, особенно Установления, имели определяющее значение в развитии официальной общественно-политической мысли эпохи *Эдо*.

Ориентация на чжусианство и последующее принятие его режимом *Токугава* в качестве официальной государственной идеологии стали важными явлениями, шедшими, к тому же, в русле прежних заимствований. Уже устоявшаяся негибкость в трактовке теории *инь-ян* и жесткая фиксированность позиций «верх – низ» оказались более чем подходящей основой для утверждения неоконфуцианской концепции «деления по именам» и абсолютизации однажды установленной сословно-иерархической градации для детального регламентирования всех сфер жизни общества.

Установления создавались как наставление основателя династии *Токугава* своим потомкам, как руководство по управлению государством и регулированию взаимоотношений прежде всего в рамках стоявшего у кормила власти сословия «воинов»; Кодекс явился логическим завершением, итогом развития сложившейся правовой системы феодализма, где нашла отражение попытка предотвратить либо сдержать разложение устоев и структур феодального общества.

Представляется, что ведущий принцип реализации власти сёгунов *Токугава* весьма походит на древнеримский девиз «Разделяй и властвуй!» С одной стороны, это разделение общества на сословия и регламентация их жизни, а с другой – жесткий контроль за местными владельцами *даймё*, обеспечение гарантий их подчинения центру и изолированности друг от друга (а вместе с тем и от императора) с целью оградить *бакуфу* от попыток консолидации любых возможных противников существующего режима.

¹⁰⁴ Статьи 27, 28 Установлений; см. также: [20, ст.80].

¹⁰⁵ Ст. 28 Установлений.

В регулировании жизни низших слоев населения долгое время особую роль играла такая форма их самоуправления, как институт пятидворок (круговая порука, обязанность взаимной слежки и дублирующий контроль местных властей и *мэцукэ*). В Кодексе явственно зафиксирован тот факт, что пятидворки и в XVIII в. сохраняли свое значение как опора уже разрушавшихся феодальных общественных отношений, все большими темпами размывавшихся не только в усиливавшихся городах, но и в сельской местности. Все это говорило об очевидном движении к краху всей системы феодальной земельной собственности.

Контроль *бакуфу* за княжествами и их хозяевами всецело опирался, во-первых, на институт «заложничества», «посменного несения службы» *санкин-кōтай*, сутью которого было периодическое присутствие местных удельных владетелей при дворе сёгуна, и, во-вторых, – на постоянное представительство сёгуна практически во всех землях (в лице *бугэ* – в центральных городах и собственных владениях дома *Токугава*, *дзитō* – в землях *даймэ*, *Кёто-сёсидай* – в самой императорской столице), что дополнялось наблюдением-слежкой вездесущих контролеров *мэцукэ*.

Центральный аппарат стремился избежать какого бы то ни было сосредоточения власти в одних руках. Целью, скорее, ставилось распыление ее благодаря существованию «помесичной службы» *цукибансэй*. Даже исполнение обязанностей на высших, наиболее ответственных ключевых постах в правительстве сёгуна не замыкалось на одном лице, а распределялось между несколькими, поочередно сменяемыми друг друга сановниками.

Оценивая систему управления эпохи *Эдо* как пример весьма жесткой централизации даже при сохранении сильного иммунитета княжеств, не представляется возможным поддержать суждение о Японии этих времен как абсолютистском государстве из-за отсутствия комплексных системных обобщающих исследований по проблеме абсолютизма в целом, поскольку централизация сама по себе еще отнюдь не означает абсолютизм.

Конфуцианство как система взглядов внедрялось и поощрялось в первую очередь высшими слоями общества. То была действительно официальная государственная идеология «верхов», всячески насаждавшаяся (а при *Токугава* – успешнее, чем когда-либо ранее) и в «низах», в народе, который вынужден был следовать линии правительства.

Примеры несоответствия этим установкам можно найти, обратившись к рассмотрению семейной организации. Несмотря на насажденные патриархальных конфуцианских принципов во всех сферах, в

японской деревне периода Эдо реально сохранились отдельные черты матриархата [278], естественно, не зафиксированные Установлениями и Кодексом как документами сугубо официального предназначения.

По-видимому, трактовка Установлениями уз брака, как священных для круга высших сословий, обуславливалась более требованиями гарантий прав собственности, нежели стремлением сохранить извечную, по конфуцианским канонам, основу устойчивости государства. Для низших слоев вплоть до времен появления Кодекса соблюдение таких правил не представлялось необходимым. С точки зрения позднейшей морали можно предположить, что брак в среде низших сословий не рассматривался как нечто непреложное именно потому, что речь шла о неблагородном «малом человеке». С благородных же и просвещенных «мужей», которые должны были этим людом управлять, руководствуясь высокими принципами, и спрашивать следовало по-иному.

Если для конфуцианства в Китае все было в той или иной мере логично, естественно, корнями уходило в глубь веков, то в Японии эти и иные заимствованные концепции не сразу становились «своими» – общераспространенными и общепринятыми во всех группах населения, а лишь по освоению, некотором изменении и приспособлении к собственной специфике и насущным требованиям времени.

Примеры тому – и крайняя жесткость в восприятии системы *инь-ян*, в действительности гибкой и способствующей эволюции, и смещение акцентов в формуле «пяти взаимоотношений между людьми». Если в Китае на первом месте находилось отношение «отец – сын» и опорой государства являлась прежде всего ориентация на патриархальную семью и ее устой на всех уровнях общества, то в Японии более превалировало отношение «государь – подданный». Это и предопределило существование государства, созданного, скорее, по типу патриархальной семьи, где правитель («Сын Неба») – единственная, хотя и недоступная практически ни для кого, почти абстрактная вершина и абсолют, божественный «отец всего народа», а *сёгун* – реальное лицо, принявшее бремя забот текущего управления страной, а потому являвшееся более близкой и достижимой фигурой этой патриархально-иерархической пирамиды.

Официальная государственная идеология Японии периода Эдо может именоваться неоконфуцианством *Токугава* либо идеологией *Токугава*, преимущественно ориентированной на эту традиционную китайскую систему взглядов, но ни в коем случае не чжусианством как таковым в сколь-нибудь чистом виде. Конфуцианство и в Китае существовало

в рамках триады учений — вкупе с *дао* и буддизмом, при наличии отдельных направлений в каждом из них, а также местных культов. Задолго до этого времени оно уже приобрело явный отпечаток всего комплекса традиционных учений-систем. Для Японии типичным оказывалось восприятие китайских реалий как некоего цельного комплекса вне четкого разделения на конкретные течения той или иной эпохи. Так, в исследуемых источниках крайне редки либо вовсе отсутствуют упоминания о собственно неоконфуцианстве, даосизме и пр. Совершенно не прослеживается и сколь-нибудь существенная градация этапов развития самого конфуцианства, его направлений и школ. В качестве примера такого рода можно привести детальное освещение в тексте Установлений конфуцианских комплексов «пяти постоянств» и «пяти взаимоотношений между людьми» в завершённом пятичленном виде, сложившемся в действительности далеко не сразу, наряду с отдельными чжусианскими концепциями (например, о соотношении идеального и материального начал, о месте в обществе государя и подданных). Хотя неоконфуцианство при *Токугава* и являлось государственной идеологией, основой идейно-политической линии правительства, оно в то же время оставалось и составной частью японской триады учений, объединившей *синтō*, буддизм и конфуцианство.

Наличие в стране, как может показаться, двух правителей (императора и сёгуна) недопустимо определять как двоевластие. При формальном приоритете статуса императора (священного главы государства) он находился в состоянии, реально зависимом от действительного правителя-сёгуна, безусловное сосредоточение власти в руках которого оправдывалось «всепокорнейшим избавлением Сына Неба от пустых и тщетных забот-тягот бременного мира».

С таким размежеванием власти связано и идеолого-теоретическое обоснование положения воинов *си* как «новой знати» (появление подобной категории характерно и для других стран на определенных этапах исторического развития).

Определение статуса императора как «божественного» не допускало возможности смещения его с престола отпрыском иной фамилии, а потому теория о «переходе Небесного мандата» при смене династий правителей страны оказалась реально приложимой к институту *бакуфу*, равно подверженному влиянию и прочим аспектам «династийности» (в частности, необходимости следования «заветам предков» во имя процветания рода).

Неоднозначность трактовки и восприятия различных китайских категорий и концепций давала возможность повернуть против *бакуфу*

те или иные стороны того же чжусианства. Идеологическое обоснование движения *сонно-дзёи* в конце эпохи *Эдо*, направленного против *бакуфу* как формы правления, оказалось непосредственно связанным с воззрениями самого Чжу Си. Тем не менее политическая система японского общества, определяемая в основном Установлениями и Кодексом, опиралась на идеологию Чжу Си вплоть до конца существования династии *Токугава*.

Заключение

В нашей стране издано сравнительно немного переводов японских источников по периоду Эдо. Это затрудняет любые комплексные исследования, связанные с развитием общества и культуры Японии того времени вообще. Данная книга способствует введению в активный научный оборот отечественного востоковедения «Стостатейных установлений Токугава» 1616 г. и «Кодекса из ста статей» 1742 г.

Проведенное исследование «Стостатейных установлений Токугава» и «Кодекса из ста статей» позволяет сделать выводы о характере памятников и породившей их эпохе. Кроме того, сделаны некоторые заключения об общественном устройстве, праве и идеологии Японии периода Эдо. На основании этих заключений, учитывая характерные особенности развития страны в XIX–XX вв., можно высказать ряд суждений по поводу отдельных, не всегда легко объяснимых, реалий современного японского общества.

Итак, очевидно, что, несмотря на наличие одинакового сочетания «сто статей» в полных наименованиях рассмотренных исторических источников, они представляют собой совершенно различные документы времен правления сёгунов из дома Токугава как по своему содержанию, так и по предназначению. Установления являлись руководством в управлении государством для наследников первого сёгуна династии – Токугава Иэясу. Первоочередное внимание в них уделялось реальным проблемам регулирования отношений внутри воинского сословия *си* – фактических вершителей судеб страны. Кодекс же, будучи юридическим документом, представлял собой итог эволюции правовой системы феодальной Японии, отразив и начало объективного разложения существующего строя.

Возможно, создатели Кодекса не случайно назвали его «стостатейным», тем самым как бы подчеркивая своеобразную родственность Установлениям. Даже такого рода связь с «заветами» Иэясу могла способствовать приданию Кодексу весомости и авторитета основополагающего свода

законов. Допустима и мысль о намерении *бакуфу* изданием юридического документа, по наименованию сходного с сугубо конфиденциальными «заветами потомкам», но явно более открытой направленности, еще больше способствовать дальнейшему сохранению собственно Установлений в строжайшей тайне. Неправомерно применение сокращенных названий этих источников («сто статей», «сто законов», «сто параграфов»), равно приложимых к обоим, так как это затрудняет восприятие.

Законодательство *Токугава* явилось итогом эволюции, вершиной традиционного японского правотворчества вообще, а Установления и Кодекс, в свою очередь, – выраженная квинтэссенция, очевидное ядро правовой системы данного периода. Для правовых источников (к которым, с надлежащими оговорками, относимы и Установления) обыкновенно характерны определенная тенденциозность и неизбежно запоздалое фиксирование новых форм общественных отношений. Но специфика обоих документов, цели их создания и социальная значимость, предусмотренная возможность вносить (следуя «велениям времени») дополнения и изменения обусловили более или менее адекватное отображение в них исторических реалий XVII – середины XVIII в. Анализ информации о социальных и правовых институтах, системе отношений собственности, политической организации и идеологии, содержащейся в указанных источниках, дает возможность уточнить и подтвердить ряд конкретных суждений, касающихся уровня развития японского общества в первой половине периода *Токугава*.

В процессе изучения социальных институтов и идеологических концепций, важных для верного и глубокого понимания реалий японского общества как середины XIX – начала XX в. (нередко именуемого периодом «модернизации»-*киндайка*), так и современности, пристальное внимание уделялось сравнительно-историческому анализу. Помимо сопоставления Восток – Запад, детального исследования потребовали и черты сходства с другими странами дальневосточного региона. Кажущееся внешнее родство часто оборачивается существенными внутренними различиями. Например, сословная терминология и политические концепции Японии периода *Эдо* хоть и восприняты у Срединного государства, но выросли и дали плоды на почве Страны Восходящего Солнца.

Любое заимствование чаще всего сразу же предполагало специфику в понимании внутреннего содержания и характера используемой китайской категории или концепции. Так, по результатам анализа происхождения и реальной значимости японского сословия *си* (кит. *ши*) предлагается квалифицировать его не просто как «военное» (отдавая

полный отчет в том, что это общепринятый перевод), а как военнo-чиновное. Во всяком случае, необходимо хорошо представлять, какой смысл вкладывали в этот термин японцы. Учитывая возможность более широкой трактовки понятия *си* в значении « [просвещенный благородный] муж» (ориентированной на исконную китайскую семантику слова), следует иметь в виду и возможность определенного отождествления самой категории с понятием «представитель правящего класса» (феодал в современном восприятии).

Фактический материал, содержащийся в Установлениях, неопровержимо свидетельствует о том, что начало XVII в. – время функционирования централизованного государства, когда процесс политического объединения страны уже завершился. Феодалный строй в Японии укрепил свои позиции, продолжалось его дальнейшее развитие по восходящей линии в рамках натуральной экономики и феодальных производственных отношений. Безраздельно господствующей формой собственности в этот период продолжала оставаться феодальная земельная собственность, а основными антагонистическими классами – феодалы и достаточно однородное еще в своей массе крестьянство.

Констатируя существование официальной четырехсложной формулы сословного деления (феодалы – крестьяне – ремесленники – торговцы), Установления в самом общем виде рассматривали круг жизненно важных проблем двух первых ее составляющих, преимущественно регулируя взаимоотношения внутри одной основной правящей группы класса феодалов – военно-чиновного сословия. Что же касается земледельцев, то Установления, по сути, ограничились только определением их места в общественной иерархии.

Ремесленники и торговцы лишь упомянуты в Установлениях, ибо предполагалось, что они не играют сколь-нибудь существенной роли в государстве¹. Городские сословия не утвердились еще на позициях ведущей производительной силы общества, главной опорой которого пока являлось натуральное хозяйство, а основным занятием – земледелие.

Зато содержание Кодекса уже свидетельствует о наличии столь явных процессов изменения устоев феодального правопорядка к

¹ Касаая роли ремесленного и торгового сословий в своей стране, Хаясия Тацусабурё отмечает, что переход от средневековья *тидсэй* к новому времени *кинсэй* – это период только начала складывания и становления городов [271, с.327]. Как отмечает А.В.Зенина, в Японии «становление всех типов городов ученые относят к XVII в.» [107, с.40]. О феодальных городах Японии более раннего времени см. также [116].

середине XVIII в., что стала неизбежной фиксация их в документах государственного значения и нормативных актах правительства. Видимо, только с XVIII в. ввиду трансформации социальных функций города, зарождения мануфактурного хозяйства и иных подобных процессов заметно развиваются товарно-денежные отношения и усиливается роль городских сословий. Как результат, при сохранении определенных, специфически-негативных конфуцианских представлений о торговле и консерватизме правовой сферы в целом, начинает проступать тенденция к складыванию свойственных буржуазному законодательству категорий – юридического лица, собственности и т.п. Основы этих понятий в Европе были достаточно четко сформулированы еще римской юриспруденцией. Японское же право, уходящее своими корнями в конфуцианство и другие традиционные учения дальневосточного региона, оказалось вполне способным овладеть ими лишь во второй половине XIX в., прибегнув к новой рецепции права – на этот раз не китайского, а западного.

Материалы Кодекса вполне согласуются с представлениями о том, что предела в своем развитии японский феодализм достигает на рубеже XVII-XVIII вв. в эру *Гэнроку*, с которой начинаются очевидное перерождение и распад его устоев. Далеко не случаен выход в свет Кодекса в 1742 г., по завершении первого этапа «трех больших реформ периода Эдо» (*Эдо-дзидай сандай-кайжаку*) – реформ годов *Кёхо* начала XVIII в. Доработка текста при *Мацудайра Саданобу* совпадает со вторым этапом этой вынужденной деятельности правительства по укреплению основ строя – преобразованиями годов *Кансэй* конца XVIII в. Никак не связан с развитием этого документа лишь третий этап – реформы годов *Тэмпо* середины XIX в., явившийся последней тщетной попыткой предотвратить крах феодального общества и *бакуфу* как формы политического правления.

Кодекс создает достаточно полное представление о мероприятиях, проводившихся *бакуфу* с целью приостановить процесс обезземеливания крестьянства, подробно регламентируя вопросы передачи прав собственности на землю. Налицо и ускоренный рост товарно-денежных отношений внутри страны при сохранении, однако, некоторых черт натурального хозяйства (так, главным мерилем ценности по-прежнему оставался рис). Регулируя жизнь сельского населения, Кодекс не меньшее внимание уделял и сословию горожан *тёнин*, заставившему наконец заговорить о себе в полный голос, принудив правительство вникнуть и в проблемы торгово-ремесленных слоев. Заключение разного рода сделок, выплата долгов и иные подобные вопросы становятся насущными требованиями времени, регулировать и

решать которые пристало лишь государству.

Факт составления Кодекса полвека спустя после годов *Гэнроку*, когда начали ощутимо проявляться тенденции к социальным изменениям, был следствием не только объективных причин (таких, как естественное отставание форм надстроечных институтов), но и субъективных. Среди последних, несомненно, присутствовало и усугубленное неоконфуцианскими представлениями стремление ко всяческой консервации различных сфер жизни общества.

Исследование показало, что оба памятника (и особенно Установления) действительно являлись документами, оказавшими существенное воздействие на ход эволюции официальной общественно-политической мысли эпохи *Эдо*. Ставшие уже естественными жесткость, прямолинейность в восприятии ряда заимствованных из Китая теорий и концепций оказались благодатной почвой для постепенного утверждения в качестве официальной государственной идеологии неоконфуцианства, рациональное зерно которого виделось в принципе «деления по именам» и в абсолютизации сословно-иерархической структуры, в детальнейшей регламентации функций социальных институтов. Установления, как политический завет потомкам, и Кодекс, как давно необходимый обществу юридический свод, отвечающий требованиям времени, способствовали осуществлению этих целей на практике.

Главенствующие политические принципы реализации власти при сёгунах *Токугава* заключались в строжайшей регламентации обязанностей сословий и отдельных групп, существовавших внутри них (при жесткой фиксированности самой сословной структуры), наряду с постоянным контролем за исполнением этих обязанностей всеми слоями (и особенно местными князьями *даймё*). Эти принципы нашли свое воплощение в целом ряде социально-политических институтов. Среди них: система связанных круговой порукой пятидворок *гонин-гуми*, где «самоуправление» крестьян дублировалось надзором местных властей и правительственных контролеров *мэцукэ*; посменная служба *даймё* при дворе сёгуна *санкин-кōтай*; поочередное исполнение должностных обязанностей даже наиболее высокопоставленными лицами аппарата *бакуфу* согласно «системе стражей месяца» *цукибансэй*; постоянное представительство сёгуна практически во всех землях, несмотря на «иммунитетные права» княжеств *хан* (от *Кёто-сёсидай* в императорской столице до *бугё* в крупнейших городах и землях *Токугава*, *дзитё* во владениях *даймё*, *гундай*, *дайкан* и иных чиновников).

Официальной опорой принципов реализации политической власти служила неоконфуцианская идеология, порой существенно отличная от своего китайского прототипа, — неоконфуцианство *Токугава*. Можно говорить, скорее, о японской специфике восприятия² китайской традиционной культуры.

Доньше в Японии популярны теории о своеобразии и уникальности общественных отношений и политических структур современного японского государства (типологически определенного в таких случаях как «*семейственное общество*» *изэ*, опирающееся на те же конфуцианские принципы семейной организации). Здесь следует сказать несколько слов и о некоторых особенностях социального и правового сознания японцев, связанных со старой феодальной традицией и продолжающих оказывать воздействие на различные сферы жизни общества и конкретные поступки отдельных индивидуумов.

Как известно, письменное право любой страны неизбежно исходит из обычаев, а потому естественно фиксирование в законах и моральных принципов. В свою очередь, это накладывает отпечаток и на правосознание нации. Тем не менее если провести аналогию с Западом, то представляется, что и сегодня в правосознании японцев преобладает моральное начало. До настоящего времени в этой стране продолжает сохраняться восприятие права как некоего двуединого комплекса собственно права *хō* (кит. *фа*) и ритуала-этикета *рэй* (кит. *ли*), восходящего к конфуцианским нормам. Безусловно, взаимодействие

² В связи со спецификой восприятия значительный интерес представляет ряд наблюдений, приводимых американским японоведом Р.Дж.Смитом. Характеризуя особенности процессов заимствования идей и их дальнейшего восприятия, он считает уместным начать с высказывания Нода Ёсиюки о том, что «идеи для японцев — не более чем орудия, которые могут быть применены для различных целей. Если пилой работы не сделать — ты можешь применить топор. Таким же образом, если конфуцианство не дает желаемого результата, можно прибегнуть к буддизму», «либо, можем мы добавить, — к синто», — заканчивает эту мысль Р.Дж.Смит [310, с.14]. По его мнению, японцам вообще более свойственно при культурных заимствованиях цельное восприятие, включение (инкорпорирование) культурных комплексов, нежели их растворение, рассеивание (ассимиляция) [310, с.10]. Возможно, это отчасти и верно, по крайней мере, почти всегда можно рыться корни таких заимствований и проследить их последующий путь уже в японской культуре. По-видимому, следствием подобной, не только религиозной, но и (в более широком плане) идеологической терпимости является, по словам другого ученого, Т.К.Смита, и то, что «модернизация представляется большинству японцев, которые думают обо всем этом, не как процесс, в котором присутствует конфронтация традиционного и современного не на жизнь, а на смерть, но как динамическое слияние этих двух [составляющих]» (цит. по: [310, с.25]).

закона и морали³ всегда свойственно правосознанию, но в традициях Дальнего Востока в целом и Японии в частности это проявляется до сих пор и более рельефно. Видимо, именно этой причиной предопределена и такая черта характера японцев, как склонность «придавать перво-степенное значение не столько сути, сколько внешней стороне своего поведения» [147, с.274].

Какие же из традиционных черт старого права и идеологии сохранились и реально осязаемы поныне? Преимущественно это аспекты, напрямую связанные с пониманием вопросов права и морали в «конфуцианском государстве»⁴, каковым, судя по всему, полагали Японию и сёгуны *Токугава*: «пять постоянств» *годзё* (кит. *учан*), «пять взаимоотношений» *горин* (кит. *улунь*), особенности исторически сложившихся взглядов на семью, ряд общественных институтов (например, объединения-пятидворки). Роль этих бытовавших ранее принципов и реалий сегодня не всегда однозначна. Рассмотрение подобного вопроса во всей полноте требует специального исследования, а потому уместно привести лишь некоторые исторические параллели.

Из «пяти постоянств», известных и как «пять добродетелей», кроме уже упоминавшегося ритуала-этикета, распространен сейчас и производный от конфуцианского понятия «долга-справедливости» *ли* (кит. *и*) «принцип долга» *гири* как социальные нормы поведения (индивидуальная ответственность внутри коллектива и групповая ответственность коллектива как целого).

Преобладание отношения «государь – подданный» над остальными четырьмя из «пяти взаимоотношений» привело к полярной смене акцентов: от патриархальной семьи как первоосновы государственности в Китае к патриархальному государству, опирающемуся на такую семью в Японии. Иными словами, теоретически оправдывалась необходимость строгого монархического режима в качестве признанной абсолютной вершины патриархального общества. Доныне известно и понятие

³ По-японски слово «мораль» обычно передается сочетаниями *дотокү* (букв. – «добродетель Пути»), *ринри* (букв. – «принцип [взаимо]отношений»); близкий смысл имеет термин «*току*» (кит. *дэ*; букв. – «добродетель», «мораль»). Значение *дэ* как «благой силы» более подробно рассматривалось также в гл. 3, раздел «*Император и сёгун: место в политической системе*».

⁴ Саму суть соотносительности конфуцианских традиций с жизнью современного государства хорошо определил Р.Дж.Смит. Основную задачу своего исследования о японском обществе он видел в том, чтобы при упадке конфуцианских представлений и правопорядка все же выявить ту степень, до которой традиция продолжает воссоздаваться, преследуя социальные цели [310, с.36].

«*он*» (кит. *энь*) как признательность за благодеяния родителям, учителю, связанное также с конфуцианской сыновней почтительностью *кё* (кит. *сяо*). Но и здесь в восприятии классической категории акценты оказались сдвинуты, самое важное – проявление преданности государю либо сюзерену (нежели отцу), превыше всего – социальный статус, соблюдение иерархии общества. Исходное значение и место самих категорий относительно друг друга изменено.

Некогда почти идеальной формой, отображавшей всю суть феодальной иерархической организации в государстве, опирающемся на патриархальную семью как первичную ячейку всей социальной структуры, были большие клановые дома *из* (кит. *цзя*) [256, с.4]. На тех же конфуцианских принципах покоилась и система пятидворок *гонин-гуми*, воспринятая в древности и существовавшая до конца эпохи Эдо. Практически их аналогом явились соседские объединения *тонари-гуми*, по существу, воссозданные в Японии накануне второй мировой войны в целях обеспечения круговой поруки и взаимного контроля – в свое время основных обязанностей общин *гонин-гуми*. В какой-то мере с ними связаны ныне существующие объединения соседей по кварталу *тёнайкай* – своего рода «уличные комитеты».

Исторически сформировавшиеся традиции такого рода, как преданность места, занимаемого человеком в обществе, его положение в конкретной группе, непреложное возведение во главу угла принципа патриархальности, необходимость исполнения своего долга индивидом как членом коллектива, облакаемые еще и в рамки определенной ритуализации-этикета, сказываются до наших дней. Сколь сильно это влияние и в чем наиболее заметны его проявления? Всего очевиднее оно, вероятно, дает о себе знать в существовании системы патернализма *оябун-кобун* (букв. – «родители – дети») в сфере производства – построение всех взаимоотношений в рамках конкретного предприятия по принципам большой патриархальной семьи. В непосредственной связи с этим находится и широкая распространенность пожизненного найма. В политической сфере личная преданность лидеру своей фракции является естественной нормой, что не без оснований расценивается порой как отголосок средневековой системы вассалитета. Таким образом, казалось бы, конфуцианские по своим истокам идеи в той или иной

форме живы поныне⁵, нередко находя даже экономическую поддержку. Более того, не случайно, по-видимому, умелое обращение правящих слоев к разнообразному арсеналу вековых традиций и обычаев, усердно прививавшихся японскому народу на протяжении всей его истории. Даже те из них, что ранее далеко не всегда укоренились в быту, теперь трактуются порой (и, как правило, довольно успешно) в качестве неотъемлемых составляющих «подлинно японского духа». Так, по замечанию И.А.Латышева, о явной приверженности японцев рассматривать мужа-отца в качестве властелина семьи свидетельствуют и «принятые нормы общения... и подход прессы к данному вопросу, да и живой разговорный японский язык» [147, с.45].

Тем не менее утверждение о несомненной приверженности японского общества лишь традициям, «обращенности» к ним было бы заведомо неверным. Доказательство тому – ломка клановой структуры из, отказ молодежи от прежней системы ценностей, несмотря на всяческую пропаганду ее средствами массовой информации, и многое другое. Процесс отхода от устоявшихся традиций характерен не только для Японии. Подобное унифицирующее воздействие модернизации имеет место повсюду, но всегда происходит на исторически сложившемся фоне. Для понимания специфики тех или иных событий в жизни конкретного государства необходимо четко разбираться в традициях, с течением времени приобретающих все более завуалированные формы⁶, а потому требующих и предельно глубокого, основательного их изучения в историческом разрезе. Японию в отношении к собственным традициям отличают направленные поиски опоры именно в силе такого наследия с привлечением древних, как письменная история этого народа, идей о его уникальности. Невзирая на вынужденный отказ правительства Японии по окончании второй мировой войны от мифа о «божественном» происхождении императора и избранности нации, теории об исключительности Страны Восходящего Солнца продолжают насаждаться, чему

⁵ Так, император, сообщая своему народу, пережившему атомную бомбардировку, о капитуляции, завершил обращение словами о Японии, где «весь народ... продолжает жить как одна и та же семья» (цит. по: [316, с.1]). Подобное слияние семьи и государства находило отражение во всех сферах. Например, в школьных учебниках по этике и морали, выпускавшихся в 1910-1945 гг. в соответствии с «Императорским рескриптом об образовании» («Кёику тёкуго») от 30 октября 1890 г., преданность императору и сыновняя почтительность отождествлялись и рассматривались как одно и то же, «семья и государство были надежно заключены в неделимом единении чувства и церемонии» [310, с.16].

⁶ Стоит отметить в качестве парадокса твердую убежденность большинства японцев в том, что от влияния конфуцианства в Японию нет и следа (при порой довольно поверхностных познаниях о данном предмете); оставшееся ныне – стало скорее органичной традицией, чем сознательным следованием конфуцианским идеям.

в немалой степени способствуют успехи экономики, повышение уровня жизни и рост влияния на международной арене.

Таким образом, в Японии до наших дней важное значение имеет эффективное применение на практике веками складывавшихся традиционных механизмов управления обществом, высшей точки в своем развитии достигших при сёгунах *Токугава*⁷ и ныне воспринимаемых широкими массами в качестве черт подлинно японского духа.

⁷ Проблема влияния культуры эпохи *Эдо* на формирование современной Японии становится порой и темой специальных публикаций (напр., см. [282]).

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

1. *Документы по истории японской деревни*. Ч. 1. Конец XVII-начало XVIII в./ Пер., предисловие и приложения О.С. Николаевой. М., 1966.
2. *Древнекитайская философия*: В 2 т. М., 1972.
3. *Завещание Иэясу*// Очерк истории Японин, составленный В. Костылевым. СПб., 1888. С. 334-350.
4. *Законы Иэяса* // Диксон В. Япония, ее история, правительство и внутреннее устройство. СПб., 1871. С. 233-261, [261-273].
5. *Указы Хидэёси. Указы бакуфу...* // Подпалова Г. И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII-начале XVIII в. М., 1960.
6. *Конституция Сётоку. Манифест Тайка* // Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.
7. *Свод законов «Тайхорё»*. 702-718 гг. I-XV законы/ Вступ. статья, перевод, коммент. и словарь К. А. Попова. М., 1985.
8. *Свод законов «Тайхорё»*. 702-718 гг. XVI-XXX законы / Вступ. статья, перевод, коммент. и словарь К. А. Попова. М., 1985.
9. *Свод законов «Тайхо рицурё»*. 702-718 гг. Рицу (Уголовный кодекс) / Вступ. статья, перевод, коммент. и словарь К. А. Попова. М., 1989.

На японском языке

10. *Букэ сэхатто* = Кодекс для военных домов // Оно Киёси. Сирё. Токугава-бакуфу-но сэйдо- Исторические источники. Организация Токугава-бакуфу. Токио, 1968. С. 5-10. 武家諸法度 // 小野清. 史料. 徳川幕府の制度. 東京, 1968. 5-10 頁.
11. *Кудзиката о-садамэгаки гэкэн* = Кодекс государственных дел. Т. 2 // Токугава-кинрэйкё = Законы Токугава / Под ред. Исии Рёсукэ. Дополнительный том. Токио, 1961. С. 57-141. 公事方御定書下巻 // 徳川禁令考. 石井良助校訂. 別巻. 東京, 1961, 57-141 頁.
12. *О-садамэгаки хяккадзё* = Кодекс из ста статей // Нихон кодай хётэн = Старые кодексы Японии / Сост. Хагино Ёсуюки. Токио, 1892. С. 831-984. 御定書百箇条. // 日本古代法典. 編輯者萩野由之. 東京, 1892, 831-984 頁.
13. *Токугава сэйкэн хяккадзё* = Стостатейные установления Токугава // Токугава кинрэйкё = Законы Токугава / Под ред. Исии Рёсукэ. Т. 1. Токио, 1959. С. 52-61. 徳川成権百箇条. // 徳川禁令考. 石井良助校訂. 第一巻. 東京, 1959, 52-61 頁.

На западноевропейских языках

14. *Grigsby W.E. Japanese laws or the legacy of Iyeyasu* // Quarterly Revue of Lutheran Church. Vol. VII. Gettysburg (USA), [s. a.]. P. 207-216.
15. *Grigsby W.E. The Legacy of Iyeyasu* // Transactions of the Asiatic Society of Japan, 1-st series (Далее — TASJ). Vol. III. Pt. II.

- Yokohama, 1875. P. 118-128.
16. *Gubbins J. H.* The «Hundred Articles» and the Tokugawa government // Proceedings of the Japan Society. Vol. XVII. London, 1920. P. 127-184.
 17. *Hall J. C.* Japanese Feudal Laws. IV. The Tokugawa Legislation. Pt. 2 // TASJ. Vol. XLI. Pt. V. Yokohama, 1913. P. 684-804.
 18. *Kempermann P.* Iyeyas. Gesetze des Iyeyasu // Mitteilungen d. deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Vol. I. Pt. I. P. 5-14. Pt. II. P. 2-8. Yokohama, 1873.
 19. *The Legacy of Iyeyasu* // Sadler A. L. The maker of modern Japan. The life of Tokugawa Iyeyasu. London, 1937. P. 384-398.
 20. *Lowder J. F.* The Legacy of Iyeyas (deified as Gongen-sama), a posthumous manuscript of one hundred chapters. Yokohama, 1868.
 21. *Lowder J. F.* The Legacy of Iyeyasu // Murdoch J. A History of Japan. Vol. 3. London, 1926. P. 796-814.
 22. *Rudorf O.* Kamporitsu oder Hiakkajo. Ein Japanisches Rechtsbuch aus der Mitte des vorigen Jahrhunderts. Tokyo, 1888.
 23. *Rudorf O.* Tokugawa Gesetze-Sammlung // Mitteilungen d. deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Vol. V. Suppl. I. P. 9-149. Yokohama, 1889.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

На русском языке

24. *Агенстический словарь.* М., 1986.
25. *Большая Советская Энциклопедия.* 2-е изд. Т. 49. М., 1957.
26. *Большая Советская Энциклопедия.* 3-е изд. Т. 12. М., 1973; Т. 24, ч. I. М., 1976; Т. 30. М., 1978.
27. *Большой китайско-русский словарь:* В 4 т. / Под рук. и ред. И. М. Ошанина. М., 1983-1984.
28. *Большой японско-русский словарь:* В 2 т. / Под ред. Н. И. Конрада. М., 1970.
29. *Всемирная история:* В 13 т. Т. 3. М., 1957; Т. 4. М., 1958.
30. *Китайская философия: Энциклопедический словарь* / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 1994.
31. *Словарь японских географических названий* / Сост. А. П. Аболмасов, Л. А. Немзер. М., 1959.
32. *Словарь японских имен и фамилий* / Сост. Е. А. Фолькман; под ред. Н. П. Капула. М., 1953.
33. *Советская историческая энциклопедия:* В 16 т. Т. 1. М., 1961; Т. 13. М., 1971; Т. 16. М., 1976.
34. *Философский словарь.* М., 1987.
35. *Юридический энциклопедический словарь* М., 1987.
36. *Япония: Справочник.* М., 1992.
37. *Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе)* / Сост. Дмитрий Позднеев. Токио, 1908.

На японском языке

38. *Дайканва дзитэн* = Большой толковый японский иероглифический словарь: В 13 т. / Сост. Морохаси Тэцудзи. Токио, 1971. 大漢和辞典。諸橋轍次著。全十三卷。東京、大修館書店、昭和四十六年。
39. *Кодзэн* = Шнрокий сад слов / Сост. Симмура Идзуру. Токио, 1979. 広辞苑。新村出編。東京、1979。

40. *Кокуго* дзитэн=Толковый словарь японского языка/Сост. Нисио Минору, Ивабути Эцугаро. Токио, 1963. 国語辞典. 西尾実・岩淵悦太郎編. 東京、1963.
41. *Кокусю* бункэн кайсэцу=Аннотированный источниковедческий справочник по отечественной истории / Сост. Эндō Мотоо, Симомура Фудзю. Токио, 1957. 国史文献解説. 遠藤元男・下村富士男編. 東京、1957.
42. *Мэйкай* канва дзитэн=Толковый японский иероглифический словарь / Сост. Нагасава Кикуя. Токио, 1968. 明解漢和辞典. 長澤規矩也編. 東京、1968.
43. *Нихон* рэкиси дзитэн=Словарь по истории Японии/Сост. Вакамори Таро. Токио, 1953. 日本歴史事典. 和歌森太郎編. 東京、1953.
44. *Нихонси* сёдзитэн=Малый словарь по истории Японии/Сост. Сакамото Таро. Токио, 1970. 日本史小辞典. 坂本太郎編. 東京、1970.
45. *Нихонси* сёдзитэн (гэнси, кодай-кинсэй)=Малый словарь по истории Японии: Первобытный период, древность-новое время / Сост. Такэути Ридзō. Токио, 1979. 日本史小辞典 (原始・古代-近世). 竹内里三編. 東京、1979.
46. *Синсю* канва дайджитэн=Новый исправленный большой японский иероглифический словарь / Сост. Оянаги Сигэта. Токио, 1944. 新修漢和辞典. 小柳司氣田著. 東京、1944.

На английском языке

47. *A Dictionary of Japanese History* / By J.M.Goedertier. New York: Tokyo, 1968.
48. *Japan. An Illustrated Encyclopedia*. Tokyo, 1993.
49. *The Modern Reader's Japanese-English Character Dictionary* / By A.N.Nelson. Rutland; Tokyo, 1979.
50. *Papinot E. Historical and Geographical Dictionary of Japan*. Ann Arbor; Michigan; Overbeck, 1948.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

51. *Алаев Л.Б.* Кастовая система и социальная мобильность в Индии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 198-200.
52. *Алаев Л.Б.* К типологии феодализма на Востоке // Народы Азии и Африки (Далее — НАА). 1977. №4. С. 67-79.
53. *Алаев Л.Б.* Формационные черты феодализма и Восток // Там же. 1987. №3. С. 78-90.
54. *Александров Ю.Г.* О формационной специфике доколониальных восточных обществ // Там же. 1988. №2. С. 55-65.
55. *Ашрафян К.З.* Первоначальное накопление капитала в Европе и Восток в XVI-XVIII вв. // Там же. №1. С. 133-137.
56. *Ашрафян К.З.* Социальная мобильность и каста в средневековом городе Индии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. С. 201-209.
57. *Барг М.А.* О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. №7. С. 84-104.
58. *Барг М.А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
59. *Березный Л.А.* Буржуазные историки о различиях в общественном развитии Японии и Китая в XIX в. // Вопросы истории стран Азии. Л., 1965. С. 53-77.

60. *Березный Л. А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая: Проблемы общественного развития в XIX — первой половине XX в. Л., 1968.
61. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
62. *Бокшанин А. А.* Императорский Китай в начале XV в.: Внутренняя политика. М., 1976.
63. *Будзинский С.* Японское уголовное право в сравнении с другими законодательствами и с проектом уложения о наказаниях // Юридический вестник. 1884. № 2. С. 213-235.
64. *Васильев Л. С.* Культ мудрых древних правителей // Азия и Африка сегодня. 1984. № 4. С. 54-57.
65. *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
66. *Васильев Л. С.* Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 28-44.
67. *Васильев Л. С.* Что такое «азиатский» способ производства? // НАА. 1988. № 3. С. 65-75.
68. *Воллан Г. А. де.* В Стране Восходящего Солнца. Очерки и заметки о Японии. СПб., 1903.
69. *Воробьев М. В.* Верховная власть по японскому средневековому праву VIII века: (Опыт сравнительной характеристики) // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 258-266.
70. *Воробьев М. В.* Китайское средневековое право и его рецепция в средневековой Японии (до VII в. включительно) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1986. С. 110-115.
71. *Воробьев М. В.* Кодекс «Тан лин» и характер заимствования его положений средневековой Японией // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1985. С. 54-60.
72. *Воробьев М. В.* Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии: По кодексу «Тайхо Ёро ре» VIII в. // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. С. 74-89.
73. *Воробьев М. В.* О праве раннесредневековой Японии: К вопросу о типологии восточного права // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1982. Ч. 1. С. 71-76.
74. *Воробьев М. В.* Проблема верховной власти в раннесредневековой Японии в свете сравнительного правоведения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1985. Ч. 1. С. 114-121.
75. *Воробьев М. В.* Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура, окружающий мир. М., 1980.
76. *Воробьев М. В.* Японский кодекс «Тайхо Ёро ре» (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990.
77. *Гальперин А. Л.* К вопросу о генезисе капитализма в Японии // О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.). М., 1962. С. 5-23.
78. *Гальперин А. Л.* К вопросу о генезисе капитализма в Японии // Советское востоковедение. 1956. № 5. С. 48-62.
79. *Гальперин А. Л.* О некоторых особенностях прогрессивного направления в современной исторической науке Японии // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 213-222.
80. *Гальперин А. Л.* Очерки истории Японии в период 1640-1700 гг. // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XV. Японский сборник. М., 1956. С. 3-47.

81. *Гальперин А. Л.* Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.
82. *Гамаюнов Л. С.* Дискуссия о генезисе капитализма в странах Азии и Африки // О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.). М., 1962. С. 416-423.
83. *Гамаюнов Л. С., Павлов В. И.* Относительно уровня социально-экономического развития стран Востока до превращения их в колонии и полуколонии капиталистических держав // Там же. С. 363-393.
84. *Гегель Г. В.* Философия права // Гегель Г. В. Соч. Т. VII. М.; Л., 1934.
85. *Головин В.* «Японский феномен»: Возникновение, крах и возникновение мифа // Ровесник. 1988. № 6. С. 11-12; № 7. С. 12-14.
86. *Гольдберг Д. И.* [Рецензия:] Очерки новой истории Японии (1640-1917) // Проблемы востоковедения. 1960. № 6. С. 164-171.
87. *Гольдберг Д. И.* Япония в XVII-середине XVIII в. // История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 409-435.
88. *Горегляд В. Н.* Японская литература VIII - XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб., 1997.
89. *Григорьева Т. П.* Мудрецы и правители // НАА. 1983. № 5. С. 53-63.
90. *Григорьева Т. П.* Один из случаев влияния китайской философии на мировоззрение японцев (заметки филолога) // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 87-115.
91. *Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры: (Конец XVI-начало XX в.). М., 1986.
92. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / Пер. с франц. и вступ. статья В. А. Туманова. М., 1988.
93. *Данн Ч.* Повседневная жизнь в старой Японии. М., 1997.
94. *Жуков Е. М.* Земельный кадастр Хидзёси как мера реставрации крепостничества в Японии в конце XVI столетия // Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов. Кембридж. Секция Дальнего Востока. М., 1954.
95. *Жуков Е. М.* История Японии: Краткий очерк. М., 1939.
96. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1987.
97. *Жуков Е. М.* Политика Хидзёси в отношении крестьянства: (Реставрация крепостничества в конце XVI столетия в Японии) // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. III, № 6. М.; Л., 1946. С. 523-534.
98. *Жуков Е. М.* Япония в XVII-70-е годы XIX в. // История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971. С. 12-40.
99. *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
100. *Загорский А. В.* Проблемы восприятия европейской культуры Японией и Китаем в контексте развития неоконфуцианской философии // НАА. 1986. № 3. С. 147-157.
101. *Загорский А. В.* Сравнительный анализ эволюции традиционного крестьянства в Японии и Китае в XVIII-начале XIX в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 2. М., 1985. С. 186-208.
102. *Зенина Л. В.* Историко-библиографический обзор довоенной западной литературы по периоду Токугава // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Краткие тезисы научной конференции восточного факультета. Л., 1972. С. 62-65.
103. *Зенина Л. В.* Проблемы социально-экономического развития Японии периода Токугава в американской историографии 50-60 гг. // Историо-

- графия и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. Л., 1974. С. 128-143.
104. *Зенина Л. В.* Русская историография по периоду Токугава // *Филология и история стран зарубежной Азии: Тезисы юбилейной научной конференции восточного факультета, посвященной 50-летию Великого Октября.* Л., 1967. С. 73-75.
 105. *Зенина Л. В.* Японская мануфактура XVIII-первой половины XIX в. // *Вестн. Ленингр. ун-та.* Вып. 3, № 14. Л., 1979. С. 38-43.
 106. *Зенина Л. В.* Японские историки о развитии мануфактуры в Японии XVIII-первой половины XIX в. // *Вестн. Ленингр. ун-та.* Вып. 1, № 2. Л., 1975. С. 48-54.
 107. *Зенина Л. В.* Японский город эпохи Токугава (XVII-середина XIX в.) в прогрессивной японской историографии 60-70 гг. // *Вестн. Ленингр. ун-та.* Вып. 4, № 20. Л., 1981. С. 39-44.
 108. *Игнатович А. Н.* Учения о теократическом государстве в японском буддизме // *Буддизм и государство на Дальнем Востоке.* М., 1987. С. 146-179.
 109. *Илюшечкин В. П.* О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // *НАА.* 1987. № 6. С. 72-85.
 110. *Илюшечкин В. П.* Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности.* М., 1986. С. 45-67.
 111. *Илюшечкин В. П.* Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае // *Социальные организации в Китае.* М., 1981. С. 125-159.
 112. *Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая: (Опыт системно-структурного анализа). М., 1986.
 113. *Инако Цунэо.* Современное право Японии / Пер. с яп. В. В. Батуренко; Под ред. и со вступ. статьей В. Н. Еремина. М., 1981.
 114. *Искендеров А. А.* Развитие городов Японии в XVI в. // *О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.).* М., 1962. С. 24-35.
 115. *Искендеров А. А.* Тоётоми Хидэёси. М., 1984.
 116. *Искендеров А. А.* Феодалный город Японии XVI столетия. М., 1961.
 117. *История государства и права зарубежных стран: Рабовладельческое и феодальное государство и право.* М., 1980.
 118. *История политических и правовых учений. XVII-XVIII вв.* М., 1989.
 119. *История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение.* М., 1986.
 120. *История стран Азии и Африки в средние века. Ч. 1-2.* М., 1987.
 121. *Карапетьянц А. М.* Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // *Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики.* М., 1982. С. 11-35.
 122. *Касаи Тадаси.* Изучение истории общественной мысли Японии на современном этапе: Материалистические взгляды Ватанабэ Кадзана и Такано Тээя // *Японские материалисты: Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии / Сост. Мори Коити; Отв. ред. Ю. Б. Козловский.* М., 1985. С. 133-186.
 123. *Ким Г. Ф., Ашрафян К. Э.* Некоторые вопросы изучения классов и сословий в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 4-15.
 124. *Кирквуд К. П.* Ренессанс в Японии: Культурный обзор семнадцатого столетия / Пер. с англ. А. М. Кабанова, М., 1988.

125. *Киселев Г. С.* Восток и феодализм // *НАА.* 1988. №4. С. 66-76.
126. *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1959.* С. 276-463.
127. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
128. *Кобзев А. И.* Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии // *Китайские социальные утопии.* М., 1987. С. 58-103.
129. *Кодзан Ёсингэ.* Современная философия. Заметки о «духе Ямато» / *Сост., пер. с япон. и авт. предисл. Л. Ш. Шахназарова.* М., 1974.
130. *Козловский Ю. Б.* Конфуцианские школы: Философская мысль и авторитарные традиции // *НАА.* 1987. №3. С. 67-77.
131. *Конрад Н. И.* Избранные труды: История. М., 1974.
132. *Конрад Н. И.* История Японии с древних времен до «революции Мэйдзи» // *Япония: Сборник статей.* М., 1934. С. 261-271.
133. *Конрад Н. И.* Япония в позднее средневековье // *История стран Азии и Африки в средние века.* [М.], 1968. С. 373-382.
134. *Кроль Ю. Л.* Родственные представления о «доме» и «школе» (цзя) в древнем Китае // *Общество и государство в Китае.* М., 1981. С. 39-57.
135. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. М., 1985.
136. *Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988.
137. *Кульпин Э. С.* Поливное рисоводство как фактор экономического превосходства средневекового Востока над Западом // *НАА.* 1987. №6. С. 197-203.
138. *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества.* Вып. 3. Л., 1980. С. 3-21.
139. *Кычанов Е. И.* Ли и право // *Этика и ритуал в традиционном Китае.* М., 1988. С. 299-308.
140. *Кычанов Е. И.* Основные каналы социальной мобильности в Китае при династиях Тан и Сун (VII-XII вв.) // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности.* М., 1986. С. 105-117.
141. *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (VII - XIII вв.). М., 1986.
142. *Кычанов Е. И.* Понятие «простой человек» в кодексе «Сун син тун» // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1981. С. 145-151.
143. *Кычанов Е. И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII-X вв.) // *Социальные организации в Китае.* М., 1981. С. 43-52.
144. *Кычанов Е. И.* Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII-X вв.) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* 1983. Ч. I. С. 40-53.
145. *Лапина З. Г.* К вопросу о традиции в экономических учениях китайского средневековья: (теория «Земледелие — основное, торговля и ремесло — второстепенное» в книге Ли Гоу) // *НАА.* 1969. №4. С. 58-67.
146. *Латышев И. А.* О политической сущности концепции «уникальности» культуры и духовной жизни японцев // *Проблемы Дальнего Востока.* 1987. №1. С. 26-35.
147. *Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М., 1985.
148. *Латышев И. А.* Старое и новое в семейном воспитании японцев // *НАА.* 1982. №4. С. 38-46.
149. *Лаутергер И.* Япония — Страна Восходящего Солнца прежде и теперь / *Пер.*

- с нем. Д. Альпернна. Т. 1-2. СПб., 1905.
150. *Лещенко Н. Ф.* Идеологическое обоснование реставрации императорской власти в Японии // *Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии.* М., 1988. С. 183-197.
 151. *Лещенко Н. Ф.* К истории становления марксистской исторической школы в Японии // *Вопросы истории.* 1983. № 2. С. 70-86.
 152. *Лещенко Н. Ф.* «Революция Мэйдзи» в работах японских историков-марксистов. М., 1984.
 153. *Лещенко Н. Ф.* Социальные сдвиги в структуре японского общества накануне Мэйдзи-исин // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности.* М., 1986. С. 99-104.
 154. *Лещенко Н. Ф.* Три лика Токугавы Изясу // *Знакомьтесь - Япония.* 1995, № 8. С. 40-55.
 155. *Луцкий А. Л.* Японская духовная традиция и экзистенциализм // *НАА.* 1986. № 3. С. 54-62.
 156. *Люблинская А. Л.* Франция при Ришелье: Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982.
 157. *Малявин В. В.* Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // *Социальные организации в Китае.* М., 1981. С. 20-42.
 158. *Мартьянов А. С.* Конфуцианская утопия в древности и средневековье // *Китайские социальные утопии.* М., 1987. С. 10-57.
 159. *Мартьянов А. С.* Чжу Си и официальная идеология императорского Китая // *Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики.* М., 1982. С. 111-125.
 160. *Мартьянов А. С., Поршнева Е. Б.* «Учения» и религии в Восточной Азии в период средневековья // *НАА.* 1986. № 2. С. 79-101.
 161. *Мендрин В. М.* Сиогуи и Сейи Тайсиогуи. Бакуфу: (Лингвистические и исторические очерки). Владивосток, 1916.
 162. *Михайлова Ю. Д.* Институт императорской власти в Японии в интерпретации японских мыслителей XVII-XIX вв. // *Государство в докапиталистических обществах Азии.* М., 1987. С. 267-276.
 163. *Михайлова Ю. Д.* Мотоори Норинага: Жизнь и творчество (Из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М., 1988.
 164. *Михайлова Ю. Д.* Школа национальных наук в Японии в первой половине XIX в. // *Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии.* М., 1988. С. 176-182.
 165. *Михайлова Ю. Д.* Школа национальных наук в Японии: (К вопросу об истоках японского национализма) // *НАА.* 1987. № 2. С. 82-88.
 166. *Морисима Митю.* Капитализм по Конфуцию // *Курьер ЮНЕСКО.* 1988. Январь. С. 43-37.
 167. *Никифоров В. Н.* Специфика господствующего класса в старом Китае: (Сословие шэньши) // *Роль традиций в истории и культуре Китая.* М., 1972. С. 237-248.
 168. *Николаева О. С.* Из истории института пятидворок в Японии // *Страны и народы Востока.* Вып. VI. М., 1968. С. 133-143.
 169. *Николаева О. С.* Некоторые вопросы аграрного законодательства в документах пятидворок (конец XVII-XVIII в.) // *История, культура, языки народов Востока.* М., 1970. С. 88-94.
 170. *Николай,* иеромонах. Сёгуны и микадо // *Русский вестник.* 1869. Т. XXXIV. № 11. С. 207-227; № 12. С. 414-460.
 171. *Новосельцев А. П., Пашуго В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализ-

- ма: Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. М., 1972.
172. *Очерк истории Японии*, составленный В. Костылевым. СПб., 1888.
 173. *Очерки новой истории Японии (1640-1917)* / Под ред. А.Л. Гальперина. М., 1958.
 174. *Пасков С.С.* Зарождение буржуазной исторической мысли в Японии // НАА. 1982. №4. С. 130-134.
 175. *Пасков С.С.* Япония в раннее средневековье. VII-XII века. Исторические очерки. М., 1987.
 176. *Передомов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
 177. *Передомов Л.С.* Символ китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. 1988. №5. С. 87-97.
 178. *Петров Д.В.* К вопросу о мануфактуре в Японии // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XV: Японский сборник. М., 1956. С. 48-70.
 179. *Петровский В.Э.* Феодализм на Западе и Востоке // НАА. 1988. №5. С. 115-122.
 180. *Подпалова Г.И.* Два петиционных выступления в феодальной Японии // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XV. Японский сборник. М., 1956. С. 71-114.
 181. *Подпалова Г.И.* Крестьянское движение в Японии и его идеология (1603-1867) // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 142-155.
 182. *Подпалова Г.И.* Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в. М., 1960.
 183. *Подпалова Г.И.* О типологии японского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 242-254.
 184. *Поздняков И.Г.* К вопросу о генезисе капитализма в Японии // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 389-420.
 185. *Поздняков И.Г.* Проблемы японского феодализма в трактовках прогрессивных японских историков // Историография стран Востока: Проблемы феодализма. М., 1977. С. 156-169.
 186. *Поздняков И.Г.* Прогрессивная японская историография о характере феодализма в Японии // НАА. 1962. №3. С. 167-177.
 187. *Поздняков И.Г.* Роль кэнти в закреплении японского крестьянства во второй половине XVI в. // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XXIII. Япония. Вопросы истории. М., 1959. С. 67-93.
 188. *Поспелов Б.В.* Капиталистическая модернизация Японии и идейно-политические аспекты японо-американских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 1987. №3. С. 68-78.
 189. *Поспелов Б.В.* Кризис буржуазных концепций общественно-исторического развития Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1977. №3. С. 52-66.
 190. *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Управление персоналом в Японии: Очерки. М., 1985.
 191. *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы: Этнопсихологические очерки. М., 1985.
 192. *Радуль-Затуловский Я.Б.* Андо Сээки — философ-материалист XVIII в. М., 1961.
 193. *Радуль-Затуловский Я.Б.* Из истории материалистических идей в Японии в XVII — первой половине XIX в. / Отв. ред. Ян Хиншун. М., 1972.
 194. *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.: Л., 1947.

195. *Рамзес В. Б.* Японские трудящиеся и концепция «участия в управлении» // Проблемы Дальнего Востока. 1987. №2. С. 213-216.
196. *Рассошенко Т. А.* Основные тенденции развития послевоенной японской семьи // Япония. 1976: Ежегодник. М., 1977. С. 224-235.
197. *Ревуненков В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии. 1789-1792. Л., 1982.
198. *Рейснер Л. И.* Разделение труда и способ общения в системе докапиталистических цивилизаций // Зарубежный Восток: Вопросы экономической истории. М., 1986. С. 110-127.
199. *Рыбаков В. М.* Наказания нарушений, допущенных при проведении государственных экзаменов: (По материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1981. Ч. 1. С. 141-146.
200. *Рыбаков В. М.* Правовые привилегии и понятие «тени»: (По материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Общество и государство в Китае. М., 1981. С. 58-74.
201. *Светлов Г. Е.* Колыбель японской цивилизации: Нара. История, религия, культура. М., 1994.
202. *Светлов Г. Е.* О специфике отношения японцев к религии // Япония. 1983: Ежегодник. М., 1984. С. 232-246.
203. *Светлов Г. Е.* Путь богов: Синто в истории Японии. М., 1985.
204. *Смилянская И. М.* Государственный строй стран Востока в новое время // НАА. 1988. №3. С. 127-136.
205. *Смолин Г. Я.* К вопросу о крепостничестве в средневековом Китае // Ленин и проблемы истории стран Азии. Л., 1970. С. 35-59.
206. *Совастеев В. В.* Эволюция общественно-политической мысли Японии в середине XIX в.: (Мировоззрение Ёсида Сёин) // НАА. 1988. №3. С. 34-43.
207. *Спальвин Е. Г.* Обзор политического устройства Японии в прошлом и настоящем: (Из курса лекций, читанных в Восточном институте). Владивосток, 1910.
208. *Спеваковский А. Б.* Религия синто и войны. Л., 1987.
209. *Спеваковский А. Б.* Самурай — военное сословие Японии. М., 1981.
210. *Степугина Т. В.* Древний Китай // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 214-273.
211. *Стужина Э. П.* Некоторые вопросы экономики Китая XI - XIII вв. в сунском законодательстве // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. II. Л., 1968. С. 67-79.
212. *Сырцын И. М.* К вопросу об изучении феодализма в Японии // Историография стран Востока: Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока: (Историографические очерки). М., 1969. С. 209-221.
213. *Сырцын И. М.* Современная историография генезиса японского феодализма // Историография стран Востока: Проблемы феодализма. М., 1977. С. 170-186.
214. *Танизани Дзэнъичиро.* Похвала тени // Похвала тени: Рассказы японских писателей в переводах М. П. Григорьева / Сост. и предисл. Л. Л. Громковской. СПб., 1996.
215. *Теория государства и права.* Л., 1987.
216. *Толстогузов А. А.* Крестьянское движение в Японии периода феодализма // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 26-33.

217. *Толстогузов А. А.* Очерки истории Японии (VII – XIV вв.): Становление феодализма. М., 1995.
218. *Толстогузов А. А.* Советские ученые о периодизации японского феодализма // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С. 4–26.
219. *Толстогузов А. А.* Социальная мобильность в средневековой Японии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 90–98.
220. *Толстогузов А. А.* Японское раннефеодалное государство // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 43–51.
221. *Торчинов Е. А.* Даосская утопия в Китае на рубеже древности и средневековья (II–VI вв.) // Китайские социальные утопии. М., 1987. С. 104–124.
222. *Успенский М. В.* Реформы Тэмпо и поздняя гравюра-укиёэ (Итиюсай Куниёси) // Вестн. Восточ. ин-та. № 2 (2). Т. 1. СПб., 1995. С. 15–46.
223. *Файнберг Э. Я.* Начало экспансии европейских держав в Японии (1542–1640) // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XXIII. Япония. Вопросы истории. М., 1959. С. 22–66.
224. *Филлипов А. В.* Василий Яковлевич Костылев // НАА. 1987. № 2. С. 53–58.
225. *Филлипов А. В.* Два японских документа под названием «Сто статей»: Из истории создания, публикаций и изучения памятников // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986. С. 218–229.
226. *Филлипов А. В.* «Завещание Ияэсу» и «Кодекс из ста статей»: Следы неоконфуцианского влияния // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1986. С. 116–120.
227. *Филлипов А. В.* К вопросу о традиционном праве Японии // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. Вып. 2. Л., 1987. С. 96–100.
228. *Филлипов А. В.* Овлиянии конфуцианской идеологии на сословную структуру Японии периода Токугава (1603–1867) // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1987. С. 166–169.
229. *Филлипов А. В.* Основные проблемы социальной и политической организации японского общества XVII – середины XVIII в.: По материалам «Стостатейных установлений Токугава» и «Кодекса из ста статей»: Автореф. канд. дис. Л., 1989.
230. *Фоминя Н. И.* Купечество в социальной структуре средневекового Китая // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 67–99.
231. *Фува Тэцудзо.* Марксова теория развития и азиатский способ // НАА. 1988. № 1. С. 58–74.
232. *Фурсов А. И.* Восточный феодализм и история Запада: Критика одной интерпретации // НАА. 1987. № 4. С. 93–109.
233. *Ханни З. Я.* Парии в японском обществе: (Очерк социальной истории XVII–XIX вв.). М., 1980.
234. *Хондзё Эйджиро.* Социальная история Японии. М., 1927.
235. *Хруслов Г. В.* Советская и западная историография периода феодализма и генезиса капитализма в Японии // Историография стран Востока: Проблемы феодализма. М., 1977. С. 187–199.
236. *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987.
237. *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 41–53.

238. *Штейн В. М.* Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? // О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.). М., 1962. С. 196–211.
239. *Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного* / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония. М., 1984.
240. *«Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного» [Обсуждение]* // НАА. 1987. № 1. С. 154–186; № 2. С. 141–169; № 3. С. 146–161.
241. *Эйдус Х. Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней: Краткий очерк. М., 1968.
242. *Ямамото Цунэтомо.* Хагакурэ. *Юкио Мисима.* Хагакурэ нюмон: Самурайская этика в современной Японии. СПб., 1996.
243. *Японский милитаризм (Военно-историческое исследование).* М., 1972.

На японском языке

244. *Аояма Митно* хакасэ цуйтō ронсё. Кадзоку-но хō-то рэкиси = Собрание трудов профессора Аояма Митно. Семейное право и история. Токио, 1981. 青山道夫博士追悼論集. 家族の法と歴史. 東京, 1981.
245. *Асидзу Удзунико.* Бусидō «сэнтōся-но сэйсин» = Бусидо – «дух война». Токио, 1969. 葦津珍彦. 武士道「戦闘者の精神」. 東京, 1969.
246. *Битō Масахидэ.* Нихон хōкэн сисō си кэнкё = Исследование по истории японской феодальной идеологии. Токио, 1961. 尾藤正英. 日本封建思想史研究. 東京, 1961.
247. *Ватанабэ Сёти.* Нихон кинсэй дōтоку сисō си = История морали и идеологии Японии в новое время. Токио, 1961. 渡部正一. 日本近世道徳思想史. 東京, 1961.
248. *Гэндай ситэн.* Токугава Иэясу = Современный взгляд: Токугава Иэясу. Токио, 1983. 現代視点. 徳川家康. 東京, 1983.
249. *Исио Ёсихиса.* Нихон кодай хō-но кэнкё = Исследование по древнему японскому праву. Токио, 1959. 石尾芳久. 日本古代法の研究. 東京, 1959.
250. *Кинсэй* нихон кокумин си = История японского народа в новое время. Т. 15. Токио, 1935. 近世日本國民史. 第15卷. 東京, 昭和十年.
251. *Китадзима Масамото.* Токугава сёгун рэцудэн = Цепь биографий сёгун-нов Токугава. Токио, 1975. 北島正元. 徳川將軍列伝. 東京, 1975.
252. *Китадзима Масамото.* Эдо-бакуфу-но кэнрёку кōдзō = Структура власти Эдо-бакуфу. Токио, 1964. 北島正元. 江戸幕府の権力構造. 東京, 1964.
253. *Китадзима Масамото.* Эдо-дзидай = Период Эдо. Токио, 1958. 北島正元. 江戸時代. 東京, 1958.
254. *Кумадзакн Вагару.* Нихон хōсэй си = История японского права. Токио, 1944. 隈崎渡. 日本法制史. 東京, 1944.
255. *Курита Гэндзи.* Дай нихон си рондза. 7. Эдо-дзидай си. Дзё = Общий курс истории Японии. Т. 7. История периода Эдо. Ч. 1. Токио, 1928. 栗田元次. 大日本史論座. 七. 江戸時代史. 上. 東京, 1928.
256. *Мураками Ясусукэ, Книмифуми Сюмпэй, Сатō Сэйдзабурō.* Буммэй-то ситэ-но из сякай = Общества из как цивилизация. Токио, 1980. 村上泰亮、公文俊平、佐藤誠三郎. 文明としてのイエ社会. 東京, 1980.
257. *Нагахара Кэйдзи.* Нихон тьюсэй-но сякай-то кокка = Средневековое общество и государство в Японии. Токио, 1982. 永原慶二. 日本中世の社会と国家. 東京, 1982.
258. *Накамура Кōя.* Эдо-бакуфу = Бакуфу [периода] Эдо. Т. 1–2. Токио, 1956. 中村孝也. 江戸幕府. 全二卷. 東京, 1956.

259. *Нихон рэкиси кодза*. Дайёнкан. Тјүсэй хэн 2. Хаяси Мотои хэнсјо = Курс лекций по истории Японии. Т. 4. Средние века. Ч. 2 / Сост. и ред. Хаяси Мотои. Токио, 1953. 日本歴史講座. 第四卷. 中世篇(二). 林基編集. 東京、1953.
260. *Нихон сигаку нјомон*. Окубо Тосиаки, Эбисава Аримити хэн = Введение в японскую историческую науку / Под ред. Окубо Тосиаки, Эбисава Аримити. Токио, 1965. 日本史学入門. 大久保利謙、海老沢有道編. 東京、昭和四十年.
261. *Нихэда Рокусабурё*. Токугава Иэясу. Токио, 1959. 仁戸田六三郎. 徳川家康. 東京、1959.
262. *Синдзи Ёситомо*. Эдо-дзидай-но букэ-но сэйкацу = Жизнь военных домов в период Эдо. Токио, 1961. 進士慶幹. 江戸時代の武家の生活. 東京、1961.
263. *Син нихонси-но каги*. О-Тоё сэйкэн-кара Токугава-бакуфу хёкай-мадэ = Новый ключ к истории Японии. 3. От власти Ода-Тоётоми до крушения Токугава-бакуфу / Сост. Иноуэ Кнэси, Кодама Кёта, Тоёда Такэси, Ивао Сэйити, Симомура Фудзико, Харада Томохико. Токио, 1957. 新日本史のカギ. 三. 織豊政權から徳川幕府崩壊まで. (井上清、兒玉幸多、豊田武、岩生成一、下村富士男、原田伴彦). 東京、1957.
264. *Такаянаги Мицухиса*. Бусидё = Путь воина бусидо. Токио, 1960. 高柳光寿. 武士道. 東京、1960.
265. *Тоёда Такэси*. Собр. соч. Т. 8. Нихон-но хёкэн сэй = Феодалная система Японии. Токио, 1983. 豊田武著作集. 第八卷. 日本の封建制. 東京、1983.
266. *Токугава Измицу кёдэн* = Биография Токугава Иэмицу. Токио, 1963. 徳川家光公傳. 東京、1963.
267. *Токутоми Интирё*. Иэясу дзидай. 3. Иэясу дзидай гайкан = Времена Иэясу. 3. Общий обзор времени Иэясу. Токио, 1924. 徳富猪一郎. 家康時代. 三. 家康時代概観. 東京、1924.
268. *Фудзи Наомото*. Нихон-но бусидё = Японский путь воина бусидо. Токио, 1956. 藤直幹. 日本の武士道. 東京、1956.
269. *Фудзивара Нобору*. Нихон-кинсэй сисё-но кэнкю = Исследование по идеологии Японии в новое время. Токио, 1971. 藤原暹. 日本近世思想の研究. 東京、1971.
270. *Хаясия Тацусабурё*. Кинсэй-но тайдё = Зарождение нового времени. Токио, 1959. 林屋辰三郎. 近世の胎動. 東京、1959.
271. *Хаясия Тацусабурё*. Тјүсэй бунка-но китё = Основные черты культуры средних веков. Токио, 1958. 林屋辰三郎. 中世文化の基調. 東京、1958.
272. *Эдо*. Букэ-но мияко = Эдо. Столица военной аристократии. Токио, 1974. 江戸. 武家の都. 東京、1974.

На западноевропейских языках

273. *Bellah R.N.* Tokugawa Religion: The Values of Pre-Industrial Japan. Glencoe (Illinois), [1957].
274. *Berry M.E.* Public Official or Feudal Lord? // Monumenta Nipponica. 1981. Vol. XXXVI. № 2. P. 187-193.
275. *Bolitho H.* Treasures among men: The Fudai daimyo in Tokugawa Japan. New Haven; London, 1974.
276. *Bourquet G.* Les moeurs, le droit public et privé du Japon // Revue des Deux Mondes. Paris, 1875.
277. *Cody B. J.* Unifiers of Japan: Nobunaga, Hideyoshi and Ieyasu // Great Historical Figures of Japan. Tokyo, 1978. P. 154-166.
278. *Cornell L. L.* Female household headship and principles of succession in a peasant village in Tokugawa Japan // Transactions of the

- international conference of orientalist in Japan №XXIV. Tokyo, 1979. P.49-56.
279. *Crump J. I.* T'ang Penal Law in Early Japan // Occasional papers. Center for Japanese Studies (University of Michigan). Ann Arbor. 1953. №4. P. 91-102.
280. *Dautremet J.* Katakai Uti: La vengeance légale au Japon, note historique//Memoirs de la Société des études Japonaises, Chinoises, Tartares, Indo-Chinoises et Océaniques. Paris, 1886-1888. Vol.V. Pt. 4. P. 217-231; Vol.VI. Pt. 2-3. P. 89-102; Vol.VII. Pt. 1. P. 83-106.
281. *Dautremet J.* The vendetta, or legal revenge in Japan // TASJ. Vol. XIII. Pt. 1. Yokohama, 1885. P. 82-89.
- 281a. *Dunn Charles J.* Everyday Life in Traditional Japan. Rutland; Vermont; Tokyo, 1994.
282. *Edo culture and its modern legacy* // Modern Asian Studies. Vol. 18. Pt. 4. London, 1984. P. 529-768.
283. *Griffis W.E.* The Mikado's Empire. Vol. II. New York, 1898.
284. *Gubbins J.H.* Laws of the Tokugawa period // TASJ. Vol. 26. Yokohama, 1897. P. 154-162.
285. *Gubbins J.H.* The feudal system of Japan under the Tokugawa shoguns // TASJ. Vol. XV. Pt. II. Yokohama, 1887. P. 131-142.
286. *Hall J.W.* Tanuma Okitsugu, 1719-1788: Forerunner of modern Japan. Cambridge (Mass.), 1955.
287. *Henderson D.F.* Chinese influences on 18-th century Tokugawa codes // Essays on China's legal tradition. Princeton, 1980. P. 270-301.
288. *Ishii Ryosuke.* A History of political institutions in Japan. Tokyo, 1980.
289. *Iyenaga Toyokichi.* The Constitutional development of Japan. Baltimore, 1891.
290. *Japan before Tokugawa. Political Consolidation and Economic Growth 1500 to 1650* / Ed. by J.W.Hall, Nagahara Keiji, Kozo Yamamura. Princeton; New Jersey, 1981.
291. *Japanese thought in the Tokugawa period* / Ed. by Tetsuo Najita, Irwin Scheiner. Chicago; London, 1978.
292. *Lebra Takie Sugiyama.* Japanese Patterns of behavior. Honolulu (University of Hawaii), 1976.
293. *Maruyama Masao.* Studies in the intellectual history of Tokugawa Japan. Princeton; Tokyo, 1974.
294. *Medieval Japan. Essays in institutional history* / Ed. by J.W.Hall, J. P.Mass. New Haven; London (Yale university), 1974.
295. *Murdoch J.* A History of Japan. Vol. II. 1542-1651. London, 1925.
296. *Nakamura Hajime.* A History of the Development of Japanese Thought. Vol. 1-2. Tokyo, 1967.
297. *Nakamura Hajime.* The Ways of thinking of Eastern People: India. China. Tibet. Japan. / Ed. by Ph. P.Wiener. Honolulu (University of Hawaii), 1964.
298. *Nitobe Inazo.* Bushido, the soul of Japan: An exposition of Japanese thought. 5-th edition. Tokyo, 1901.
299. *Noda Yoshiyuki.* Introduction au droit Japonais. Paris, 1966.
300. *Ooms H.* Charismatic bureaucrat: A political biography of Matsudaira Sadanobu, 1758-1829. Chicago; London (University of Chicago), 1975.

301. *Pret C.-A.* Le testament de Iye-Yasu // Memoirs de la Société des études Japonaises, Chinoises, Tartares, Indo-Chinoises et Océaniennes. Vol. IV. Pt. 3. Paris, 1885. P. 212-233.
302. *Rahn G.* Recht und Rechtsverständnis in Japan // Entstehung und Wandel Rechtlicher Traditionen. München, 1980. P. 473-496.
303. *Ramseyer J.M.* Thrift and Diligence: Houses Codes of Tokugawa Merchant Families // Monumenta Nipponica. 1979. Vol. XXXIV. №2. P. 209-230.
304. *Reischauer E.O., Fairbank J.K.* A History of East Asian Civilization. Vol. I. East Asia. The Great Tradition. Boston, 1960.
305. *Sadler A.L.* The maker of modern Japan: The life of Tokugawa Iyeyasu. London, 1937.
306. *Sansom G.B.* A History of Japan. Vol. 1-3. London, 1958-1963.
307. *Sansom G.B.* Japan: A short cultural history. Vermont: Tokyo, 1991.
308. *Seward J.* Japanese in Action. New York; Tokyo, 1984.
309. *Sheldon Ch.D.* The rise of the merchant class in Tokugawa Japan. 1600-1868. New York, 1958.
310. *Smith R.J.* Japanese society: Tradition, Self and the Social Order. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney (Cambridge university), 1983.
311. *Smith Th.C.* The agrarian origins of modern Japan. Stanford (Stanford university), 1959.
312. *Sources of Japanese Tradition /* Compiled by Tsunoda Ryusaku, Wm. Th. de Bary, D. Keen. Vol. 1. New York; London (Columbia university), 1958.
313. *Totman C.D.* Japan before Perry. A short history. Berkeley; Los Angeles; London (University of California), 1981.
314. *Totman C.D.* Politics in the Tokugawa Bakufu: 1600-1843. Cambridge; Massachusetts (Harvard university), 1967.
315. *Totman C.D.* Tokugawa Iyeyasu: Shogun. San Francisco, 1983.
316. *Toussaint F.* Histoire du Japon. Paris, 1969.
317. *Tsukahira Toshio G.* Feudal Control in Tokugawa Japan: The Sankin kotai system. Cambridge (Harvard university), 1966.
318. *Varley H.P., Morris I., Morris N.* The Samurai. London, 1970.
319. *Warlords, artists and commoners: (Japan in the 16-th century) /* Ed. by G. Elison, B.L. Smith. Honolulu (University of Hawaii), 1981.
320. *Weipert H.* Japanisches Familien- und Erbrecht // Mitteilungen d. deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Vol. V. Pt. 43. [Yokohama], 1890. P. 83-141.
321. *Wigmore J.H.* Law and Justice in Tokugawa Japan. Pt. 1-10. Tokyo, 1967-1972.
322. *Wigmore J.H.* Legal system of Old Japan // Green Bag. Vol. IV. Boston (Massachusetts), 1892. P. 403-411, 478-484.
323. *Wigmore J.H.* Materials for the study of private law in Old Japan // TASJ. Vol. XX suppl. [Tokyo], 1892.
324. *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft.* № 8-9. Stuttgart, 1890.

索引

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ИНДЕКС

- Абэ 阿部, *дом* 11 *
- Анти 愛知, *геогр.* 11
- акутō 悪黨 41, 54
- Аматэрасу 天照, *миф.* 117
- Амида 阿弥陀 24
- амэ-ва охохи цути-ва носу
天覆地載 36
- амэ-но мити 天之道 29
- Андō 安藤, *дом* 11
- Аривара 在原, *дом* 30
- Асакуса 浅草, *геогр.* 10, 69
- асигару
(*см.*: кати-асигару) 47
- Асикага 足利, *дом* 81
- Асикага-бакуфу 足利幕府
(*см. также*: Муромати-бакуфу)
(24), (81)
- «Асука Киёмихара рицурэ»
「飛鳥浄原律令」, *кодекс*
(*см.*: «Киёмигара рэ») 60
- байгуань (*яп.* хяккан)
百官 25, 83
- байсин 倍臣 23, 89, 102
- байсин (*яп.* хякусэ) 百姓
14, 42, 45, 55, 83, 129
- баккаку 幕閣 125
- баку-бугэ 幕奉行 17
- бакуфу 幕府 3, 4, 10, 12, 15, 16,
20, 24, 25, 43, 48, 57, 58, 59, 61-
65, 68, 68, 70-71, 74, 80, 90, 94,
95, 98-100, 104, 110-113, 116, 118,
119-125, 127, 129, 133-134, 136-
137, 139, 141-142

* Указание языка приводится при наличии двуязычных вариантов прочтения иероглифа либо сочетания (дается только для варианта, помещенного в скобках), а также когда в индексе дан лишь китайский эквивалент. При отсутствии в индексе китайской параллели японскому аналогу язык не указывается.

В скобках также даны страницы, где соответствующее сочетание не использовано, но о нем идет речь либо фигурирует русский перевод термина. Жирным шрифтом отмечены страницы, где содержатся определения, перевод, иная важная информация. Иероглифическое написание имен современных японских ученых в индексе не дается (*см.* Список использованных источников и литературы).

бакухан(тайсэй)
幕藩(体制)
62, 90, (124), (128)
бан番(12), (17-18), (47), 92-93
Бансай 阪西, геогр.
(см. также: Кансай) 37
бансю 番衆 93
бугё 奉行
(см.: энкоку-бугё)
14, 45, 101, 126-128, 134, 142
будо 武道
(см.: бусидо) 27, 114
букэ 武家
(см.: даймё, сёкё)
98, 117
«Букэ сэхатто»
「武家諸法度」, кодекс
13, 62, 64, 94
«Букэ хяккадзё»
「武家百箇條」, кодекс
(см.: «Токугава сэйкэн
хяккадзё») 67, 99
бумон 武門 34
буси 武士
66, 80-82, 86-87, 98, 120, 123
бусидо 武士道 (см. также:
будо, си-но мити) 114
вакадосиёри 若年寄
(см. также: сё-рёдзю)
46-47, 70, 92, 125, 128-129
вакидзаси 脇差 55

Ван Янмин 王陽明,
кит. философ (ср.: яп.
оёмэй-гакуха) 63
Вэнь(-ван) 文(王),
кит. правитель 27, 31
гайсоку-мэцукэ
外側目付 18
Гамма-дзумэбан
雁間詰番 17
ги — см.: кит. и
гимми-яку 吟味役 17
гири 義理 144
гиси 義子 19
гисики 儀式 23
Гифу 岐阜, геогр. 88
гогё — см.: кит. усин
(го-)дайкан (御)代官
(см.: дайкан) 45-46
годзё — см.: кит. учан
го-икун 御遺訓 75
(го-)кандзё-бугё
(御)勘定奉行
(см.: кандзё-бугё)
44-47
Гокомацу 後小松,
яп. император 33
Гокэнин 御家人 (ср.: кэнин)
23, 89-90, 92, 102, 125
(го-)мэцукэ (御)目付
(см.: мэцукэ) 47

гонин-гуми 五人組 44, (48),
(54), (64), (104), 128-129, (134),
142, (144), 145
горё 御料、御領
(см. также: тэнрё)
39, 43, 45
горё-дзитō 御料地頭
39, 45
горин — см.: улушь
(го-)рōдзю (御)老中
(см. также: рōдзю (тай-)
рōдзю) 45-47, 66, 91-92,
125
(го-)санкё (御)三卿
(см.: камон) 90
(го-)санкэ (御)三家
(см.: камон) 90
гōси 郷士 103
«(Го-)сэйбай сикимоку»
「(御)成敗式目」, кодекс
(см. также: «Дзёэй сики-
моку») 61-62, 65, (70), (74)
госэку 五節句
(см.: госэцу) 27
(го)сэkkэ (五)攝家
— см.: сэkkэ 33
госэцу 五節 27
готэн 五典 35
гохэй 御幣 15
гуань (ял. кан) 官 25, 83, 96
гун 郡 37, 45

гун 公, кит. 28
гун (ял. кō) 工 (см. также: ши-
нун-гун-шан) 14, 23, (64),
82-86, (96), 102, 132, (140-141)
гундай 郡代
101, 127, 129, 142
гунсин 群臣 28
гэка-хондō 外科本道 17
гэкокудзё 下克上 81
Гэмбун 元文,
девиз годов правления
46, 48-50, 54
гэн-кё-ри-тэй —
см.: юань-сян-ли-чжэнь
Гэнроку 元祿,
девиз годов правления
6, 107, 141-142
гэсэн 下賤 29, 102
гэсюнин 下手人 23
дайдзёфу 大丈夫 35
дайкан 代官
(см. также: (го-)дайкан)
14, (45-46), 101, 127-129, 142
даймё 大名 (см. также: букэ,
сёкō) 26, 31-32, (34), 43, 58,
61-62, 68-69, 78, 81, 88-93, 98,
100-102, 116, 123-125, 127-128,
133-134, 142
дайрин 大倫 13, 22
дайсё-ноко 大小納戸 17
дан 檀 — см.: данрин

данрин 檀林 24
дао 道, *кит. религ. учение*
(*см. также: яп. дōкэ*)
23, 32, 109, 112, 136
«Дасюэ» 「大學」, *кит. канон*
36, 109, 130
Датэ 伊達, *дом* 61
дзэдай 城代
(*см.: Куно-дзэдай,*
Осака-(го-)дзэдай,
Сумпу-(го-)дзэдай)
16-17, 46-47, 127
Дзэдо(мон) 浄土(門),
буддийская секта 24
Дзэкэ 貞享,
девиз годов правления 49
дзэми 上巳 27
Дзээй 貞永,
девиз годов правления
61-62, 70, 74
«Дзээй сикимоку»
「貞永式目」, *кодекс* (*см.:*
«(Го-)сэйбай сикимок
у») 61-62, (65), 70, 74
дзиката-санъяку
地方三役
(*см.: мураката-санъяку,*
мура-якунин) 129
дзикирэхō 直領法 62
дзикисан 直參 (*см. также:*
дзиссин, касин) 23, 89, 92
Дзимму 神武, *яп. император*
29, 31-32, 98, 117
дзиндзицу 人日 27

дзиндзюцу 仁術 29, 37
«Дзинкайсю» 「塵芥集」,
кодекс 61
дзинуси 地主 51-52
дзисацу 自殺 21
дзиси 侍士 (*также ср.:*
самураи, си) 22
дзисси 實子 19
дзиссин 直臣
(*см.: дзикисан, касин*)
23, 89, 92
дзися-бугэ 寺社奉行
(*см. также: самбугэ*)
17, 43-44, 47, 125-126
дзися-мондзэн
寺社門前
(*см.: мондзэн-мати*) 43
дзися-энги 寺社縁起 48
дзитō 地頭 39, 45-46, 48,
127-128, 132, 134, 142
дзэн 禪, *буддийская секта* 110
дзю 戌 28
дзюдзэндзэн-но рэй
從前々之例
(43-45), (49-52), (54-55), 71
дзюндзэ 準繩 32
дзюруй 十類 21
«Дзюситидзэ-но кэмпо»
「十七條之憲法」 -
см.: «Сётоку-тайси-но
кэмпо»
дзюссёку - *см.: шу чжи*

дзюся 儒者 17

(Ди) Люй-гуй (帝) 履癸,
миф. кит. правитель (см. также:
Цзе) 30

(Ди) Синь (帝) 辛,
кит. правитель (см. также:
Чжоу) 30

дōбō-гасира, митибата-
гасира 道傍頭 17

Дои 土井, дом 11

дōкē 道教
(см. также: кит. дао) 23

дōсин 同心 93

дōтоку 道德 144

дэ (яп. току) 德
26-27, 32, 35-36, 117-118, 144

ё — см.: ян

Ёдогми 淀君 89

ē(кёку) 謠(曲) 34

ёнин 用人 128

ёрики 与力 93

Ёрō 養老, девиз годов правления
60-61, 79

«Ёрō рицурё» 「養老律令」,
кодекс (см. также: «Тайхō
Ёрō (рицурё)») 60-61, 79

ёрокоби-икари-аварэ-омои-к
анасими-осорэ-одороки
喜怒憂思悲恐驚 35

ёру, эн 緣 18

ёси 養子 19

Ёсимунэ —

см.: Токугава Ёсимунэ

Ёсинори 義憲 30

жэнь (яп. нин) 仁 (см. также:
учан) 13, (14), (16), 18-19,
(31), (33), (36-37), (94), 101,
(103), 116, (118), (120), 121-
122

жэнь-и-ли-чжи-синь
(яп. нин-ги-рэй-ти-син)
仁義禮智信 (см. также:
учан) 13, (101), 121

жэнь-ли-и-чжи (яп. нин-рэй-ги-ти)
仁禮義智 (ср.: жэнь-и-
ли-чжи-синь, см. также: сыдэ)
19

и (яп. ги) 義 (см. также: учан)
13-14, 19, 22, (33), (35), 86,
(110), 121-122, 144

И 猪 — см.: И-но ко

Ивацуки 岩附, геогр. 28

Ига 伊賀, геогр. 18

Ига-гуми 伊賀組 18
«Игаку-но кин»

「異學之禁」, указ 63

Идзуми 和泉, геогр. 44

Ии 井伊, дом 10, 15

ИИнь 伊尹,
кит. политический деятель 27

«И ли» 「儀禮」, кит. канон 32

Имагава 今川, дом 61

има-дзумэбан
居間詰番 17

ин — см.: инь
ин(дзю)-гуми 院(十)組
(см.: сёин-бан, сёин
(бан)-гуми) 12, 93
ин-ё — см.: инь-ян
И-но ко 猪子 27
инси 院使 33
инсэй 院政 33
инь — см.: инь-ян
Инь 殷
(см.: Шан(-Инь)) 16, 30
инь-ян (яп. ин-ё) 陰陽
22, 114-115, 132-133, 135
иппон 一本 23
ирэдзуми-татаки
入墨敲 53
Иссики 一色, дом 33
Итакура 板倉, дом 11
Итидзё 一条, дом 33
итидзи 一字 35
«Ицзин» 「易經」, кит. канон
13, 19, 109, 111
из (кит. цзя) 家 129, 143, 145-146
Иэмицу — см.: Токугава Иэмицу
измото 家元 59
Иэнари —
см.: Токугава Иэнари
изнуси 家主 44
Иэясу —
см.: Токугава Иэясу
«Кабэгаки» 「壁書」, кодекс 61
Кавагоэ 川越, геогр. 28

Кавати 河内, геогр. 44
кадзай 家財 48, 53, 55
кадзё 佳牒 27
Кадзё 嘉祥,
девиз годов правления 27
кадзоку 華族 33
Каи 甲斐, геогр. 61
кай, гай/и 亥 27
Камакура 鎌倉, геогр. 12, 80
Камакура-бакуфу 鎌倉幕府
(см. также: Минамото-бакуфу)
(11-12), 15, (24), (25), 58, (61),
62, (65), 70, 80, 81, (98)
Камакура-доно 鎌倉殿
(см. также: Минамото(-но)
Ёритомо, Тайсё, Удайсё)
12-13, 15-16, 26
камон 家門 (см. также: (го-)
санкё, (го-)санкё)
19, 23, 26, 90
кампаку 關白 (см.: тайкё,
Тоётоми Хидэёси) 33, 78
Кампё 寛保,
девиз годов правления 48, 50-53
Канагава 神奈川, геогр. 12
«Кана мокуроку»
「仮名目録」, кодекс 61
Канамори 金森, дом 11
кандзё-бугё 勘定奉行
(см. также: (го-)кандзё-
бугё, самбугё) 17, (44),
125-126
кандзё-хэйяку 勘定平役 18

канроку (см.: року) 官祿 13
Кансай 關西, геогр.
(см. также: Бансай) 37
Кансэй 寬政,
девят годов правления
6, 64-65, 71-72, 141
«Кансэй кэйтэн»
「寬政刑典」, кодекс 72
Кантō 關東, геогр. 37
Карасуяма 烏山, геогр. 28
кариката 借方 52
карō 家老 128
Касама 笠間, геогр. 28
касиката 貸方 52
касин (кит. цзячэнь) 家臣
(см.: дзикисан, дзиссин)
61, 89
катакиути 敵討 20, 23
катана 刀 55, 63, 78-79
«Катана-гари-но рэй»
「刀狩之令」, указ 63, 78, (79)
кати-асигару 徒士足輕 47
кати-мэцукэ 徒目付 18
кафукю 過不及 34
кафутэ 家父長 130
кё — см. цзяо
Кёгоку 京極, дом 11
«Кёику тёкуго»
「教育勅語」, указ 146
Кё(то) 京(都), геогр. 16, 17,
(24), (28), (44), (46-47), (78),
(93), 119, 126-127, 134, 142

Кё(то)-сёсидай
京(都)諸司代 (см. также:
сёсидай) 16, (46-47), 119,
127, 134, 142
Кёхō 享保,
девят годов правления
6, 44-46, 49, 64-65, 71, 141
ки 貴 — см.: ки (сэки)
ки 氣 — см.: ци
ки 窺 — см.: укагау
Киёвара 清原, дом 30
«Киёми(га) хара рё»
「淨御原令」, кодекс (см. также:
«Асука Киёмихара рицурё»)
60
Киёмидзу 清水, дом 90
Ки 紀伊, дом 90
кикан 龜鑑 16, 31
Кимияка 江家, дом 30
кин 禁 15
киндайка 近代化 4, 139
«Киндзю нараби-ни кугэ сёхатто»
「禁中並公家諸法度」,
кодекс 64, (98-99), (118)
кину 近流 34
кинсу 金子 53
кинсэй 近世 110, 140
кинсю 金主 48, 51, 53
Киото — см.: Кё(то)
кирисутэ (гомэн)
切捨(御免)
(см. также: утисутэ) 23

кироку-докоро гакари
記錄所掛 17
кисицу-но сэй
氣質之性 111
ки(сэки) 貴(戚) 102
кисю-гасира 旗手頭 17
Кита Сиракава
北白川, *принц* 72
китёна кёкун
貴重な教訓 75
кō 公 — *см.*: гун
кō 孝 — *см.*: сяо
когакуха 古學派,
《Школа мысли》 63
кōгōси 皇后使 33
《Кодзики》「古事記」,
свод преданий и легенд 117
ко(дзю)нин-гуми
小(十)人組 18, 93
кокка 國家 29, (34), (60), (62)
коку 石, *мера объема*
15, 20, 23, 89, 93, 102, 104, 127
кокугакуха 國學派,
《Школа мысли》 63
кокуси 國司 10, 14, 16, 19-
20, 26, 31, 34-35, 101
кокутай 國體 8
кōкэ 高家 17, 88
Комацу-доно 小松殿
посмертное имя Тайра Сигэмори
25
конин-гуми
— *см.*: ко(дзю)нин-гуми

Коноэ 近衛, *дом* 33
Корэмото 嘉牒 30
косаку 小作 40, 50, 52
косакунин 小作人 51
косё-гуми 小姓組 17, 93
кōси, о́дзи 皇子 25
косин 古臣 36
кōсяку 公爵 33
кōтай-ёрунай 交代寄合
(*см.*: санкин-кōтай) 125
кугэ 公家 33, 64, 80-81, 83,
98-99, 107, 117, 119-120, 122
Кудзё 九条, *дом* 33
《Кудзиката о-садамэгаки》
「公事方御定書」, *кодекс* 68
куми 組 35, 92-93
куми-гасира 組頭 (*см. также:*
оса-бьякусё, тосиёри)
48, 54-55, 129
куни 國 25, 31-33, 37, 44-45
Кунō 久能, *геогр.* 17, 127
Кунō-дзёдай 久能城代
(*см.*: дзёдай) 17, (127)
кунсин 君臣
15, 21-22, 32, 34, 36, 130
курокувася 黒鋏者 18
Куцуки 朽木, *дом* 11
《Кэйан о-фурэгаки》
「慶安御触書」, *указ* 131
Кэмму 建武,
девиз годов правления
61-62, 70, 74

《Кэмму сикимоку》

「建武式目」, кодекс

61-62, 70, 74

кэнин 家人 89

кэнти 檢地

— см.: тайкō-кэнти

кэнъё 權輿 26

кэрай 家來 39, 47

кэцудансё 決斷所

13-14, 29-30, 126

кэцуин 血印 32

кюкэй 九經 — см.: цзюцзин

кюкэй 九卿 — см.: цзюцин

кюсю 九州, геогр. 28, 31

ли (яп. ри) 理

36-37, 111, 117

ли (яп. рэй) 禮 (см. также:

учан) 13, 19, 28, 32-33, 35,
62, 116, 121, 143

Ли(-ван) 厲(王), кит. правитель
31

《Лицзи》「禮記」, кит. канон

13, 19, 32, 109, 130

《Лунь юй》「論語」, кит. канон

19, 62, 66, 109, 115-116

люйлин (яп. рицурё)

律令 34, 60-62, 79

Люй Шан 呂尚,

кит. военный деятель (см. также:

Тайгун Ван) 27

лянминь (яп. рёмин) 良民 79

маканай-гасира 賄頭 18

ман-докоро 政所 24

мати-бугё 町奉行 (см. также:

самбугё, Эдо-мати-бугё)

17, 43-44, 47, 125-126, (134),
(142)

Мацудайра Саданобу 松平定信

(см. также: Сиракава Ракуо)

6, 71-72, 141

Маэбаси 前橋, геогр. 28

мёгакин 冥加金 26

мёдэн 名田 51

мёдэн-косаку

名田小作 52

мибун (кит. шэньфэнь)

身分 63

мибун котэй 身分固定 78

《Мибун-но тэйрэй》

「身分之定例」, указ

63, 78-79, 115

《Мибун тосэйрэй》

「身分統制令」, указ

(см.: «Мибун-но тэйрэй») 78

Микава 三河、參河, геогр.

(см. также: Сансю) 11, 91, 125

мико 神子 25

Мин 明, кит. династия 62, 84, 90

мин 民 — см.: минь

Миномото 源, дом

(12-13), 24-25, 30, 80, 98

Миномото-бакуфу 源幕府

(см.: Камакура-бакуфу)
12, 24-25, 80

Минамото(-но) Ёритомото
源頼朝, сёгун (см. также:
Камакура-доно, Тайсё,
Удайсё) 12-13, 24
минь (яп. мин) 民 (79), 82-84
митибата-гасира
— см.: дōбō-гасира
Мито 水戸, дом 63, 90
митогаку 水戸學,
《школа мысли》 63
мондзэн-мати 門前町 (см. также:
дзися-мондзэн) 43
Мориёси 盛吉 30
Мориюки 盛行 34
мотидзуцу-гасира 持筒頭 17
Мураками 村上, дом 15
мураката-санъяку
村方三役 (см.: дзиката-
санъяку, мура-якунин)
129
мура-якунин 村役人
(см.: дзиката-санъяку,
мураката-санъяку)
42, 55, 129
Муромати-бакуфу 室町幕府
(см.: Асикага-бакуфу) (15),
43, 58, (61), 62, (65), 70, (98)
Муцу 陸奥, геогр. 61
Муцухито 睦仁, яп. император 72
Мэйдзи 明治,
девиз годов правления 4, 7, (20),
(27), 57-58, (61), (68-69), 72-73,
(83)

Мэйдзи-исин 明治維新
4, 7, 20, 27, 57, 61, 68-69, 72,
83
Мэн Кэ 孟軻
(см.: Мэн-цзы, кит. философ)
22
《Мэн-цзы》「孟子», кит. канон
14, 19, 22, 109, 120, 123
Мэн-цзы 孟子, кит. философ
(см. также: Мэн Кэ) 22, 109, 123
мэцукэ 目付
(см. также: (го-)мэцукэ)
17-18, 47, 64, 124-126, 127-
129, 134, 142
мэясу-ура (гаки сё) хан
目安裏(書初)判 43
Нагаи 永井, дом 11
Нагасаки 長崎, геогр.
31-32, 70
Нагасаки 長崎, дом 11
(Нага)сакиё (長)崎陽
(см.: Нагасаки, геогр.) 32
нагаэ-гасира 長柄頭 17
найдайдзин 内大臣
(см.: найфу) 25
найинси 内院使 33
найфу 内府
(см. также: найдайдзин) 25
Наканэ 中根, дом 11
Накатами 中臣, дом 30
нануси 名主 44, 48-55, 129
Нидзё 二条, дом 33

Нидзэ 二条, *замок* 28, 93
Никкō 日光, *геогр.* 10, 69
нин — *см.*: жэнь
нин-рэй-ги-ти
— *см.*: жэнь-ли-и-чжи
нин-ги-рэй-ти-син
— *см.*: жэнь-и-ли-чжи-синь
Ниниги-но микото
邇邇藝尊, *миф.* 117
Нисимару-русуй
西丸留守居 17
Нисиуми — *см.*: Сайкай, *геогр.*
Нитирэн 日蓮,
буддийская секта 54
«Нихонги» 「日本紀」,
хроника 117
Нō 能
классический японский театр 34
нō — *см.*: нун
нун (*яп.* нō) 農 (*см. также*: ши-
нун-гун-шан) 14, 23, (64),
(79-80), 82-84, 86, 96, 102-
103, (131-132), (140)
нэдзубан-гуми 寢番組 17
нэнгу 年貢
25, 42, 49, 51, 55, 102
нюрō 入牢 53
ōбан 大番 (12), 93
ōбан-гуми 大番組 12, 17
Овари 尾張, *дом* 90
Огасавара 小笠原, *дом*
11, 33
Ода 織田, *дом* (5), (78), (89)

Ода Нобунага 織田信長
5, 78, 89, 127
Ода Нобутака 織田信孝 89
Одавара 小田原, *геогр.* 28, 69
ōдзи — *см.*: кōси
ōёмэй-гакуха 王陽明學派,
《школа мысли》 (*см.*: Ван Янмин)
63
ōи-но сукэ 大炊介 20
Окадзаки 岡崎, *дом* 11
ōкубо 大久保, *дом* 11
оку-русуй 奥留守居 17
ōми 近江, *геогр.* 44
《ōми рē》 「近江令」, *кодекс*
60
Омигава 小見川, *геогр.* 28
омотэ-мэцукэ 表目付 18
о-мэмиэ 御目見 89
ō-мэцукэ 大目付
17, 47, (124), 125-127
он — *см.*: энъ
онру 遠流 34
ō-оку госē-гуми
大奥小姓組 17
ō-оку дзумэбан
大奥詰番 17
ō-русуй 大留守居 16
оса 長 14
оса-бьякусē 長百姓
(*см.*: куми-гасира) 129

«О-садамэгаки-ни
тэнкō рэйгаки»
「御定書に添候例書」,
кодекс (см. также: «Рэйгаки») 71
«О-садамэгаки хяккадзэ»
「御定書百箇條」,
《Кодекс из ста статей》 (см. также:
«О-сиоки о-садамэгаки»,
«О-сиоки хяккадзэ»)
3, 39-55, 65-75
Осака 大阪, 大坂, геогр.
11, 16-17, 28, 44, 46-47 88-89,
93, 126-127
Осака-го-дзэбан
大坂御定番 47
Осака-(го)-дзэдай
大坂(御)城代
(см.: дзэдай) 16, 46-47, (127)
Оси, Синобу 忍, геогр. 28
Осима 大島, дом 11
«О-сиоки о-садамэгаки»
「御仕置御定書」, кодекс
(см.: «О-садамэгаки
хяккадзэ») 68
«О-сиоки хяккадзэ»
「御仕置百箇條」, кодекс
(см.: «О-садамэгаки
хяккадзэ») 68
(о-)собаёнин (御)側用人
16, 126, 128
о-соба(сё) 御側 (衆) 46-47
Ота 太田, дом 11
Оути 大内, дом 61

о-фурэгаки 御触書 (напр. см.:
«Кэйан о-фурэгаки») 64, 105, 131
оябун-кобун 親分子分 145
рангакуха 蘭學派,
《Школа мысли》 63
рё 兩, денежная единица 53
рёинбэтто 兩院別當 24
рёмин — см.: лянминь
рёсю 領主
10, 14, 16, 19-20, 26, 29, 101
рёти 領地 39, 46
ри 理 — см.: ли
ри 里, мера длины 53
«Риккэй» «六經»,
кит. каноническое Шестикнижие 13
рикугэй 六藝 13
рин 林 — см.: данрин
ринри 倫理 144
рицурё — см.: люйлин
рицурё кокка
律令國家 34, 60, 62
рōдзё 老中 (см.: (го-)рōдзё,
(тай-)рōдзё) (16), (45-47),
(66), 71, (91-92), 125, 128
року 祿 (см. также: канроку)
(13), 23, 29, 31-32, 35, 101
рōнин 浪人 49, (104)
рōсин 老臣 10, 14, 19, 23, 28,
35, 38, 66, 91, 124-125
рэй — см.: ли

рэйбо 禮簿 32
 《Рэйгаки》「例書」
 — см.: 《О-садамэгаки-ни
 тэнкō рэйгаки》
 рэйкин 禮金 53
 Сага 嵯峨, *яп. император* 30
 Сададзуми 貞純 30
 Сайкай, Ниснуми 西海, *геогр.*
 28
 Сайкайдō
 西海道, *геогр.* 28
 Сакаи 酒井, *дом* 10
 Сакакибара 榊原, *дом* 10
 Сакиё 崎陽
 (см.: (Нага)сакиё) 32
 сакитэ-гуми 先手組 12, 17
 сакоку(-сэйсаку) 鎖國政策
 (57), 61, (72), 115
 Сакура 佐倉, *геогр.* 28
 сакэ 酒 21
 самбугē 三奉行 (см. также:
 дзися-бугē, кандзё-бугē,
 мати-бугē) (29), (39), 44-46,
 66, (68), 71, 101, 124-126, 128
 самураи 侍、士 6, 47, 49,
 80, 86-99, 103-104, 114, 131
 самураи-докоро 侍所 24
 санги 參議 33
 сандай-кайкаку 三大改革
 — см.: Эдо-дзидай сандай-
 кайкаку

санкин-кōтай 參勤交代
 (см. также: кōтай-ёриай)
 100-101, 123, 125, 134, 142
 санкō — см.: саньган
 санкō кюкэй 三公九卿 34
 санкōрē-хатидзёмоку
 三綱領八條目 36
 санкō-хатидзё 三綱八條
 — см.: санкōрē-хатидзёмоку
 санкэ — см.: (го-)санкэ
 Сансю 三州, *геогр.*
 (см.: Микава) 11
 сантёха 三鳥派 (см.:
 сантёха фудзю-фусэ) 54
 сантёха фудзю-фусэ
 三鳥派不受不施
 41, 54, 112
 саньган (*яп.* санкō) 三綱 36
 сасихикаэ 差扣 39, 47
 сē 將 (см.: сēгун) 26-27, 36-37
 сē 商 — см.: шан
 сēгун 將軍 (см.: сэйи-(тай)
 сēгун) 3-6, 10-11, 14-20, 23-
 28, 30-32, 35-37, 39, 43, 45-47,
 61-63, 67-73, 78, 80-81, 85, 87-93,
 96, 98, 100-102, 109, 113, 116-121,
 122-130, 132-136, 138, 142, 144,
 147
 сёин-бан 書院番 12, 93
 сёин(бан)-гуми 書院(番)組
 (см. также: индзю-гуми)
 12, 17, 93
 сёкō — см.: чжухоу
 сёкубун 職分 26, (37)

сѣмѣ 小名 26, 88-89, 91, 98
сѣмоцу-бугѣ 書物奉行 17
сѣ-рōдзю 小老中 (см. также:
вакадосиѣри) 16, (46-47),
70, (92), 125, (128-129)
сѣси 諸士 (ср.: самураи, си)
23, 64, 85, 98
сѣсидай 所司代 (см.: Кѣ(то)-
сѣсидай) (16), 46-47, (119),
(127), (134), (142)
《Сѣси хатто》「諸士法度」,
кодекс 64, 85
《Сѣсюдзин хатто》
「諸宗寺院法度」, кодекс
64
《Сѣся нѣги каннуси хатто》
「諸社禰宜神主法度」,
кодекс 64
Сѣтоку-(тайси) 聖德(太子),
принц 36, 59, 114
《Сѣтоку-тайси-но кэмпо》
「聖德太子之憲法」,
《Конституция》Сѣтоку(см. также:
《Дзюситидзѣ-но кэмпо》)
36, 59, 114
сѣхō 將法 26
сѣэн 莊園 80-81
сѣяку 諸役 25, 42, 49, 51, 55, 102
си — см.: ши; си-нō-кō-сѣ
Сидзуока 静岡, геогр. 17
сикари 叱 49, (50-51)
сики 式 27
сиккэн-(сѣку) 執權(職) 11

сикэй 四經
— см.: сикэй кюкэй
сикэй кюкэй
— см.: сыцзин цзюцзин
Симабара 島原, геогр. 113
симбан 新番 93
симбу 神武 (ср.: Дзимму) 31
симин 四民 (см. также: си-нō-
кō-сѣ) 14, 33, 35, 82, 86, (140)
Симодатэ 下館, геогр. 28
симпан 親藩 90
син 信 — см.: синь
син 臣 — см.: чэнь
сингаку 心學, 《школа мысли》 63
синдай-бунсан
身代分散 40, 52
синдай-кагири 身代限 40, 48
синнō(кэ) 親王(家) 25, 33, 119
Синобу — см.: Оси
си-нō-кō-сѣ — см.: ши-нун-
гун-шан; симин
си-но мити 士之道
(см.: бусидō) 31, 37, 114
《Синрицу кōрѣ》
「新律綱領」, кодекс 72
синси — см.: шэньши
синтай-бунсан 身躰分散
(ср.: синдай-бунсан) 52
синтай-кагири 身躰限
(ср.: синдай-кагири) 48

синтō 神道, *религиозное учение*
 10, 15, 17, 23, 25, 27, 30, 39, 41, 43,
 47-48, 59, 64-66, 79, 99, 110, 112-
 114, 117-118, 126, 136, 143

синь (яп. син) 信 (см. также:
 учан) 13, 22, (29), (101), 121, (122)

синьинси 新院使 33

сирабёси 白拍子 33

Сиракава Ракуō 白河樂翁
 (см.: Мацудайра Саданобу)
 71

сирё 私領 43, 45

ситайфу — см.: шидафу

ситиирэ-нуси 質入主 52

ситиоки-нуси 質置主 49-51

сититори-нуси 質取主 51

ситоку — см.: сьдэ

собаёнин 側用人
 — см.: (о-)собаёнин

сōгаку (кит. сунсюэ)
 宋學, *сунское конфуцианство*
 (109), 110, (112)

сōдака 總高 15

соннō-дзёи 尊王攘夷
 (сп.: кит. цзуньчжу) 121, 137

сōся 奏者 17

сōцуибуси 總追捕使 (см.:
 сōцуихоси, сьуго) 24

сōцуихоси 總追捕使
 (см.: сōцуибуси) 24, 37

сохō 祖法 75

Сугавара 菅原, *дом* 30

Сүдэн 崇伝, *монах* 91

Суй 隋, *кит. династия* 60

суйкё — см.: туйцзюй

Сумпу 駿府, *геогр.*
 (сп.: Суруга) 17, 28, 47, 127

Сумпу-(го-)дзёдай
 駿府(御)城代
 (см.: дзёдай) 17, (28), 47, (127)

Сун (яп. Сō) 宋, *кит. династия*
 34, 84, 95, 109-110, (112), 113

Суо 周防, *геогр.* 61

Суруга 駿河, *геогр.* 28, 61, 67

сьдэ (яп. ситоку) 四德 19

сьцзин цзюцзин (яп. сикэй
 кюкэй) 四經九經 19

《Сьшу》「四書», *кит. каноническое*
Четверокнижие 109, 130

Сэйва 清和, *яп. император*
 24, 30, 98, 117

сэйга 清華 33

сэйдō 政道 13, 26

сэйи-(тай) сёгун
 征夷大將軍 (см. также:
 сёгун) (3), 16, 25, 27, 119

сэйтоку 聖德 15

Сэкигахара 關ヶ原,
геогр. 11, 88

Сэкиядо 關宿, *геогр.* 28

сэккэ 攝家
 (см. также: (го)сэккэ) 33

сэммин — см.: цзяньминь

сэнги 詮議 54

сэнгоку дэидай 戰國時代
78, 81, 96, 121
сэнтō — см.: сянъдао
сэнтōси 仙洞使 33
Сэссю-кава 攝州川,
геогр. 11
Сэтцу 攝津, геогр. 44
Сэцу 攝, геогр.
(см. также: Сэтцу) 11
сюго 守護 (см. также: сōцуибуси,
сōцуихоси) 24
сюдзин 主人 21
Сюки — см.: Чжу Си
Сюси — см.: Чжу-цзы
сюсигаку 朱子學,
чжусианство, неоконфуцианство
(см. также: сюсигакуха)
(63), (65), (82), (85), (99), (108), 109,
(110-113), (117-118), (121), (129-
130), (133), (135-137), (142-143)
сюсигакуха 朱子學派,
чжусианская школа 63
Ся 夏, кит. миф. династия 30
сямисэн 三味線 34
сянъдао (яп. сэнтō) 仙道
23, 112
сяо(яп. кō) 孝 22, (130), 145, (146)
сяожэнь 小人, кит. 115
«Сяоцзин» [孝經], кит. канон 19
«Табатакэ эйдаи байбай го-сиоки»
「田畑永代賣買御仕置」,
указ 104
Тайвань 台灣, кит. геогр. 72

тайги-мэйбун 大義名分
(ср.: кит. чжэнмин динфэнь)
110, (115), (133), (142)
Тайгун Ван 太公望
(см.: Люй Шан) 27
Тайка 大化, девиз годов правления
25, 59-60, 64, 80, 83, 94-95, 106,
128
Тайка-но кайсин 大化改新,
реформы Тайка 25, 59-60, 64, 80,
83, 94-95, 106, 128
«Тайка-кайсин-но микотонори»
「大化改新之詔」,
《Манифест Тайка》 59
тайкёку — см.: тайцзи
тайкō 太閤 (см.: кампаку,
Тоётоми Хидэёси) 78
тайкō-кэнти 太閤檢地 78-79
Тайра 平, дом 25, 80
Тайра Киёмори 平清盛 25
Тайра Сигэмори 平重盛
(см. также: Комацу-доно) 25
(тай-) рōдзю (大)老中
(см.: (го-) рōдзю, рōдзю)
16, (45-47), (66), 71, (91-92), 125,
128
тайрō(-сики) 大老(識)
16, 19, 28, 124-125
Тайсё 大將 (см.: Удайсё
(-доно), Минамото(-но)
Ёритомото) 13
Тайхō 大宝, девиз годов правления
60, 79
«Тайхō Ёрō (рицу) рё»
「大宝養老(律)令」, кодекс
(см.: «Ёрō рицурё», «Тайхō
рицурё») 60-61, 79

《Тайхō рицурē》「大宝律令」,
кодекс (см. также: 《Тайхō Ёрō
(рицу)рē》) 60-61

тайцзи (яп. тайкёку) 大極
22, 111

Такасаки 高崎, геогр. 28

Такацукаса 鷹司, дом 33

Такэда 武田, дом 61
《Такэда Сингэн кахō》
「武田信玄家法」,
кодекс 61

Тамба 丹波, геогр. 44

Тамэёси 爲義 30

Тан 唐, кит. династия 60, 84-85, 96

танабата 七夕 27

Тан(-ван) 湯(王), кит. правитель
(см. также: (Чэн)-Тан) 15-16, 31

танго 端午 27

Танума Окицугу 田沼意次 71

Татибана 橘, дом 30

Таясу 田安, дом 90

Таясу Мунэтакэ 田安宗武 71

тё/и, иносиси 猪 27

тёё 重陽 27

тёдзися 丁子者 18

тёкуси 勅使 33

тёнайкай 町内会 145

тёнин 町人 42, 55, 84, 141

ти — см.: чжи

тигё 智行 26

Тиёда 千代田, замок 93

тити-ва ги, хаха-ва ицукусими,
ани-ва томо, отōто-ва
цуцусими, ко-ва кō
父者義、母者慈、兄者友、
弟者恭、子者孝 22

тōгүси 東宮使 33

тодзама(-даймё) 外様(大名)
11, 14, 28-29, 31, 35, 37, 88-89, 91,
100-101, 123

Тоёвара 豊原, дом 30

Тоётоми 豊臣, дом 88-89

Тоётоми Хидэёри 豊臣秀頼
88-89

Тоётоми Хидэёси 豊臣秀吉
(см. также: кампаку, тайкō)
5, 11, 63-64, 78, 82, 84, 88-89, 98,
103, 107, 113, 128

токоро-бараи 所拂
(48), 52, (53-55)

току — см.: дэ

Токугава 徳川, дом
3-4, (11), 19, 23, 35, 88, 90-91, 100,
(125), (128), 134, 138, (142)

Токугава 徳川, период
— см.: Эдо, период

Токугава-бакуфу 徳川幕府
(см. также: бакуфу, Эдо-бакуфу)
3, (5-6), (23), 26, 28, 59, 62, (63-66),
(68-69), 71, (73), (75-78), 82, (85-86),
87, (89-91), (94-95), 96, (97-98),
(100), 103, (104-108), (110-114),
(116), (118), 119, (120-124), 125,
(126-130), (132-136), 137, 139,
(141-144), (147)

Токугава Ёсимунэ 徳川吉宗,
сёгун 6, 68, 70-71
Токугава Иэмицу 徳川家光,
сёгун 62, 70, 125
Токугава Иэнари 徳川家齊,
сёгун 71
Токугава Иэясу 徳川家康,
сёгун (см. также: Тōсёкō)
4-5, 10-11, 35, (63), 67, 70-71, 73,
75, 77, 88-89, 101, 113, 117, (118-
119), 123, 125-126, (133), 138
《Токугава сэйкэн хяккадзё》
「徳川成憲百箇條」,
《Стостатейные установления
Токугава》 (см. также: 《Букэ
хяккадзё》) 3, 10-38, 67
Токугава Хидэтада
徳川秀忠, сёгун 67, 89
Токугава Цунаёси
徳川綱吉, сёгун 126
тōкэ 當家 35
Тōма-дзумэбан 桐間詰番 17
тонари-гуми 隣組 145
тōнин 頭人 14
Тōсё 東照 10
Тōсёгү 東照宮 10
Тōсёкō 東照公, посмертное имя
Токугава Иэясу 10
тосиёри 年寄 (ср.: куми-
гасира; рōдзю) 125, 129
Тōэйдзан 東叡山, геогр. 24
гуйцзюй (яп. суйкё) 推舉 97
тэйё магаки-ни сэмару
羝羊逼藩 24

тэйё магаки-ни фуру
(кит. ди ян чу фан)
羝羊觸藩 24
ТЭММЭЙ — см.: ТЯНЬМИН
Тэмпо 天保, девиз годов правления
6, 64-65, 141
тэмпэй 天兵 28
Тэндай 天台, буддийская секта
24-25, 119
Тэндай-Дзёдо 天台淨土,
буддийские секты 24
тэнка [-ва] тэки насн
天下無敵 31
Тэнкай 天海, монах 91
тэннō 天皇 3
тэнрē 天領 (см.: горē) 43
тэнсю 天守 97
тэнсю-гасира 天守頭 17, 97
тjōгэн 中間 47
тjōко 中古 34
тjō-оку дзумэсю 中奥詰衆 17
тjō-оку косё 中奥扈從 17
тjōрō 中老 128
тjōру 中流 34
тjōсин 忠臣 22-23, 29
тjōсэй 中世 140
тякуси 嫡子 19
тяньмин (яп. тэммэй) 天命
(30), 117-118, (136)

У(-ван) 武(王), *кит. правитель*
16, 27-28, 31
Уда 宇多, *яп. император* 30
Удайсе(-доно) 右大將(殿)
(*см.*: Минамото(-но) Ёритомо,
Тайсе) 13, 15, 20, 35
укагау, ки 窺 21
улушь (*яп. горин*) 五倫
13, 22, 121-122, 130, (131),
(135-136), 144
умая-буге 厩奉行 18
усин (*яп. гогэ*) 五行
12, (22), 34, 121
утисутэ 討捨
(*см.*: кирисутэ(гомэн)) 23
《Уцзин》「五經」, *кит. каноническое*
Пятикнижие 109, 130
Уцуномия 宇都宮, *геогр.* 28
учан (*яп. годзэ*) 五常
(*см. также* ЖЭнь-и-ли-чжи-синь)
13, 36, (101), 121-122, (136),
144
Уэно 上野, *геогр.* 24

фа (*яп. хō*) 法 143
фүги 風儀 35, 37
фуги-но тайсицу
不義之大失 33
фудай 譜代、譜第
11, 14, 21, 24, 28-29, 31, 35-37,
88-89, 91-92, 100-101
фудай-дайме 譜代大名、
譜第大名 91, 100

Фудзивара 藤原, *дом* 33
фудзю-фусэ ха 不受不施派
(*см.*: сантэ ха фудзю-фусэ)
(41), 54, (112)
Фудэма-якунин
芙蓉間役人 17
фукуси 副使 33
Фурукава 古河, *геогр.* 28
Фусими 伏見, *геогр.* 17
Фусими-сёсидай
伏見諸司代 17
фуси-но ситасими, кунсин
но ги, фуфу-но бэцу,
тёё-но дзё, хою-но син
父子之親、君臣之義、
夫婦之別、長幼之序、
朋友之信 22
футаэ-какиирэ
二重書入 40, 52
футаэ-сити 二重質 40, 52
футодоки 不届 47
футоку 不徳 32, 35

хан 藩 (10), 58, (61-62), 81, 90,
124, 128, 142
Хань 漢, *кит. династия* 31, 34, 109
Харима 播磨, *геогр.* 44
хатакэ 畑 104
хатамото 旗本
23, 37, 89-90, 92, 102, 125, 127
хатидза 八座 33

хатидзэ 八條 (см. также:
санкōрē-хатидзэмоку)
36, (130)
хэдзэсэ 評定所
39, 44, 46, 126
Хи 肥, геогр.
(см.: Хиго, Хидзэн) 31
Хиго 肥後, геогр. 31
Хидзэн 肥前, геогр. 31
Хидэдзуми 秀包 30
Хисю 肥州, геогр.
(см.: Хи, Хиго, Хидзэн) 31
Хитоцубаси 一橋, дом 90
Хизэй(дзан) 比叡(山), геогр. 24
хō — см.: фа
Хōдзэ 北条, дом 11
Хōдзэ Ясутоки
北条泰時 65-66
Хōкōдзи 法興寺,
буддийский храм 78
хомбьякусэ 本百姓
(14), (42), (45), (55), (83), 129
Хонда 本多, дом 10, 15
хонкэ 本家 90
хоннэн-но сэй 本然之性 111
Хōрэки 宝曆,
девиз годов правления 71
Хосокава 細川, дом 33
Хотта 堀田, дом 11
хэй 幣 — см.: ГОХЭЙ
Хэйан 平安, период 33, 96

хэйно бунри 兵農分離 79
хяккан — см.: байгуань
хякусэ — см.: байсин
хякусэдай 百姓代 129
Цзе 桀, посмертное имя кит. правителя
(Ди) Люй-гуй 30
цзуньчжу 尊主
(ср.: яп. соннō-дзэи) 121
цзюньцзы 君子 87, 115
цзюцзин (яп. кюкэй)
九經 19, 35
цзюцин (яп. кюкэй)
九卿 33-34
цзя — см.: иэ
цзяньминь (яп. сэммин)
賤民 79
цзяо (яп. кё) 教 110
цзячэнь — см.: касин
ци (яп. ки) 氣 111
Цинь 秦, кит. династия 31
цукаи-бан 使番 18
цукибан(сэй) 月番(制)
43, (44-45), 94, 123, 126, 134,
142
Цуцудзима-якугакари
躑躅間役掛 17
Цунаёси
— см.: Токугава Цунаёси
Цутия 土屋, дом 11
чжи (яп. ти) 智
(см. также: учан) 13, 19, 121

Чжоу 周, *кит. династия*
13, 16, 27-28, 31-32

Чжоу 紂, *посмертное имя кит. правителя*
Ди Синя 30

Чжоу Дуньи 周敦頤,
кит. философ 111

«Чжоу ли» 「周禮」,
кит. канон 19, 32

«Чжуньюнь» 「中庸」,
кит. канон 19, 109

Чжу Си (*яп. Сюки*) 朱熹
(*см. также: Чжу-цзы, сюсигаку*)
(63), 109-113, (117-118), 121,
(133), (135-136), 137

чжухоу (*яп. сёкō*) 諸侯
(*см. также: яп. букэ, даймё*)
32, 88

Чжу-цзы (*яп. Сюси*) 朱子
(*см.: Чжу Си*) (63), 109

Чжу Юаньчжан 朱元璋,
кит. правитель 84

чжэнмин динфэнь 正名定分
(*ср.: яп. тайги-мэйбун*)
110, (115), (133), (142)

«Чуньцю» 「春秋」,
кит. канон 13, 19, 109

(Чэн-)Тан (成)湯,
титул кит. правителя Тан (вана) 16

чэнь (*яп. син*) 臣 (10), (12),
(14-15), (19), (21-23), (28-29),
(32), (34-35), 36-37, (38), (61),
(66), 83, (89), (91-92), 97, (102),
(124-125), (130)

чэнь-минь 臣民, *кит.* 82-83

чэнь-минь-ши-нун-гун-шан-сэн
臣民士農工商儉, *кит.* 84

чэнь-нун-шан-гун 臣農商工,
кит. 83-84

шан (*яп. сё*) 商 (*см. также: чэнь-*
минь-ши-нун-гун-шан-сэн;
чэнь-нун-шан-гун: ши-нун-
гун-шан) 14, 23, (64), 82-86, (96),
102, (105-107), (132), (140-141)

Шан (-Инь) 商 (殷),
кит. династия 16, 27, 30

ши (*яп. си*) 士 (*см. также: ши-*
нун-гун-шан) 11-12, 14, 16,
22-23, (31), (37), 82, 84, 86-99,
106-107, (114), 136, 138-140

шидафу (*яп. ситайфу*) 士大夫
11, 19, 29, 34, 85, 102

ши-нун-гун-шан
(*яп. си-нō-кō-сё*)

士農工商 (*см. также: яп.*
симин) 14, 23, (64), 82, 84,
(140)

«Шицзин» 「詩經」, *кит. канон*
13, 19, 109

Шунь 舜, *миф. кит. правитель*
22, 117, 130

«Шуцзин» 「書經」,
кит. канон 13, 19, 22, 109

шучжи (*яп. дзюссёку*)

述職 11

шэнь 紳, *кит.* 97

шэньфэнь — *см.: мибун*

шэньши (*яп. синси*)

紳士 97, 103

э 會 27
Эдо 江戸, геогр.
3, 16-17, 24, 28, 40, 43, 53, 89,
92-93, 100, 126
Эдо 江戸, период
(см. также: Токугава, период)
3, (5-6), 62-65, 71, (76), (78),
82, (86-87), (90), (95-98), (100),
(103-106), 112-114, (116), 121,
124-125, (128), 130, 132-135,
137-139, 141-142, 145, 147
Эдо-бакуфу 江戸幕府 (см.
также: Токугава-бакуфу)
32, 43, 63, (64), (68), 78, (92),
(94), (125)
Эдо-дзидай сандай-кайкаку
江戸時代三大改革
64-65, 141
Эдо-матт-бугё 江戸町奉行
(см.: матт-бугё) (17), (43),
(47), (125-126)
Эйдзан 叡山 (см.: Тōэйдзан,
Хиэй(дзан)) 24
эй-косаку 永小作 52
эн — см.: ёру
Энкё 延享, девиз годов правления
43, 47, 49, 51, 53-55, 71
энкоку-бугё 遠國奉行
(см. также: бугё) 45, 47,
(101), 127, (128), (134), (142)
Энрякудзи 延暦寺,
буддийский храм 24
энь (яп. он) 恩 145
эта 穢多 33

Ю 幽, кит. геогр. 31
юань-сян-ли-чжэнь
(яп. гэн-кё-ри-тэй)
元享利貞 19
Юй(-ван) 禹(王), миф. кит. правитель
30-31, 117, 130
юйгон 遺言 75
Юки 結城, геогр. 28
юми-гасира 弓頭 17
«Юэцзин» 「樂記」, кит. канон 13
якунин 役人
(17), 20, (42), (55), (129)
ямабуси 山伏 30
Ямага Сокō 山鹿素行 114
Ямамото 山本, дом 11
Ямасиро 山城, геогр. 44
Ямато 大和, геогр. 44
ян — см.: инь-ян
Яо 堯, миф. кит. правитель
21, 30-31, 117, 130
ясики 屋敷 48, 52

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
ПЕРЕВОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	
<i>Токугава сэйкэн хяккадзё</i> («Стостатейные установления Токугава [Иэясу]») 1616 г.	10
<i>О-садамэгаки хяккадзё</i> («Кодекс из ста статей») 1742 г.	39
Глава 1. «Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей» в системе традиционного японского права	
Общие замечания	56
Письменное право феодальной Японии	58
«Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей» — новая фаза в эволюции традиционного права Японии	65
История создания документов	67
Публикация и исследование памятников	72
Глава 2. Установления и Кодекс о социальной структуре японского общества XVII — середины XVIII в.	
Общие замечания	76
Происхождение и история института сословий Японии до Токугава	79
Сословная структура при Токугава	82
Воинское сословие «си»: внутренняя структура и общественная значимость	86
Привилегированные сословия в системе отношений собственности	99
Низшие сословия в системе отношений собственности	102
Глава 3. Политическая идеология и политическая организация японского общества XVII — середины XVIII в. и их отражение в Установлениях и Кодексе	
Общие замечания	109
Идейные истоки политической системы и ее устон	114
Император и сёгун: место в политической системе	116

Основы и принципы организации управления: политическая система и структура бюрократического аппарата.....	121
Дом и семья «иэ» как основа традиционного японского общества.....	129
Заключение.....	138
Список использованных источников и литературы.....	148
Иероглифический индекс.....	163

Филиппов Александр Викторович

**«СТОСТАТЕЙНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОКУГАВА» 1616 г.
«КОДЕКС ИЗ СТА СТАТЕЙ» 1742 г.**

**Право, общество и идеология Японии
первой половины эпохи Эдо**

Редактор *С. Е. Хазанова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *О. В. Михайлова*

Лицензия 040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 19.01.98. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 12,66. Тираж 300 экз. Заказ 19.

Издательство СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

